Д1» Москва в
30 её прошлом
М82 и настоящем
Вып II
Б ф
1

МОСКВА
ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №	
Дб 30 М82	457982	ПАСПОРТ
	№ тома 2	
	Список № порядковый №	
188 120.	Количество страниц	КНИГА ИМЕЕТ:
	Отд. томов, вып. №№	
26 л	Таблиц, карт, иллюстраций	
	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.	
	Дефекты	
29/6 53.	Печатных листов	
	Обрез	

563. ГПИБ

30
М82

Петръ Ѳомасовъ.

МОСКВА ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

т. II

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, д-ръ Н. Н. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, пр.-доц. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, И. Э. Грабарь, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, пр.-доц. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, Д. Г. Коноваловъ, проф. М. К. Любавскій, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, А. П. Новицкій, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, инж.-арх. В. И. Рубановъ, пр.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. М. Н. Сперанскій, пр.-доц. В. Н. Сторожевъ, кн. А. И. Сумбатовъ, Н. И. Тимковскій, В. К. Трутовскій, директоръ Археолог. инст. А. И. Успенскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, П. М. Шестаковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ и мн. др.

Роскошно-Иллюстрированное изданіе Посвященное памяти историка Москвы И. Е. ЗАБѢЛИНА.

Московское Книгоиздательское Товарищество
„Образованіе"

[1909]

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества".
Москва, МыльниковЪ пер., с. д. Телеф. 18-35.

Часть первая

II.

Изъ Евангелія Апракосъ XII в.

Шереметевъ.

ПОСОЛЬСКІЙ ПРИКАЗЪ.

Картина находится въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Василий Шегеметев

Изъ Псалтыря суздальск. монаст. XVI в.

Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

В. И. Пичета.

Шестнадцатый вѣкъ—эпоха перелома въ жизни Московскаго государства. Исчезаютъ послѣдніе остатки феодальной системы—родовитое княжье сходитъ съ исторической сцены, уступивъ мѣсто новымъ общественнымъ классамъ. Старые сотрудники Московскаго князя, оттѣсненные средними классами служилаго сословія, превращаются въ политическихъ противниковъ Московскаго государя, нашедшаго себѣ поддержку въ самосознаніи среднихъ слоевъ русскаго общества.

Измѣнились также и соціальныя условія жизни русскаго крестьянства. Порѣдѣли ряды свободныхъ «перехожихъ людей». Растетъ крестьянская задолженность, приковывавшая крестьянина къ мѣсту его жительства, и тѣмъ фактически уничтожившая право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Народное хозяйство переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ, еще болѣе обострившій взаимныя отношенія класса землевладѣльцевъ къ помѣстному и вотчинному землевладѣнію, съ одной стороны, и крупнаго и мелкаго землевладѣнія, съ другой.

Такъ завязывался узелъ трехъ-актной трагедіи, разыгранной русскими общественными силами и иностранцами на территоріи Московскаго государства... Внутреннее состояніе Москвы было не блестящее. Страна нуждалась въ мирѣ и дружественныхъ связяхъ со своими сосѣдями, и, тѣмъ не менѣе, ей пришлось вести широкую, не по силамъ и средствамъ, внѣшнюю политику, еще болѣе осложнившую тогдашнія экономическія и соціальныя противорѣчія.

Московское государство XV вѣка оставило слѣдующему столѣтію рядъ неотложныхъ задачъ въ области внѣшнихъ отношеній. Скорѣйшаго разрѣшенія ихъ требовали и династическіе, и національно-религіозные интересы. Будущее Московскаго государства вполнѣ зависѣло отъ его международна-

го положенія. Отсюда рядъ тяжелыхъ, безпрерывныхъ войнъ, не всегда кончавшихся удачно, но, во всякомъ случаѣ, давшихъ Москвѣ нѣкоторые существенные результаты.

Къ XVI вѣку закончилось территоріальное объединеніе сѣверо-восточной Руси. Ростъ территоріи Московскаго княжества приблизилъ его границы къ Литовско-русскому государству, поглотившему цѣлый рядъ старинныхъ русскихъ волостей и областей. Московское правительство еще при Иванѣ III стремится къ возвращенію отъ Литвы русскихъ земель. Правительство Ивана III объявляетъ всѣ русскія земли своей отчиной, и съ свойственнымъ ему упрямствомъ и настойчивостью отрицаетъ право Литовскихъ князей на владѣніе русскими землями. Такъ намѣтилась въ области внѣшней политики задача соединенія юго-западной и сѣверо-западной Руси съ Русью Московской.

По мнѣнію московскихъ дипломатовъ, до полнаго возвращенія русскихъ областей у Москвы и рѣчи не могло быть о мирѣ съ Литвой. «Коли государь вашъ похочетъ,—говорили въ 1503 году московскіе бояре посламъ великаго князя Александра,—съ нашимъ государемъ любви и братства, и онъ бы государю нашему отчины ихъ Русскія земли всей поступился».

Такъ, вопросъ о территоріальномъ единствѣ всей Россіи дѣлается со временъ Ивана III господствующимъ началомъ политики русскихъ государей. Правительство Ивана III постоянно поддерживаетъ сношенія съ Литовскимъ государствомъ, пользуясь всякимъ случаемъ для напоминанія о принадлежности части территоріи Московскимъ князьямъ, какъ ихъ вотчины. Довольно часто мирные переговоры прерываются шумными военными дѣйствіями, напрягающими до послѣдней возможности силы обоихъ государствъ. Борьба не всегда была удачна для Москвы, но тогда же опредѣлилось, что главнымъ пунктомъ раздора между обоими государствами явится городъ Смоленскъ.

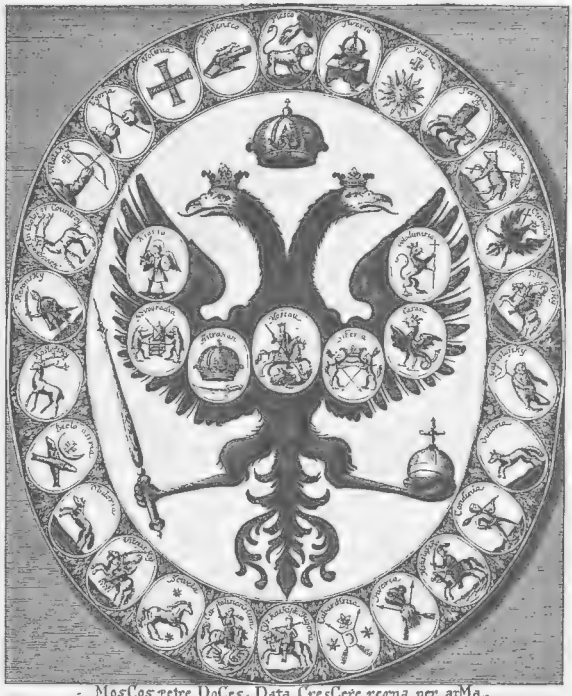
Борьба за Смоленскъ понятна. Занимая пограничное положеніе, онъ былъ воротами для входа въ Литовско-русское княжество. Сохраненіе Смоленска—это сохраненіе цѣльности и единства территоріи Литовско-русскаго княжества. Отдача его Москвѣ—это начало распаденія его территоріи. Обѣ стороны оцѣнили значеніе Смоленска. Недаромъ первоначально борьба ведется фактически только изъ-за Смоленска. Къ тому же указанный городъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ; владѣніе имъ давало возможность урегулированія торговли въ томъ или другомъ направленіи. И это усиливало желаніе Москвы захватить Смоленскъ, а литовцевъ заставляло, напрягая всѣ силы, отстаивать его.

При Василіи III характеръ отношеній къ Литвѣ оставался тотъ же, только войны кончились болѣе существеннымъ результатомъ, чѣмъ при Иванѣ III. Поводовъ для начала военныхъ дѣйствій было сколько угодно. Обѣ стороны были недовольны непрекращающимися пограничными ссорами. Каждая была готова взяться за оружіе изъ-за пустяковъ.

Перемиріе, заключенное въ 1509 году, кончилось довольно скоро. Московское правительство, пользуясь затруднительнымъ внутреннимъ поло-

женіемъ Литвы, въ 1512 году снова начинаетъ военныя дѣйствія, предлогомъ для которыхъ было мнимое насиліе надъ религіозными убѣжденіями сестры великаго князя, Елены Ивановны, и слухи о насильственной ея смерти,—она скончалась скоропостижно въ 1512 году. Кромѣ того, Литовскому князю ставились въ вину его отношенія къ татарамъ: заключеніе договора съ ханомъ съ обязательствомъ платить ему ежегодно по 15000 золотыхъ, если татары будутъ нападать на Московское государство. Результаты договора сказались скоро: съ 1512 года начинается рядъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ на юго-восточную украйну.

Предпринятая война имѣла опредѣленную цѣль: возвращеніе города Смоленска и его области. Московскія войска осадили Смоленскъ, но первая попытка взять его приступомъ кончилась неудачей: городъ былъ прекрасно укрѣпленъ, а московское служилое войско было мало подготовлено для штурмовъ крѣпостныхъ стѣнъ. Василій III вернулся домой, а лѣтомъ 1512 г. вторично отправился подъ Смоленскъ. И вторая осада кончилась неудачно. Только лѣтомъ 1514 г. Смоленскъ былъ взятъ.



Гербъ Русскаго царства и его областей. Изъ путешествій въ Московію І. Корба.

Во время трехъ смоленскихъ походовъ обстоятельства складывались для Москвы въ высшей степени удачно. Ближайшіе сосѣди Литвы предлагали Москвѣ помощь, и если фактически они не принимали участія въ войнѣ, то сохраненіе ими строгаго нейтралита, конечно, немало способствовало побѣдѣ московскаго оружія.

За взятіемъ Смоленска послѣдовало отобраніе и другихъ городовъ подъ «Государеву руку». Съ покоренными смольнянами Василій III обошелся по иному, чѣмъ съ псковичами, или Иванъ III—съ новгородцами. Добровольцевъ охотно принимали на службу; особой жалованной граматой подтверждались за духовенствомъ и прочими смоленскими людьми ихъ земли и

владѣнія, а также льготные судебные и гражданскіе уставы, данные Литовскими князьями; Смоленскъ при этомъ былъ освобожденъ отъ старинной ежегодной сторублевой дани. Сохраняя мѣстную самобытность, вопреки централистической политикѣ Московскихъ князей, Василій III хотѣлъ связать Смоленскъ болѣе крѣпкими узами. Тѣ же, кто хотѣлъ ѣхать въ Москву, получали соотвѣтствующее вспоможеніе. Съ взятіемъ Смоленска не прекратились военныя дѣйствія. Литовскій князь пошелъ на выручку Смоленска. Ему удалось разбить москвитянъ при Оршѣ, но Смоленскъ остался все-таки въ рукахъ Василія III, хотя въ самомъ городѣ было немало сторонниковъ Литвы. Впрочемъ, вслѣдъ за пораженіемъ отпали отъ Москвы нѣкоторые города Смоленской области. Обѣ стороны были достаточно истощены войной и хотѣли мира.

Начавшіеся переговоры долго не могли окончиться ничѣмъ. Обѣ стороны предъявляли невозможныя условія. Василій III требовалъ казни пановъ, причинившихъ насиліе его сестрѣ Еленѣ, возвращенія ея казны и волостей, отдачи Полоцка, Витебска, Кіева и другихъ городовъ, составлявшихъ отчину его прародителей. Сигизмундъ требовалъ не только возвращенія Смоленска, но также и половины Новгорода, Пскова, Твери и всей Сѣверской земли. Условія для обѣихъ сторонъ были не пріемлемы, и, въ концѣ концовъ, всѣ дальнѣйшіе переговоры свелись къ одному пункту—Смоленску. Только въ 1522 году удалось заключить перемиріе; Смоленскъ оставался за Москвой. Перемиріе было необходимо потому, что соединенныя силы Казани и Крыма шли на Москву.—Такъ кончился первый актъ борьбы за вотчины прародителей.

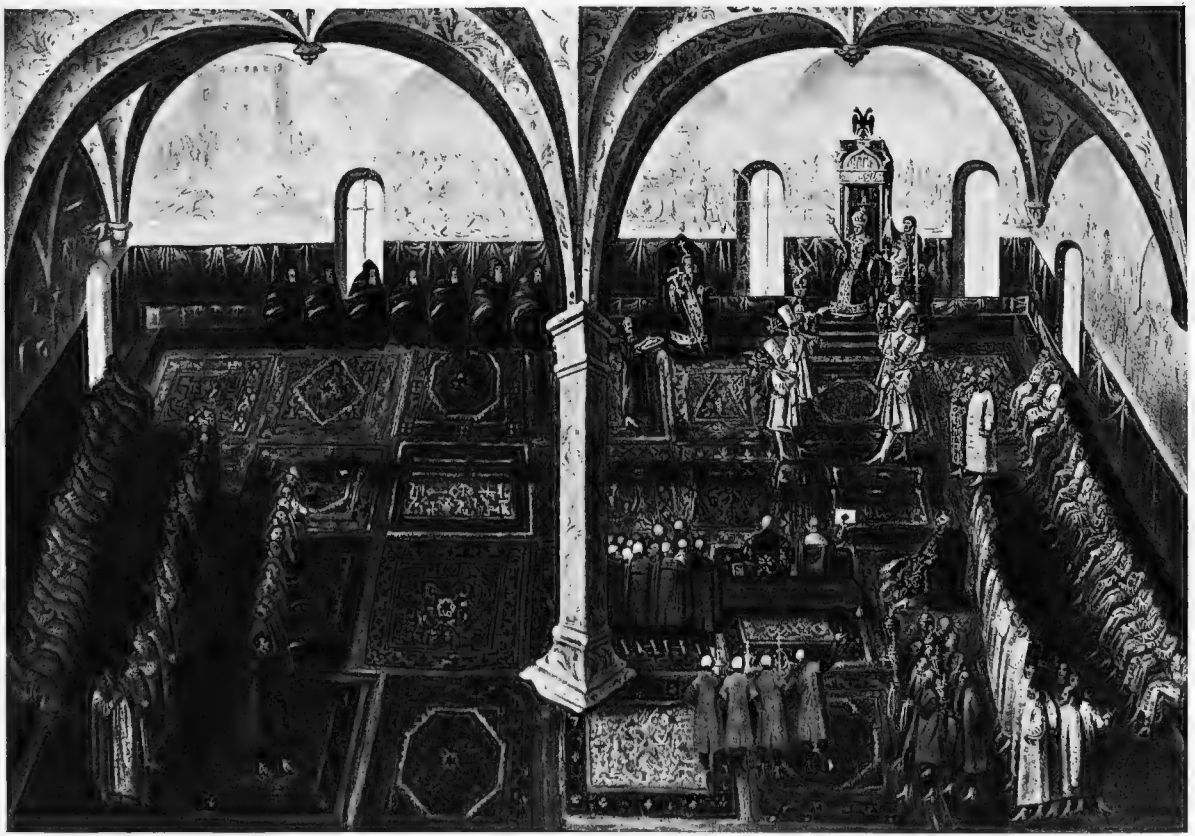
Перемиріе съ Литвой продолжалось до 1535 года. Въ этомъ году литовское правительство, разсчитывая на боярскія несогласія, разыгравшіяся послѣ смерти Василія III, объявило войну Москвѣ. Впрочемъ, ожиданія Литвы не оправдались. Московское боярство сумѣло заглушить въ себѣ чувства недовольства и протеста и организовать силы на борьбу съ врагами. Военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ велись вяло, съ перемѣннымъ успѣхомъ; оба врага были непрочь заключить перемиріе. Послѣ долгихъ переговоровъ, въ 1537 году, перемиріе было заключено. Обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли раньше. Военныя дѣйствія съ Литвой возобновились затѣмъ во время борьбы за Ливонію.

Балтійскій вопросъ, обострившійся при Грозномъ,—вопросъ старый. Нужду въ морѣ чувствовали особенно сильно еще новгородцы, встрѣчавшіе неоднократно затрудненіе въ торговлѣ изъ-за отсутствія моря, бывшаго въ рукахъ шведовъ, мѣшавшихъ болѣе активному развитію новгородской торговли.

Отношенія Новгорода къ шведамъ сводились къ урегулированію взаимныхъ недоразумѣній, возникавшихъ на почвѣ владѣнія шведами водами Финскаго залива. Предметами сношеній были: размежеваніе земель, торговыя дѣла, переговоры по заключенію дружественныхъ союзовъ, или союзовъ противъ общихъ враговъ, или предложеніе посредничества въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Паденіе Новгородской и Псковской самостоятельности поставило Москву въ прямыя отношенія къ Швеціи. Сначала

Пріемъ пословъ Лжедимитріемъ.

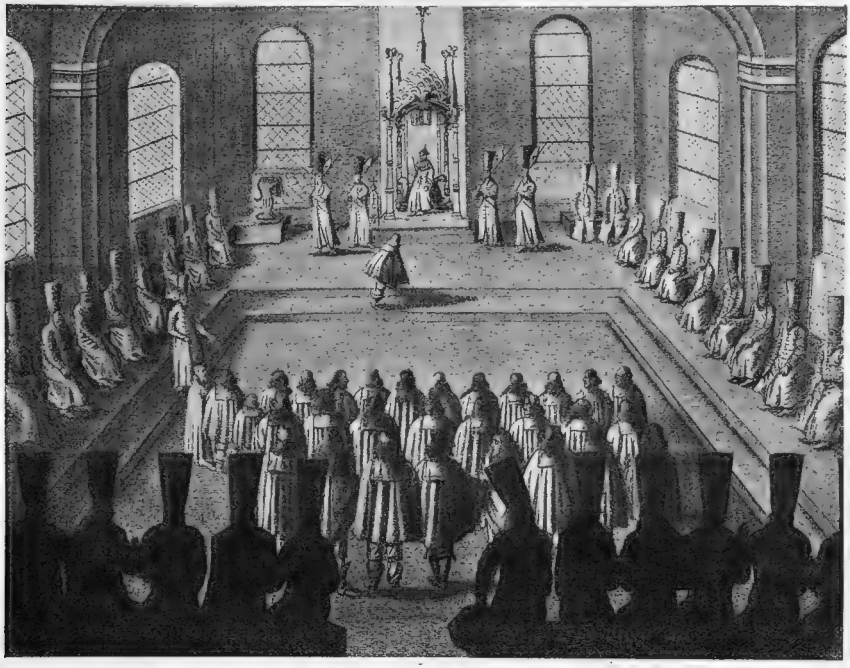
Картина находится въ Будапештскомъ музеѣ, копія въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.



между двумя сосѣдними государствами не было и тѣни недоразумѣній. Въ царствованіе Грознаго мирныя отношенія прервались военными дѣйствіями изъ-за Ливоніи.

II.

Правительство Грознаго особенно чутко относилось къ вопросу о необходимости для Московскаго государства пробиться къ морю. Къ тому же въ Ливоніи было не мало русскихъ земель, которыя по традиціи считались вотчиной прародителей. Начиная борьбу за отчины, Иванъ IV надѣялся упрочиться на берегахъ Балтики и пріобрѣсти тамъ себѣ какую-



Публичная аудіенція посольства. Изъ путешествія въ Московію Адама Олеарія.

нибудь гавань, которая дала бы возможность поддерживать непосредственныя отношенія съ Европой и въ торговыхъ операціяхъ не встрѣчать препятствій со стороны Ливонскаго Ордена, державшагося съ 1507 года особенно вызывающаго тона по отношенію къ Москвѣ.

Правительство до поры до времени терпѣло этотъ тонъ. Но въ 1553 году окончилось пятидесятилѣтнее перемиріе между Орденомъ и Москвой. Иванъ IV, не такъ давно вернувшійся въ Москву послѣ Казанскаго похода, хорошо зная внутреннюю слабость и военное ничтожество Ордена, рѣшилъ воспользоваться переговорами по поводу перемирія для начала военныхъ дѣйствій и завоеванія давно желанныхъ береговъ Балтійскаго

моря. Онъ соглашался на перемиріе подъ условіемъ предоставленія русскимъ и ливонскимъ гостямъ свободной торговли въ обоихъ государствахъ, отказа отъ союза съ польскимъ королемъ, вознагражденія за всѣ порубежныя и торговыя обиды, уплаты въ теченіе трехъ лѣтъ дани, слѣдовавшей съ города Юрьева, которую нѣмцы не платили около пятидесяти лѣтъ. Наконецъ, нѣмцы должны были очистить русскіе концы и церкви.

Нѣмецкіе дипломаты долго не соглашались, но, въ концѣ концовъ, имъ пришлось предположительно дать согласіе, такъ какъ договоръ вступалъ въ силу только по утвержденіи его ливонскими чинами. Мѣстный ландтагъ не хотѣлъ давать своего согласія, но затѣмъ рѣшилъ пойти на уступки: конфирмовать договоръ, но дани не платить и означенныхъ условій не выполнять.

Дѣйствительно, въ теченіе трехъ лѣтъ не было заплачено ни копейки, и когда въ 1557 году пріѣхали послы не съ деньгами, а съ просьбой о сложеніи юрьевской дани, Иванъ IV не принялъ посольства, чѣмъ фактически были объявлены военныя дѣйствія, прелюдіей къ которымъ было запрещеніе новгородскимъ, псковскимъ и ивангородскимъ купцамъ ѣздить къ нѣмцамъ. Послѣднее распоряженіе наносило рѣшительный ударъ нѣмецкой торговлѣ и богатству Ордена. Прекращеніе торговыхъ сношеній стало скоро ощутительнымъ для Ордена, и послѣдній пытается снова возобновить прежнія отношенія къ Москвѣ.

Посланное второе посольство ничего не добилось, такъ какъ оно не могло заплатить требуемыхъ денегъ, а на отсрочку Грозный не соглашался. Война была рѣшена. Начиналась она при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ для Москвы: борьба въ Орденѣ между духовной и свѣтской властью, раздѣливъ его на партіи, значительно его ослабила. Когда русская армія съ отрядами хищныхъ татаръ вторглась въ Ливонію, Орденъ былъ не въ состояніи оказать какое бы то ни было противодѣйствіе. Вся страна была опустошена. Затѣмъ началось завоеваніе отдѣльныхъ городовъ и замковъ. Въ скоромъ времени была завоевана Нарва, а затѣмъ и большая часть Эстляндіи очутилась въ рукахъ русскихъ. Иванъ IV торжествовалъ — мечта о гавани на Балтійскомъ морѣ стала реальнымъ фактомъ. Тогда же начались непосредственныя торговыя сношенія съ Европой, помимо монополистовъ — ганзейскихъ купцовъ. Правда, результаты торговыхъ операцій были не особенно значительны, но, во всякомъ случаѣ, они еще болѣе подчеркнули мысль о необходимости пріобрѣтенія порта на морѣ. И слѣдовавшія за взятіемъ Нарвы военныя дѣйствія были необыкновенно удачны для русскихъ. Подъ ударами русскихъ палъ Дерптъ. Иванъ IV сохранилъ за гражданами Дерпта Аугсбургское вѣроисповѣданіе, городское самоуправленіе, прежнія торговыя пошлины, обѣщалъ не выводить населенія въ Москву и не помѣщать военныхъ въ домахъ городскихъ обывателей. Для закрѣпленія Юрьевской области за русскими, стали ее населять боярскими дѣтьми, а епископъ и нѣкоторые граждане были переведены въ Москву, что являлось нарушеніемъ условій сдачи.

Паденіе Дерпта произвело потрясающее впечатлѣніе по всей Ливоніи. Орденскія власти растерялись, и многія укрѣпленія сдавались безъ боя.

Избраніемъ Кетлера коадъюторомъ орденскія власти надѣялись измѣнить къ лучшему свое положеніе. Отчасти это удалось, но городъ Дерптъ остался въ рукахъ русскихъ. Тогда Орденъ обращается за помощью къ сосѣдямъ. Послѣдніе посылаютъ пословъ съ просьбой о перемиріи. Иванъ IV согласился, такъ какъ начались военныя дѣйствія противъ Крыма. Во время перемирія Ливонія напрягала всѣ усилія для того, чтобы отыскать себѣ союзника для борьбы съ Москвой. Дипломатическіе переговоры прошли не безъ результата, но пріобрѣтеніе союзниковъ было куплено дорогой цѣной. Самобытное существованіе Ливоніи прекращалось—она отдавалась подъ покровительство Польско-литовскаго короля, обязавшагося защищать ее отъ русскихъ; но Польско-литовскій король не особенно спѣшилъ съ помощью, ссылаясь на перемиріе. По возобновленіи военныхъ дѣйствій русскіе снова опустошили страну. Полная невозможность защитить себя отъ русскихъ повела къ распаденію Ордена. Отдѣльныя его части попали въ руки сосѣдей: 1) сѣверъ отошелъ къ Швеціи, 2) островъ Эзель отошелъ къ датскому королю, 3) средняя Ливонія присоединилась къ Польско-литовскому государству, 4) Курляндія и Семигалія обратились въ вассальное герцогство, а сѣверо-восточная часть осталась въ рукахъ Москвы.

Раздѣленіе Ливоніи между сосѣдями было чревато послѣдствіями. Швеція и Польша не желали дальнѣйшаго усиленія Москвы; имъ nolens-volens пришлось принять участіе въ войнѣ: первая надѣялась оттѣснить совсѣмъ русскихъ отъ береговъ Балтійскаго моря; вторая мечтала о возвращеніи Смоленска и земель «прародителей». Такъ война ливонская превращается въ войну русско-литовскую и отчасти шведскую. Начало новой войны было также удачно для русскихъ: Москвѣ удалось взять Полоцкъ.

Наиболѣе видные граждане завоеваннаго города были переселены въ Москву, а евреи вмѣстѣ съ семьями утоплены. Затѣмъ начинается эпоха неудачъ и пораженій, прелюдіей къ которымъ было Оршинское пораженіе, выдающееся по своимъ размѣрамъ. Послѣ этого пораженія военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ велись довольно вяло. Временами шли переговоры о мирѣ, но обыкновенно кончались ничѣмъ: Иванъ IV ни за что не хотѣлъ отказаться отъ Ливоніи, не уступала и Литва, и требовала возвращенія Полоцка. Наконецъ, въ 1566 году пріѣхали въ Москву большіе литовскіе послы. Условія предлагаемаго мира были нѣсколько иныя: Москвѣ оставляли Полоцкъ и часть Ливоніи, а Иванъ хотѣлъ присоединенія всей Ливоніи, уступая королю Курляндію съ нѣсколькими городами на правомъ берегу Двины. Тогда же царь собралъ земскій соборъ, на которомъ обсуждался вопросъ о перемиріи и его условіяхъ. Рѣшеніе собора было не въ пользу мира. Царю давался совѣтъ продолжать войну, пока не будетъ присоединена вся Ливонія, старинная вотчина прародителей. Мы не знаемъ, насколько чиновные люди, составлявшіе земскій соборъ, были искренни въ своихъ заявленіяхъ; хотя окончательное завоеваніе Ливоніи и соотвѣтствовало интересамъ широкихъ слоевъ населенія, но моментъ былъ неудачный: у Москвы не было ни силъ, ни средствъ для дальнѣйшаго веденія войны, а внутри страны были опалы и казни, падавшія на

боярскія головы. Конечно, требованія Ивана IV были отвергнуты, и война возобновилась, но велась вяло, пока не умеръ Сигизмундъ, и на польскомъ престолѣ не оказался Стефанъ Баторій. Тогда характеръ военныхъ дѣйствій измѣнился. Стефанъ Баторій началъ наступательныя дѣйствія; русскимъ приходилось защищаться. Нерегулярная армія, состоявшая изъ служилыхъ людей, всюду была побиваема пѣхотой Баторія. Москва теряла свои завоеванія въ Ливоніи одно за другимъ. Былъ взятъ Полоцкъ, а за нимъ и другіе сосѣдніе города. Пали также крѣпости: Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, Ревель, Заволочье,—огромная часть Новгородской области была въ рукахъ Баторія, но зато передъ Псковомъ онъ потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Тогда Грозный обратился къ папскому посредничеству. Папство надѣялось, что возобновленіе сношеній съ Римомъ можетъ повлечь за собою соединеніе церквей. Но посольство Поссевина кончилось ничѣмъ. Грозный не хотѣлъ подымать никакихъ церковныхъ вопросовъ впредь до окончанія переговоровъ о мирѣ. Неудача подъ Псковомъ настраивала и Баторія въ пользу мира. Послѣ долгихъ переговоровъ перемиріе, въ концѣ концовъ, было заключено въ Киверовой Горкѣ на десять лѣтъ цѣной уступки всей Ливоніи, а поляки возвратили всѣ занятые псковскіе пригороды: Великія Луки, Заволочье, Холмъ и др.

Такъ неудачно кончилась борьба за Ливонію. Русскому правительству не удалось пробиться до береговъ Балтійскаго моря. Литва и Польша могли быть довольны ослабленіемъ опаснаго сосѣда, все настаивавшаго на возвращеніи «вотчинъ прародителей».

Неудачный исходъ войны наглядно обнаружилъ причины пораженій: отсталость русской арміи сравнительно съ организаціей арміи Баторія. Наша регулярная армія не могла равняться обученной пѣхотѣ Баторія. На Ливонскихъ поляхъ культурная Польша побѣдила некультурную Москву, и это пораженіе служило прекраснымъ доказательствомъ необходимости сближенія съ Западомъ, хотя бы для усвоенія новой военной техники. Борьба Грознаго съ боярствомъ, опалы и казни вносили, конечно, немало дезорганизаціи въ командующій классъ; но считать эту борьбу главной причиной пораженій, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки, на нашъ взглядъ, было бы рисковано.

Послѣ раздѣла Ливоніи Москвѣ пришлось столкнуться и со Швеціей. Правда, военныя дѣйствія противъ послѣдней были менѣе оживленными, и, въ общемъ, кончились неудачно. Швеціи удалось захватить рядъ городовъ въ Эстоніи и Новгородской землѣ: Ивангородъ, Ямь, Копорье. Ѳеодору Ивановичу не удалось вернуть русскихъ городовъ въ Эстоніи. По Тявзинскому договору 1595 года русскіе города оставались за шведами, но Новгородскіе пригороды: Ямь, Копорье, Ивангородъ — возвращались Москвѣ.

Ливонскимъ вопросомъ опредѣлялись также и дипломатическія сношенія съ другими народами. Сосѣдняя Австрія была противъ Польши, поддерживавшей возставшихъ противъ нея венгерцевъ.

Московское правительство пытается найти союзника въ Вѣнѣ для борьбы съ Литвой. Впрочемъ, хотя Вѣнское правительство принципіально было

Марина Мнишекъ.

Оригин. находятся въ Истор. Музеѣ въ Москвѣ въ залѣ Смутнаго времени. Изъ собраній Вел. Кн. Сергѣя Александровича.

Лжедимитрій.

Marianna MNISZCHO
WNA Georgii Palatini
Sandomiriensis ex Tarlouna
Progenita Filia Vxor Demetrii
IMPERATORIS Moschovia

Demetrius IMPERATOR
Moschovia Ejus Vxor Marianna
MNISZCHOWNA Georgii
Palatini Sandomiriensis
Progenita Filia

согласно вмѣшаться въ борьбу, но на дѣлѣ оно сохраняло нейтралитетъ. Совмѣстно съ Австріей русскіе поддерживали въ Польшѣ кандидатовъ на польскій престолъ. Вѣна неоднократно вступалась за Ливонію и просила о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Обсуждались также проекты общеевропейскаго союза противъ турокъ—именно тогда, когда Москва начинала терпѣть пораженія.

Съ сосѣдней Пруссіей начались дипломатическія сношенія еще въ началѣ XVI вѣка. Въ 1517 году былъ заключенъ союзъ противъ Польши, но онъ не далъ никакихъ практическихъ результатовъ. Съ другими государствами не было постоянныхъ дипломатическихъ сношеній, за отсутствіемъ общихъ интересовъ. Зато выступали на сцену интересы торговые. Вся сѣверная Европа была заинтересована въ развитіи торговыхъ сношеній съ Москвой. Болѣе правильныя торговыя сношенія установились съ Англіей. Открытіе Америки оживило предпріимчивость европейцевъ и возбудило въ нихъ надежды на новыя открытія.

Европа снаряжаетъ корабли и отправляетъ ихъ на поиски неизвѣстныхъ еще земель. Не осталась въ сторонѣ отъ этого движенія и Англія. У англичанъ зародилась мысль проникнуть въ Индію и Китай сѣвернымъ путемъ. Образовавшаяся торговая компанія снарядила три корабля, которые подъ управленіемъ Виллерби и лоцмана Ченслера отправились въ далекій путь. Два судна стали жертвой капризной водной стихіи, а третье подъ командой Ченслера—пристало около монастыря св. Николая. Это было въ 1553 году. Ченслеръ отправился въ Москву, и съ этого времени установились правильныя торговыя сношенія Москвы съ Англіей по Бѣломорскому пути. Иванъ IV былъ очень радъ англійскимъ торговымъ гостямъ и даровалъ имъ привилегію свободно торговать на русской территоріи.— Открытіе Бѣломорскаго пути было, конечно, выгодно для Москвы, и Грозный сразу оцѣнилъ его важность. Черезъ Бѣлое море онъ могъ непосредственно сноситься съ Европой и получать военные запасы и другіе предметы, пропускъ которыхъ черезъ Ливонію сопровождался большими затрудненіями. Русскіе могли вывозить за море рожь, селитру, лѣсъ, поташъ, смольчугу; иностранцы ввозили военные снаряды, мушкеты, порохъ, свинецъ, пушки, ядра, сукна, вина, фрукты, стекло и многое другое не только въ Россію, но также и для провоза въ Персію, Индію и Китай. Тѣмъ же путемъ присылали и различныхъ мастеровыхъ людей, пропускъ которыхъ сильно затрудняла Ливонія. Съ открытіемъ Бѣломорскаго пути Москва становилась центромъ экономическимъ, росло ея торговое значеніе. Она собирала внутри себя всѣ русскіе предметы вывоза, отправляемые на сѣверъ къ Холмогорамъ, а потомъ къ Архангельску. Англичане оцѣнили открытіе новаго рынка для сбыта своихъ товаровъ. Имъ удалось получить отъ Грознаго самыя широкія торговыя привилегіи: 1) право безпошлинной покупки русскихъ товаровъ; 2) безпошлинной торговли; 3) право строить фабрики и имѣть въ Москвѣ свои дворы. Впослѣдствіи были открыты складочныя конторы въ другихъ промышленныхъ пунктахъ на томъ пути, по которому должны были идти англійскіе товары. Наконецъ, англичане получили право строить дворы и въ другихъ русскихъ городахъ. Они, дѣй-

ствительно, пооткрывали ихъ въ Новгородѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Устюгѣ и др. Сначала отношенія Россіи къ Англіи основывались на обоюдныхъ торговыхъ интересахъ, но съ 1567 г. имъ пытаются придать иной характеръ. Иниціатива шла отъ Ивана IV, предложившаго Англіи заключить оборонительный и наступательный союзъ. Но Англія предпочла не отвѣчать ничего на предложеніе царя, такъ какъ ссориться ей съ сосѣдями Россіи едва ли имѣло смыслъ.

Иванъ IV отвѣтилъ отмѣной торговыхъ привилегій англичанъ, и впослѣдствіи англійскому послу Рандольфу стоило большихъ усилій и дипломатической ловкости возстановить уничтоженныя привилегіи. Посольство Совина, отправленнаго въ Англію Грознымъ для заключенія союза, кончилось тоже ничѣмъ. Совинъ ничего не добился отъ Елизаветы, кромѣ письма, въ которомъ было сказано, что «королева на вѣчныя времена вступаетъ въ братскій и дружественный союзъ съ царемъ», и что она «обязывается защищаться соединенными силами и бороться со всѣми, кто окажется нашими общими врагами». Результатами посольства Совина Иванъ IV остался, естественно, недоволенъ, и весь гнѣвъ палъ на голову англійской торговой компаніи. Гоненія продолжались до 1575 года, когда правительство вернуло компаніи всѣ ея привилегіи. Въ 1570 году Иванъ IV проситъ снова помощи. Правительство Елизаветы прислало 13 кораблей съ порохомъ и боевыми припасами. Тогда же Грозный предложилъ вторично союзъ противъ Польши, а также просилъ руки одной изъ кузинъ Елизаветы; но скоропостижная смерть Грознаго освободила Англію отъ его требованій. Такой же характеръ носили отношенія съ англичанами и при царѣ Ѳеодорѣ.

Таковы были внѣшнія отношенія Москвы съ европейскими державами. Въ нѣсколько иномъ видѣ представляются сношенія ея съ азіатскими народами.

III.

Послѣ распаденія Золотой Орды и паденія татарскаго ига, Москвѣ вѣчно приходилось быть насторожѣ. Только постоянною бдительностью можно было обезопасить себя отъ нападеній азіатскихъ сосѣдей, по-старому грабившихъ пограничныя, восточныя и южныя области. Къ счастью Московскихъ князей, татарскіе ханы какъ то не умѣли столковаться и координировать свои дѣйствія противъ Москвы.

Московское правительство пользовалось умѣло взаимной враждой хановъ, натравливая ихъ другъ на друга, входя съ ними въ сепаратныя соглашенія и заключая союзы противъ Литвы. Помимо этого, посылаются ханамъ подарки для привлеченія ихъ на свою сторону. Перешедшіе на службу въ Москву татары обыкновенно надѣлялись землей.

Но дипломатическія ухищренія не всегда достигали намѣченныхъ цѣлей.

Московскому правительству приходилось неоднократно разочаровываться въ союзникахъ, неожиданно превращавшихся во враговъ.

Еще при Иванѣ III прекрасно сознавали непрочность этихъ отношеній. Правительство каждое лѣто по-старому посылало на границы армію

для отраженія неожиданнаго набѣга. Все это требовало напряженія военныхъ силъ, большихъ расходовъ, становившихся не по плечу Московскому государству. Тогда же возникаетъ мысль о завоеваніи татарскихъ царствъ. Сначала думали только о Казани и Астрахани. Захватъ ими средней и нижней Волги сильно содѣйствовалъ ихъ экономическому расцвѣту. Казань была богатымъ рынкомъ, куда съѣзжались купцы съ отдаленнаго востока и степняки со скотомъ и рыбой.

Возможность захвата восточныхъ рынковъ и улучшенія экономическаго положенія страны тянула Москву къ Волгѣ. Притягивали также и богатѣйшія почвенныя и рыболовныя богатства Казанскаго царства. Къ тому же Казань была ближе Крыма. Захватить первую было легче, чѣмъ покорить второй. Поставивъ себѣ очередной задачей завоеваніе Поволжья, правительство медленной, но твердой поступью идетъ къ своей цѣли. Слѣдя за внутренней жизнью Казани, оно организуетъ московскую партію среди татарской знати, одаряя золотомъ и мѣхами ея сторонниковъ. Внутренняя партійная борьба ослабляла, конечно, Казань и подготовляла ея завоеваніе. Это былъ одинъ тактическій пріемъ. Другимъ пріемомъ была колонизація Казанскаго царства въ цѣляхъ сокращенія пространства между Казанью и Москвой.

Еще въ XIV вѣкѣ Москва прочно утвердилась въ Нижнемъ. Владѣніе устьемъ Оки само говорило о дальнѣйшемъ территоріальномъ расширеніи, но при господствѣ татаръ не могло быть и рѣчи объ усиленной колонизаціи. Иная картина рисуется послѣ паденія татарскаго ига. Усиленіе колонизаціи связано также съ желаніемъ укрѣпить восточныя границы, такъ какъ казанскіе ханы довольно рано обнаружили характеръ своей политики по отношенію къ Москвѣ—то и дѣло вторгаясь въ ея предѣлы съ цѣлью грабежа и увоза въ плѣнъ населенія. Колонизація праваго берега Волги началась съ переходомъ Нижняго подъ власть Москвы. Къ эпохѣ Василія III она дошла только до рѣки Суры, а при Василіи успѣли перешагнуть черезъ нее и построили городъ Василь-Сурскъ, на правомъ берегу Суры при впаденіи ея въ Волгу,—стратегическій пунктъ противъ Казани. Наконецъ, уже при Грозномъ возникъ Свіяжскъ при впаденіи Свіяги въ Волгу въ 20 верстахъ отъ Казани. Постройка города была предпринята всецѣло въ интересахъ предполагаемаго похода: Свіяжскъ долженъ былъ стать операціоннымъ базисомъ при завоеваніи Казани.

Набѣги казанцевъ совмѣстно съ ногайцами были опустошительны. Набѣгая, «яко же зліи звѣри», они уводили безчисленное количество плѣнныхъ христіанъ. Военная сила не всегда могла остановить ихъ нашествіе. Правительство, пользуясь раздорами внутри аристократіи, пыталось сажать на ханскій престолъ своихъ ставленниковъ. Впрочемъ, послѣдніе не всегда прочно сидѣли на ханскомъ столѣ. Въ Казани была все-таки сильна религіозно-національная партія, отстаивавшая свою независимость и не допускавшая вмѣшательства Москвы въ свои внутреннія дѣла. Въ случаѣ побѣды національной партіи, московскіе сторонники находили ласковый пріемъ въ Москвѣ. Обращеніе послѣднихъ къ московской помощи давало моральное право Москвѣ поддерживать силой оружія своего сторонника.

Въ половинѣ XVI в. Казань была внутренне слаба, и Московское правительство рѣшило взять ее. Въ 1552 г. Казанское царство пало. Оставалась непокоренной Астрахань, выросшая на развалинахъ стариннаго Итиля. Скоро она стала виднымъ торговымъ центромъ. Для венеціанцевъ и генуэзцевъ въ XI—XIII вѣкахъ она была главной торговой факторіей. Въ XIV вѣкѣ ее до основанія разрушилъ Тамерланъ. Около половины XV вѣка она представляла печальный видъ разрушенія, а въ XVI в.—она снова богатый городъ. Завоеваніе Астрахани вытекало изъ покоренія Казани.

Нельзя было уничтожить одно разбойничье гнѣздо и оставить другое, да и эксплоатація почвенныхъ и рыболовныхъ богатствъ была невозможна при этихъ условіяхъ. Русское правительство это прекрасно понимало и только отсрочило паденіе второго царства. Первоначально Московское правительство пыталось обезпечить себя путемъ возведенія на ханскій престолъ своего ставленника. Астраханскимъ ханомъ сталъ Дербышъ. Скоро правительство убѣдилось въ его симпатіяхъ къ Крыму, и тогда рѣшено было присоединить Астрахань къ Москвѣ. Московское правительство воспользовалось недовольствомъ татарскихъ мирзъ, и ихъ просьбой, чтобы русскій государь оборонилъ ихъ отъ Дербыша и учинилъ въ Астрахани своихъ людей, такъ же, какъ и въ Казани, потому что ханъ «не прямитъ» великому князю и имъ надѣлалъ «великія нужи». Опираясь на общественное мнѣніе, Грозный присоединилъ Астрахань.

Завоеваніе двухъ царствъ имѣло немаловажныя послѣдствія для Московскаго государства: выросли твердые пункты русской осѣдлости. Правительство могло дальше расширять свою территорію на востокъ, врѣзываясь клиномъ въ земли инородцевъ. Начинается спѣшная стройка городовъ. Тогда же на землѣ инородцевъ были построены города: Чебоксары, Цивильскъ, Козьмодемьянскъ, Кокшайскъ и Сунгурскъ въ землѣ Черемисъ. Эти города, въ особенности Чебоксары, и стали центромъ, откуда посылались отряды для покоренія инородцевъ.

Новые города возникаютъ также и въ другихъ мѣстахъ Казанской области, но только вслѣдствіе другихъ условій. За Волгой кочевали ногайскіе мирзы со своими улусами. Лѣтомъ они доходили до Камы, а иногда переправлялись черезъ Каму и Уфу и далѣе на сѣверъ. Московскому правительству приходилось принимать мѣры «противъ прихода ногайскихъ людей», въ особенности въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки. Уже въ 1557 г. построили Лаишевъ на правомъ берегу Нижней Камы.

Вскорѣ же послѣ завоеванія Казани былъ построенъ на правомъ берегу Волги Тетюшевъ. Построенные города имѣли единственной цѣлью сдерживаніе жителей въ покорности и утвержденіе русскаго господства въ краѣ. Поэтому они были по преимуществу населены военнымъ элементомъ—стрѣльцами и дѣтьми боярскими, переведенными сюда изъ центральныхъ областей.

Въ новыхъ городахъ строились церкви и монастыри для развитія широкой миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ, чтобы и распространеніемъ христіанства сблизить ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Во время Ливонской войны было не до постройки новыхъ городовъ, и

Поѣздка Іоанна Грознаго на богомолье.

Сверчковъ.

Картина находится въ собствен. Е. И. В. покояхъ Московскаго Кремля.

правительственная колонизація временно пріостанавливается. Возобновляется она снова только въ 80-хъ годахъ XVI ст. Возникаютъ города повыше Астрахани: Саратовъ, Самара, Царицынъ; появляются русскія поселенія въ землѣ башкиръ: Уфа и Бирскъ на рѣкѣ Бѣлой Воложкѣ. Съ появленіемъ новыхъ городовъ должна была увеличиться безопасность на окраинныхъ мѣстахъ Поволжья, заселеннаго русскими людьми.

Для удержанія края въ покорности надо было заселить новый край русскимъ элементомъ. Правительство, считая всѣ земли бывшаго Казанскаго царства своею собственностью, рѣшило раздать ихъ различнымъ русскимъ общественнымъ элементамъ: духовенству, служилымъ людямъ, отобравъ часть земель на государево имя.

Въѣздъ иностранцевъ въ Москву въ XVII вѣкѣ. Изъ путешествій въ Московію Адама Олеарія.

Произведенная въ XVI вѣкѣ опись земель рисуетъ край уже болѣе или менѣе заселеннымъ. Не малая часть дворцовыхъ, монастырскихъ и служилыхъ земель заполнена слободами съ русскимъ населеніемъ, занимавшимся земледѣліемъ и промыслами. Ново-населенныя мѣста почти всѣ носятъ русскія названія. Рядомъ съ инородческой географической номенклатурой даже небольшія рѣчки, овражки, горки получили русское наименованіе.

Русское населеніе, какъ показываютъ писцовыя книги XVI в., составилось изъ выходцевъ разныхъ мѣстностей Московскаго государства.

Бѣгство изъ центральныхъ мѣстностей находится въ связи съ ростомъ задолженности крестьянской массы и желаніемъ сбросить крѣпостное ярмо, зажить свободной жизнью на русской окраинѣ.

457982

Въ свою очередь запустѣніе центральной Руси только усиливало экономическій кризисъ XVI вѣка.

Таковы были результаты завоеванія Поволжья.

IV.

Третье татарское царство, Крымъ, лежало сравнительно далеко отъ Москвы и южной украйны.

При тогдашнихъ условіяхъ не могло, конечно, быть и рѣчи о немедленномъ завоеваніи Крыма. Несомнѣнно, совѣтники царя, не раздѣлявшіе плановъ Сильвестра о завоеваніи Крыма, оказались болѣе трезвыми политиками.

Такъ былъ снятъ съ очереди крымскій вопросъ, но онъ ежегодно давалъ себя знать. Татарскіе хищники грабили южныя границы Московскаго государства, уводя съ собой безчисленный полонъ, впослѣдствіи появлявшійся на рабовладѣльческихъ рынкахъ Востока. Приходилось думать если не о завоеваніи Крыма, то, по крайней мѣрѣ, объ охранѣ границъ отъ татаръ. Сейчасъ же послѣ паденія татарскаго ига правительство принимаетъ рядъ мѣръ по оборонѣ границъ. Намѣчается медленное поступательное движеніе русскаго народа въ степь. Строятся городки и острожки, пограничныя мѣстности заселяются служилымъ сословіемъ, проводятся укрѣпленныя линіи, все большее и большее пространство степи попадаетъ въ сферу русскаго вліянія.

Весь XVI вѣкъ безъ перерыва колонизуется южная степь. Въ 1503 году, съ присоединеніемъ Сѣверской земли къ Москвѣ, окраинными городами сдѣлались Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Новосиль, Мценскъ, Одоевъ на рѣкѣ Упѣ, Новгородъ-Сѣверскій. Въ 20 годахъ южныя границы доходили до рѣкъ Десны, Сейма, Оки, Зуши, Сосны, Верхняго Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры. Въ тридцатыхъ годахъ—въ области Мордвы и Мещеры строятся Мокшанскъ на рѣкѣ Мокшѣ и Алатырь при впаденіи рѣки того же имени въ Суру, а въ 1552 году Шацкъ на рѣкѣ Цнѣ.

Всѣ эти города должны были защищать замиренную Мордву.

Затѣмъ вниманіе правительства сосредоточилось на бассейнѣ верхней Оки и верхняго Дона. Это были самыя опасныя мѣста для поселенія. Здѣсь по водораздѣламъ рѣкъ лежали шляхи, по которымъ крымскіе татары дѣлали свои разбойничьи наѣзды.

Для охраны населенія, въ пятидесятыхъ годахъ были выстроены города: Орелъ, Чернь, Крапивна; при Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ бассейнѣ верхняго Дона—Елецъ, Воронежъ, Ливны и Кромы недалеко отъ впаденія Кромы въ Оку. Наконецъ, при Борисѣ колонизаціонная черта выдвигается еще далѣе въ глубь степи. Былъ выстроенъ Царевъ-Борисовъ на Осколѣ, почти у впаденія его въ Донъ. Такъ, въ XVI вѣкѣ московская правительственная колонизація передвинулась на югъ по теченію Оскола и Дона до ихъ сліянія. Около городовъ селились служилые люди, получавшіе помѣстье за службу. Кое-гдѣ появлялось крестьянство, отчасти переведенное, отчасти бѣглое, искавшее на югѣ простора и свободы.

Города стали мало-по-малу центрами земледѣльческой и промышленной дѣятельности населенія.

Организуя станичную и сторожевую службу, правительство, загораживая степныя дороги всё новыми и новыми перегородками, сокращало районъ татарскихъ набѣговъ, оттѣснивъ его чуть ли не къ самому морю. Но не всегда построенныя укрѣпленія были въ состояніи задержать врага. Въ 1571 году татары напали врасплохъ на Украйну, переправились черезъ Оку и сожгли Москву (уцѣлѣлъ только Кремль).

Набѣгъ 1572 года былъ предотвращенъ. На берегу Лопасни ханъ былъ разбитъ и вернулся домой.

Брачный пиръ. Изъ путешествій въ Московію Адама Олеарія.

Нельзя не признать цѣлесообразной этой колонизаціонной дѣятельности правительства: лишенное возможности уничтожить крымское гнѣздо, оно, захватывая степь, подготовило своимъ преемникамъ окончательное покореніе Крыма.

Въ интересахъ мира правительство часто обмѣнивалось посольствами съ Крымомъ, сплошь и рядомъ сопровождая свои переговоры, для большей убѣдительности, цѣнными подарками. Послѣднихъ перепало въ руки хана немало: и Литва, и Москва желали имѣть его союзникомъ. Ханъ же, получая подарки, обыкновенно грабилъ оба государства, и «татарскіе упоминки» оказывались безрезультатными.

Въ связи съ крымскимъ вопросомъ выдвигался и вопросъ турецкій. Генезисъ его можно отнести къ моменту, когда крымскій ханъ объявилъ себя вассаломъ турецкаго султана. Съ этого времени татарскіе набѣги совершаются обыкновенно подъ давленіемъ султана. Сталкиваясь съ Кры-

момъ, московскіе дипломаты не интересовались, кто стоялъ за спиной татаръ. Но въ XVI вѣкѣ расширившаяся территорія подвигалась къ морю. Вотъ тутъ непосредственно и столкнулись русскіе и турки.

Столкновеніе русскихъ съ турками есть результатъ появленія донского казачества. Рядомъ съ правительственной колонизаціей шла и народная, выходившая за предѣлы правительственныхъ пограничныхъ линій. Степь все больше и больше наполнялась людьми, которыхъ тянули къ себѣ степное приволье и степная опасность.

Изъ этихъ элементовъ, промышлявшихъ рыбою, звѣремъ, подчасъ разбоемъ, и образовалось донское казачество. Задирая татаръ, оно причиняло немало неудовольствія Московскому правительству, которому приходилось отчитываться передъ ханомъ. Но остановить это движеніе было, конечно, невозможно. Уже въ XVI вѣкѣ Нижній Донъ былъ заселенъ казацкими городками и станицами, и, такимъ образомъ, расширялась территорія степи, вырванной изъ рукъ хищниковъ. Кажется, станица Раздоры при впаденіи Донца въ Донъ стала средоточіемъ донского казачества. Послѣднее распространилось отсюда на Терекъ и Волгу, а съ Волги на Яикъ, промышляя грабежомъ и разбоемъ.

И Крымъ, и, особенно, Турція съ нескрываемой боязнью смотрѣли на растущую народную колонизацію. Самая постройка крѣпостей по берегу Азовскаго моря указывала на то, какъ Турція смотрѣла на казаковъ, съ которыми постоянно происходили мелкія схватки и стычки на почвѣ борьбы за звѣриные ловы, гоны и рыбныя богатства.

V.

Возникшее казачество немало содѣйствовало покоренію Сибирскаго царства, основаннаго въ западной Сибири. Послѣдняя была давно извѣстна русскимъ. Доходили до нея и новгородская повольница, и экспедиція при Иванѣ III въ Югорскую землю за сборомъ ясака съ вогуловъ и остяковъ.

На востокѣ и югѣ Югорской земли расположились кочевьями сибирскіе татары по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Подобно Казани и Астрахани, и они обособились въ отдѣльное царство, включавшее и остяковъ съ вогулами. Паденіе Казани произвело такое сильное впечатлѣніе на сибирскаго хана Едигера, что онъ призналъ себя данникомъ Московскаго князя. Занявшій его мѣсто Кучумъ сначала тоже платилъ дань, но послѣ ливонскихъ неудачъ прекратилъ её платить, настраивая въ то же время инородцевъ Казанскаго царства противъ Москвы и нападая на Пермскую землю. Правительство было озабочено охраной пермской Украйны. Поэтому, когда богатые солянопромышленники Строгановы, имѣвшіе большія имѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ, широко развившіе свою дѣятельность по заселенію Прикамскаго края, въ 1574 году обратились къ Грозному съ челобитной о пожалованіи имъ земель по Тоболу и его притокамъ, съ правомъ строить крѣпости, заводить тамъ слободы, пашни, владѣть угодьями, содержать сторожей и огненный нарядъ, то Иванъ Грозный далъ свое согласіе, освободивъ Строгановыхъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Нестеровъ.

Дмитрій Донской у Сергія преподобнаго передъ Куликовской битвой.

Картина находится въ Третьяковской галлереѣ.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ.

и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ и разрѣшивъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горячую сѣру.

Просьба Строгановыхъ выводила изъ затрудненія Московское правительство, не имѣвшее достаточныхъ средствъ для охраны пермской украйны. Давая утвердительный отвѣтъ на челобитіе Строгановыхъ, правительство надѣялось на умиротвореніе восточной украйны, постоянно тревожимой нападеніями, а укрѣпленіе русской власти за Ураломъ обезпечивало исправный взносъ ясака сибирскими инородцами и усиливало возможность пріобрѣтенія новыхъ плательщиковъ.

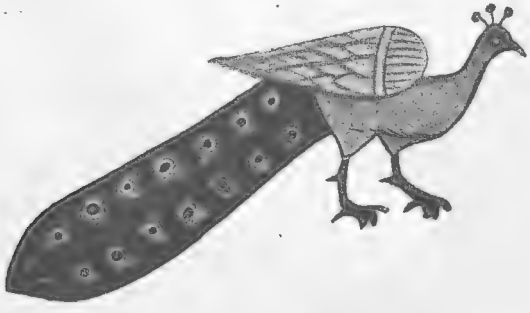
Перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уралъ превышало собственныя средства Строгановыхъ. Долгое время ихъ намѣренія не осуществлялись, пока къ нимъ не явились казацкія дружины, промышлявшія на Волгѣ разбоемъ.

Строгановы съ удовольствіемъ приняли ихъ къ себѣ на службу и тотчасъ же снарядили экспедицію за Уралъ. По внѣшности эта экспедиція съ Ермакомъ во главѣ окончилась блестяще: Сибирское царство было покорено, Сибирскіе татары должны были подчиниться казакамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Но это завоеваніе Сибири было непрочно. Ермакъ скоро погибъ, а послѣ его гибели Сибирь фактически стала опять независимой, и ее снова пришлось покорять; гибель Ермака и отступленіе его отряда изъ Сибири доказали непрочность казацкихъ завоеваній и невозможность однимъ ударомъ покорить цѣлую страну. Поэтому, само правительство, принявшись за покореніе Сибири, дѣйствуетъ по-иному, развивая широкую колонизаціонную дѣятельность. Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ являлось лучшимъ оправданіемъ правительственной тактики.

Посылая въ Сибирь казаковъ, правительство Ѳеодора Ивановича предписало имъ построить тамъ городъ и укрѣпиться въ немъ.

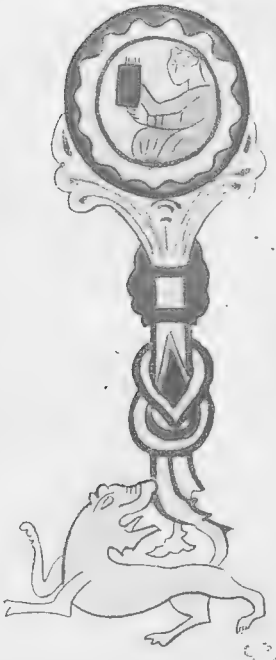
Воеводы такъ и сдѣлали, и въ 1586 г. былъ построенъ въ Сибири первый русскій городъ Тюмень на рѣкѣ Турѣ. Съ этого момента и начинается медленная, но систематическая постройка новыхъ городовъ съ поселеніемъ въ нихъ военнаго и отчасти торговаго элементовъ, постепенно отнимавшая у инородцевъ все бо́льшія и бо́льшія пяди Сибирской земли. Конечно, это покореніе Сибири было прочнѣе завоеванія Ермака и открывало для русскаго правительства широкія и роковыя перспективы—къ Великому Океану.



Изъ Псалтыря Суздальск. монастыря XVI в.

Московскіе гуманисты и обскуранты XVI вѣка.

Проф. *В. М. Довнаръ-Запольскаго.*



динъ лѣтописецъ, описывая событія начала XVI в., даетъ такую проникнутую лиризмомъ характеристику «красоты и величества преславнаго града Москвы»: «Тогда великая наша россійская земля свободися отъ ярма и отъ искорененія бусурманского и начать обновлятися, яко отъ зимы на тихую весну прелагатися и взыде паки на древнее свое величество и благолѣпіе и доброту, якоже прежде при великомъ князѣ Владимірѣ православномъ, еже премилостивый Господу Царю Христе даждь дорасти, яко младенцу и величатися и раститеся и вездѣ преобщати въ мужа совершенна и славити пречистое имя Твое Отца и Сына и Св. Духа и во вѣки и до славнаго второго Твоего пришествія и до скончанія міра сего. И возсія нынѣ стольный преславный градъ Москва, вторый Кіевъ;— не постыжуеся и не буду виновенъ нарещи того и третіе великій Римъ, провозсіяша въ послѣдняя лѣта сія яко великое солнце въ велицей нашей земли русской во всѣхъ градехъ сихъ и во многихъ людяхъ пространшися, красуяся и просвѣщаяся святыми многими церквами, яко видимое небо святятся звѣздами утвержено незыблемо и непоколебимо отъ злыхъ еретиковъ возмущающихъ».

Такъ лѣтописецъ опредѣлялъ величество и славу третьяго Рима; Москва является для него представителемъ всей русской національности,—покрываетъ собою народъ и государство. Дѣйствительно, необычный ростъ національнаго сознанія въ XVI в. видѣлъ въ Москвѣ-городѣ олицетвореніе всего государства. Даже болѣе того, исторія государства въ XVI в. сливается съ исторіей центральнаго города, покрывается ею. Москва дѣлается центромъ культурной жизни націи, и централизація какъ въ умственномъ,

такъ и въ государственномъ отношеніяхъ достигаетъ такихъ предѣловъ, которыхъ не знало ни послѣдующее, ни предшествующее время.

Это вполнѣ понятно. Небольшой удѣлъ Московскаго князя въ короткое время и сравнительно незамѣтно превратился въ огромное государство, объединившее всю Русь и поглотившее индивидуальныя особенности ея частей. Московскій удѣльный князь, скоплявшій свое княженіе при помощи пріемовъ частнаго вотчинника, превратился въ государя всея Руси, сдѣлался «государямъ государь»; бѣдная культурной жизнью Московская область обогатилась «великими свѣтильниками русской земли», святыми угодниками, большею частью до пол. XVI в. мѣстно чтимыми. Орда была раздроблена, распалась. У бывшаго удѣльнаго князя Московскаго, теперь государя всея Руси, заискиваютъ римскій цесарь и другіе государи, восточные патріархи; бракъ Софіи Палеологъ дѣлаетъ этого государя какъ бы преемникомъ византійскаго престола. Вотъ рядъ условій, которыя воздѣйствовали на политическое и общественное сознаніе московскаго общества.

Прежде всего начинаетъ работать національное самосознаніе. Эта работа выражается появленіемъ въ тогдашней литературѣ ряда сказаній, въ которыхъ центральное мѣсто занимаютъ Москва и ея великій князь. Мысль преимущественно работаетъ въ національномъ направленіи. Къ началу XVI в. уже оформливается легенда о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Легенда о бѣломъ клобукѣ Новгородскаго владыки объясняла связь древняго благочестія съ московскимъ. Легенда о Мономаховой шапкѣ объясняла появленіе въ казнѣ Московскаго князя одного изъ символовъ его власти.

Повѣсти о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, опредѣляли историческое призваніе русскаго народа. Эта теорія была особенно отчетливо развита старцемъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филофеемъ. «Все, происходящее въ жизни людей и народовъ, — такъ опредѣляетъ проф. Малининъ политическое міровоззрѣніе Филофея,—опредѣляется и совершается всевышнею и всесильною десницею Божіею; мощью и промышленіемъ Божіимъ возводятся на престолы цари и достигаютъ своего величія». Промыслъ Божій сказался въ томъ, что старый Римъ, а за нимъ и Константиноградъ пали вслѣдствіе измѣны православію. Остается невредимою только «славная соборная церковь Успѣнія Божія Матери богоспасаемаго града Москвы и всей новой и великой Руси, третьяго Рима»; въ историческомъ бытіи человѣчества четвертому Риму не бывать. «Такъ въ послѣдовательномъ ходѣ исторической жизни народовъ, всѣ православныя христіанскія царства пали и слились въ одно царство русское, вслѣдствіе чего русскій царь является единственнымъ христіанскимъ царемъ во всемъ поднебесьи. Царство русское есть послѣднее міровое царство, за которымъ наступитъ вѣчное царство Христа».

Былъ рядъ причинъ глубокаго умственнаго движенія, охватившаго русское общество въ первыя три четверти XVI вѣка. Все это вмѣстѣ вызывало высшее напряженіе умственныхъ силъ, отразившееся въ области религіозной, политической и литературной. Съ одной стороны, мысль поражалась величіемъ политическихъ успѣховъ Москвы и роста власти ея царя. Съ другой стороны, государственные и церковные порядки третьяго Рима

вызывали въ современномъ обществѣ глубокое недовольство. Все это вмѣстѣ накопляло большой запасъ новыхъ идей, которыя выразились частью въ формѣ политической, частью въ религіозной съ оттѣнками раціонализма или мистицизма. Вотъ почему XVI в. въ русской исторіи является вѣкомъ какъ радикальной перестройки государственнаго правосознанія, такъ равно и перестройки въ культурномъ отношеніи. Это вѣкъ ревизіонизма, революціонной борьбы новаго со старымъ. Одни были довольны совершившейся перемѣной и прилагали всѣ силы, чтобы закрѣпить ее, другихъ наблюденія надъ жизнью приводили къ отрицательнымъ результатамъ, поселяли среди нихъ нравственное недовольство и побуждали искать средствъ и способовъ разобраться въ современномъ положеніи вещей и выработать идеалъ будущаго. Мѣстомъ этого движенія была Москва. Поэтому исторія Москвы въ этотъ періодъ неразрывно сливается съ исторіей умственнаго броженія всего русскаго общества.

Завязью для этой борьбы послужили церковные вопросы, волновавшіе русскую церковь въ самомъ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ, съ которой православію пришлось вступить въ ожесточенную борьбу. Эта ересь имѣетъ своимъ источникомъ богомильство и является ученіемъ раціоналистическаго характера. Кромѣ вопросовъ о еретикахъ, русскую церковь тогда волновали и еще нѣкоторые другіе вопросы. Такими вопросами оказались вопросы о правѣ монастырей владѣть недвижимыми имуществами съ поселенными на нихъ крестьянами и вопросъ о вдовыхъ попахъ. Впервые вопросъ о еретикахъ разсматривался на соборѣ 1490 г. Представители церкви раскололись тогда на два направленія. Архіепископъ Новгородскій Геннадій, лично не присутствовавшій на Соборѣ, выразилъ взглядъ одной группы членовъ Собора въ своихъ посланіяхъ къ Собору. «Люди у насъ просты», писалъ онъ, «по книгамъ говорить не умѣютъ, такъ лучше не слѣдуетъ и никакихъ рѣчей плодить о вѣрѣ»; Соборъ нуженъ только для того, чтобы «еретиковъ казнити, жечи, да вѣшати». Новгородскій владыка нашелъ сильную поддержку въ очень начитанномъ, энергичномъ и обладавшемъ бойкимъ перомъ Волоколамскомъ игуменѣ Іосифѣ Санинѣ. Этотъ послѣдній и сдѣлался представителемъ цѣлаго направленія не только церковной, но и политической мысли. Напротивъ, другой рядъ соборныхъ членовъ, какъ Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и вообще Кирилло-Бѣлозерскіе старцы держались болѣе мягкаго отношенія къ ереси. Въ то время какъ осифлянская программа въ отношеніи еретиковъ была очень проста—«все равно—еретика руками ли убить, или молитвою»—училъ Іосифъ Санинъ, противники осифлянъ считали возможнымъ лишь словомъ воздѣйствовать на еретиковъ и принимать въ лоно церкви кающихся. Въ 1503 г. былъ созванъ Соборъ о вдовыхъ попахъ, который имѣлъ цѣлью выяснить, можно ли такихъ поповъ допускать къ богослуженію. Къ концу соборныхъ засѣданій, когда Іосифъ Волоцкій и его сторонники уже успѣли отъѣхать, на Соборѣ поднялся неожиданно, благодаря иниціативѣ Нила Сорскаго и его сторонниковъ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть недвижимыми имуществами. Осифляне возвратились на Соборъ и успѣли отстоять вопросъ

ЛИТОВЧЕНКО. АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
И НИКОНЪ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ.

о монастырскихъ имуществахъ. Но это уже былъ вопросъ политическій и экономическій.

Въ первоначальной стадіи развитія споры церковнаго характера привлекали политическую мысль по-стольку, по-скольку ея матеріалъ необходимъ былъ для доказательствъ въ сферѣ церковныхъ отношеній, въ послѣдующее время, въ половинѣ XVI стол., т.-е. во второмъ уже поколѣніи, вопросы политическіе и экономическіе поставлены отчетливо и ясно, вопросы же церковные отходятъ на второй планъ.

Глубокое различіе отдѣляло все міросозерцаніе осифлянъ отъ міросозерцанія ихъ противниковъ. Основатель перваго направленія, Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря, былъ въ высшей степени даровитымъ самоучкой. Онъ былъ очень начитанъ, но былъ совершенно лишенъ всякаго критическаго чутья, даже сравнительно съ уровнемъ писателей того времени. Онъ не отличалъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. Въ его представленіи сливались понятія Писанія въ собственномъ смыслѣ и всякой вообще письменности церковнаго характера. Оттого въ своихъ сочиненіяхъ онъ охотно опирается какъ на сочиненія, запечатлѣнныя авторитетомъ церкви, такъ и на сочиненія апокрифическія, житія святыхъ, даже на гражданское законодательство Византійской имперіи: всякая такая письменность, съ его точки зрѣнія, освѣщена авторитетомъ Священнаго писанія. Вообще онъ обнаруживалъ чисто формальное отношеніе и къ религіозной письменности, и къ ученію церкви. Неразборчивость литературныхъ источниковъ шла параллельно съ неразборчивостью въ вопросахъ нравственныхъ. Таково ученіе Іосифа о «богопремудростномъ и богонаученномъ коварствѣ», выведенное имъ на основаніи одного частнаго поступка одного святого мужа и возведенное въ систему, направленную противъ еретиковъ. Буква и обрядъ — вотъ основа его пониманія религіи. Надъ этимъ формализмомъ въ вопросахъ морали и религіи доминируетъ практическая житейская сноровка. Вообще въ ученіи Іосифа Санина есть много такого, что роднитъ его съ іезуитами. Монастырскій уставъ Іосифа, при требованіи безусловнаго подначалія настоятелю, можетъ быть поддержанъ только при цѣлой системѣ шпіонства. Іосифовъ монастырь — это школа для подготовки чиновниковъ церковной іерархіи, почему монастырю и необходимо было владѣть имѣніями. Церковь — государственное учрежденіе и должна служить государству. Эта служба чисто формальнаго характера. Мысль не должна играть роли въ жизни человѣка: «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе, мнѣніе — второе паденіе», — писалъ одинъ изъ учениковъ Іосифа Волоцкаго. Это понятно: еще учитель Іосифа Волоцкаго, Пафнутій Боровскій, не терпѣлъ въ своемъ монастырѣ разсужденій о догматахъ и разсуждающихъ изгонялъ изъ монастыря.

Вообще глубокій обскурантизмъ отличаетъ все міровоззрѣніе осифлянской партіи. Рядъ вопросовъ раздѣлялъ ее отъ ея противниковъ-нестяжателей. Въ вопросѣ о вдовыхъ попахъ осифляне требовали устраненія таковыхъ отъ богослуженія. Они прилагали всѣ усилія для того, чтобы отстоять право монастырей владѣть недвижимыми имѣніями. По отношенію

къ еретикамъ они допускали пріемы инквизиціи и казни. Архіепископъ Новгородскій Геннадій «аки левъ» ополчился на еретиковъ.

Обратимся теперь къ политической сторонѣ вопроса. Подъ перомъ осифлянъ, особенно главнаго представителя этого направленія, вопросъ о ереси и монастырскихъ имуществахъ сразу сталъ на почву политическую. Церковь своими руками не можетъ казнить еретиковъ. Ихъ должна казнить свѣтская власть. Для этого надо было доказать право этой власти вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Отсюда въ ученіи Іосифа Санина царь является представителемъ церкви и ея защитникомъ въ силу божественнаго происхожденія власти. Въ словахъ, написанныхъ при Іоаннѣ III, Іосифъ Санинъ настоятельно требуетъ, чтобы царь казнилъ еретиковъ. Царь — охранитель правовѣрія. Власть царя — божественнаго происхожденія, и даже болѣе того: царь является представителемъ Бога на землѣ: царей и князей «Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ»; «царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ вышнему Богу». Въ своемъ обожествленіи представителя земной власти Іосифъ Санинъ доходитъ до полнаго отождествленія царя и Бога, но только такого царя, который дѣйствуетъ въ духѣ осифлянской доктрины: «Бози бо есте и сынове Вышняго, — обращается онъ къ великому князю и его сыну, — блюдитежеся, да не будете сынове гнѣву, да не изомрете, яко человѣци и во пса мѣсто низвержени будете во адъ». Такимъ образомъ, возвышая царскую власть, отождествляя ее съ божественной, Іосифъ въ то же время проповѣдуетъ въ сущности революціонное ученіе: царь до тѣхъ поръ только тождественъ Богу, пока слѣдуетъ осифлянской догмѣ: царь, впадающій въ невѣріе, страсти и лукавство — «не Божій слуга, но діяволъ, и не царь, но мучитель».

Осифлянская доктрина вполнѣ гармонировала съ создавшимся положеніемъ вещей, соотвѣтствуя и личнымъ деспотическимъ наклонностямъ великаго князя Іоанна и его ближайшихъ преемниковъ. Она давала теоретическое обоснованіе деспотизму великаго князя Московскаго. Неудивительно поэтому, что всѣ три государя, правившіе въ періодъ этой борьбы, Іоаннъ III, его сынъ и внукъ, охотно становились на точку зрѣнія этого ученія и воспользовались для практическихъ цѣлей теоретическими выводами, которые изъ него слѣдовали, поддерживая осифлянъ и въ вопросахъ о ересяхъ, и въ вопросахъ о церковныхъ имуществахъ, хотя всѣ три государя были весьма склонны воспользоваться монастырскими землями.

Ученіе осифлянъ утверждало главенство царя надъ церковью, отсюда и тезисъ Іосифа Волоцкаго: «Царскій судъ святительскимъ не посужается ни отъ кого». Отсюда и «богопротивное лукавство», какъ характеризовали осифлянъ ихъ противники, и безусловное покореніе властямъ. Послѣдователь Іосифа Санина, митр. Даніилъ, возвелъ осифлянское лукавство въ цѣлую систему. Это былъ, уже на митрополичьемъ престолѣ, краснощекій упитанный монахъ, любившій дорогія одежды и всякія житейскія удобства, разыгрывавшій передъ народомъ роль аскета; онъ охотно ссужалъ деньгами своихъ знакомыхъ и забиралъ за долги ихъ села, зани-

мался скупкою селъ, увеличивая всѣми этими мѣрами достояніе митрополіи. Даніилъ былъ весьма плодовитымъ писателемъ и въ своихъ посланіяхъ и рѣчахъ обычно обращался къ волновавшимъ тогда общество вопросамъ. По ученію Даніила, царь только естествомъ тѣлеснымъ «равенъ человѣку», властью же «приличенъ Богу», почему «неприступимъ есть человѣки высоты ради земного царствія». Царь заботится о людяхъ, дабы они преуспѣвали въ добрѣ и не дѣлали зла. Митрополитъ Даніилъ идетъ дальше своего учителя какъ въ формахъ отождествленія царя и Бога, такъ и въ развитіи прерогативъ царской власти. Царь выполняетъ свою божественную миссію единолично, обращаясь только къ единому Богу. Великій князь Московскій является именно такимъ царемъ: Василій III есть «царемъ царь истовый», твердый пособникъ всему народу и благочестію. Такая власть необходима для того, чтобы «корабль великаго державства не потонулъ въ волнахъ безчестія».

Такова сущность ученія о царской власти, защищавшагося осифлянами. Многочисленные послѣдователи этого направленія усердно развивали свои основные взгляды, проводили ихъ въ жизнь въ своихъ отношеніяхъ къ власти, угодничали передъ нею. Самъ митрополитъ Даніилъ возвелъ въ систему, подобно своему учителю Іосифу Волоцкому, преклоненіе власти церковной передъ властью свѣтской и такимъ образомъ подчинялъ церковь и ея авторитетъ личной и государственной политикѣ великихъ князей Московскихъ. И въ своемъ ученіи, и въ житейскихъ отношеніяхъ митрополитъ Даніилъ проводилъ мысль о томъ, что цѣль оправдываетъ средства. Отсюда дѣлались и соотвѣтственные политическіе выводы: митрополитъ Даніилъ помогъ Василію III избавиться отъ «запазнушнаго врага Шемятича», самъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень некрасивую роль клятвопреступника и тѣмъ не менѣе воздавалъ «великую хвалу» великому князю. Въ дѣлѣ Максима Грека и въ дѣлѣ развода Василія III съ его первой женой Соломонидой митрополитъ Даніилъ сыгралъ столь же некрасивую роль. Защищая личные интересы и свои политическіе взгляды, митрополитъ Даніилъ преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ съ настойчивостью и коварствомъ, къ какимъ не прибѣгали ни его предшественники, ни послѣдующіе митрополиты.

Не одинъ митрополитъ Даніилъ проводилъ въ жизнь въ столь сильной мѣрѣ подчиненіе свѣтской власти: это было особенностью всѣхъ осифлянъ. Вотъ еще голосъ Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, который около 1547 — 1550 гг. написалъ посланіе молодому царю: называя его «Богоутвержденнымъ владыкой», онъ обращается къ нему, «яко ученикъ учителю, яко рабъ государю», потому что онъ не можетъ забыть той «мѣры», которая отдѣляетъ его, пастыря, отъ земного «подобія небесной власти»; владыка разсыпается въ комплиментахъ царю, хвалитъ его «царскій многоочитый умъ», сравниваетъ «царское остроуміе» съ всевидящимъ окомъ небеснаго Царя и совѣтуетъ ему быть страшнымъ «сана ради власти царскіе».

Охарактеризовавъ осифлянскую доктрину и ихъ представителей, перейдемъ теперь къ ихъ противникамъ. Если обскурантизмъ является ха-

рактернымъ признакомъ осифлянскихъ взглядовъ, то идеалы нестяжателей окрашены гуманистическими началами.

Старѣйшій изъ бѣлозерскихъ старцевъ, Нилъ Сорскій, былъ постриженникомъ почтеннаго старца Паисія Ярославова, проведшаго жизнь въ Кириловѣ монастырѣ, вдали отъ московской централизаціи. Свое образованіе и религіозное воспитаніе Нилъ Сорскій довершилъ на Аѳонѣ. Вернувшись въ Россію, онъ основалъ свой скитъ на рѣкѣ Сорѣ въ 15 верстахъ отъ Бѣлозерскаго монастыря. Нилъ Сорскій отличался широкимъ богословскимъ образованіемъ въ противоположность начетничеству его противниковъ. Неудивительно поэтому, что онъ усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ церковной письменности. Онъ отличалъ божественное писаніе отъ другихъ видовъ церковной литературы: «писаніа многа, но не вся божественна суть», училъ онъ. Отсюда стремленіе къ разумному усвоенію Священнаго писанія и предпочтеніе чистаго источника его — Евангелія. Взгляды Нила Сорскаго на иноческую жизнь діаметрально противоположны взглядамъ его противниковъ. Иноческая жизнь заключается не въ формальномъ исполненіи обрядовъ, но въ «умномъ» и «сердечномъ дѣланіи», т.-е. во внутренней духовной борьбѣ съ дурными помыслами. Отсюда вытекаетъ и предпочтеніе скитской жизни общежительному монашеству. При такихъ воззрѣніяхъ понятенъ и взглядъ Нила Сорскаго на монастырскія имущества: иноческая жизнь не должна быть связана съ заботами матеріальнаго свойства; она должна, отвлекаясь отъ матеріальныхъ удобствъ и заботъ, дать иноку возможность чисто духовной созерцательной жизни. Однимъ словомъ, черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея нравственной, внутренней свободы.

Нилъ Сорскій, по своему характеру и воззрѣніямъ, не былъ способенъ къ борьбѣ. Его сочиненія носятъ исключительно религіозно-нравственный характеръ, затрагивая лишь вопросы о монастырскихъ имуществахъ и еретикахъ. Но его ученики и почитатели пошли дальше и съ почвы чисто религіозной перешли на почву соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Ближайшимъ ученикомъ Нила Сорскаго былъ невольный старецъ князь Вассіанъ Патрикѣевъ, бывшій еще при Іоаннѣ III очень сильнымъ бояриномъ. При великомъ князѣ Василіи князь Вассіанъ снова получилъ вліяніе при дворѣ, жилъ въ Чудовомъ монастырѣ и былъ «великимъ временнымъ человѣкомъ». Князь Вассіанъ былъ постриженникомъ Кириллова монастыря и здѣсь въ Бѣлозерьѣ сошелся съ Ниломъ. Кромѣ того, мы знаемъ о тѣсныхъ сношеніяхъ Вассіана и съ нѣкоторыми изъ видныхъ представителей ереси жидовствующихъ, именно онъ былъ друженъ съ извѣстнымъ дьякомъ Курицынымъ. Такимъ образомъ происхожденіе, родство и давнія связи съ домомъ Калиты, затѣмъ общеніе съ представителями раціоналистическихъ взглядовъ оказали вліяніе на направленіе князя Вассіана. Боярское происхожденіе и связи дѣлали изъ него представителя боярскихъ тенденцій въ политическомъ отношеніи, вліяніе религіозныхъ раціоналистъ опредѣлило взгляды Вассіана на вопросы церковные. При всемъ томъ это не былъ человѣкъ, склонный лишь подчиняться тѣмъ или другимъ вліяніямъ; напротивъ, онъ отличался самостоятельнымъ

и рѣзкимъ характеромъ, склоннымъ къ властвованію. Оттого онъ имѣлъ многихъ враговъ, и это было причиной его паденія, когда на митрополичьемъ престолѣ оказался столь же властолюбивый, но осторожный политикъ митрополитъ Даніилъ. Вассіанъ раздѣлялъ взгляды на еретиковъ и на монастырскія имущества, усвоенные нестяжателями. Но въ критикѣ церковной письменности онъ пошелъ дальше: извѣстна его попытка собрать списки Кормчей и доказать подложность нѣкоторыхъ текстовъ ея; онъ именно подозрѣвалъ, что тексты Кормчей, относящіеся къ монастырскимъ имуществамъ, испорчены переписчиками и переводчиками и являются не «правилами», а «кривилами». Рѣзкій характеръ Вассіана создалъ ему многихъ враговъ: его называли «высокоумнымъ», «велеславнымъ», «высокошіявымъ». Раздѣляя ученіе нестяжателей, Вассіанъ идетъ дальше, затрагивая вопросы соціальные и политическіе. Въ полемикѣ противъ владѣльческихъ правъ монастырей вездѣ проходятъ симпатіи Вассіана къ низшему классу: онъ противопоставляетъ нищету и страданія бѣдняковъ роскоши и изнѣженности привилегированныхъ классовъ, но его соціальныя воззрѣнія еще не отливаются въ опредѣленную форму, такъ какъ отнятіемъ земель у монастырей бѣдствія низшихъ классовъ не умньшатся, а программы улучшенія ихъ положенія у Вассіана нѣтъ. Въ вопросахъ политическихъ Вассіанъ, не отрицая богоустановленности великокняжеской власти, согласно съ боярскими традиціями далекъ отъ обожествленія представителя власти и отъ признанія принципа неограниченности ея. Прежде всего представитель власти долженъ имѣть совѣтниковъ изъ среды князей и бояръ и долженъ съ милосердіемъ управлять: «царемъ и великимъ княземъ достоитъ дѣла дѣлати милосердно, со всѣми князи и съ бояры». Совѣтниками царя должны быть князья, бояре и прочіе міряне, но во всякомъ случаѣ не иноки: царь, совѣтующійся съ иноками,— бесѣдуетъ съ мертвецами. Цари, которые возвышаютъ иноковъ, даютъ имъ землю, являютъ собою «простоту и маломысліе». Такимъ образомъ, хотя власть богоустановлена, но представители ея нуждаются въ совѣтахъ бояръ и князей, могутъ отличаться пороками и недостатками, требующими исправленія и поученія. Даже болѣе того. Ограничивая дѣятельность представителей церкви ея спеціальными задачами, Вассіанъ однако настаивалъ на неподчиненіи церкви въ вопросахъ церковныхъ свѣтской власти: пастыри должны стоять «о правдѣ» и, защищая ее, не должны бояться властей, «ниже устрашитися за паствы своя». Передъ нами въ данномъ случаѣ полная антитеза ученію осифлянъ объ отношеніяхъ церкви къ государству.

Для того, чтобы закончить характеристику партіи нестяжателей, намъ остается остановиться еще на знаменитомъ Максимѣ Грекѣ. Максимъ Грекъ представляетъ собою слишкомъ крупную величину въ литературномъ отношеніи, чтобы признать въ немъ простого послѣдователя Нила Сорскаго. Но, безспорно, онъ является по характеру своихъ взглядовъ близко примыкающимъ къ названному теченію. Не останавливаясь на взглядахъ Максима Грека на монастырскія имущества, равно и на нѣкоторые другіе церковные вопросы, мы отмѣтимъ тѣ черты въ его посланіяхъ, которыя характеризуютъ его политическое міровоззрѣніе. Грекъ привнесъ въ свои

воззрѣнія высокое представленіе о царской власти, далекое однако отъ обожествленія ея. Самодержецъ можетъ быть праведнымъ и неправеднымъ, добрымъ и злымъ, подверженнымъ, какъ и всѣ люди, страстямъ и порокамъ; вотъ почему правитель государства особенно нуждается въ наставленіяхъ, такъ какъ ему дается огромная власть. Въ посланіи къ Ивану Грозному Максимъ Грекъ, хотя и исходитъ изъ мысли объ уподобленіи земныхъ владыкъ небеснымъ, однако считаетъ нужнымъ преподать земному владыкѣ рядъ наставленій. Согласно общимъ воззрѣніямъ гуманиста, это— наставленія большею частью нравственнаго характера. Греческая держава погибла потому, что ея цари отличались гордостью, превозношеніемъ, сребролюбіемъ и другими пороками. Среди наставленій моральнаго свойства встрѣчаемъ и указанія политическаго характера: греческіе цари «презираху своя боляры», русскій царь долженъ имѣть всяческое прилежаніе къ своимъ боярамъ, воеводамъ и воинамъ, хотя Максимъ Грекъ точно и не говоритъ, каковы должны быть отношенія царя къ нимъ. Вообще царь, какъ и всякій сильный человѣкъ, долженъ миловать и благотворить «сущихъ въ скудости». Онъ долженъ давать правый судъ, блюсти цѣломудріе и къ своимъ «подручникамъ» имѣть кротость. Однимъ словомъ, царь долженъ отличаться высокими нравственными качествами, ибо обуреваемый пороками онъ «нѣсть небеснаго владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобіе». Въ «словѣ, пространне излагающемъ, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія», Максимъ Грекъ въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ результаты управленія въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ представленія Максима Грека о царской власти являются антитезой осифлянскаго ученія и совпадаютъ съ представленіями Вассіана. Максимъ Грекъ не развиваетъ подробно своихъ взглядовъ въ своихъ посланіяхъ, такъ какъ онъ, наученный горькимъ опытомъ, строго держится религіозно-нравственной почвы, но въ нихъ нельзя не замѣтить систематической борьбы противъ осифлянскихъ взглядовъ: какъ бы возражая противъ ученія о высокихъ качествахъ земного владыки въ силу божественнаго происхожденія власти, Максимъ Грекъ старательно подчеркиваетъ возможность впаденія земного царя въ пороки. Изъ дѣла Берсеня Беклемишева и дьяка Федора Жаренова хорошо извѣстно, что Максимъ былъ въ сношеніяхъ съ этими опальными людьми и болѣе опредѣленно выражался о тогдашнемъ положеніи вещей. Онъ сочувственно относился къ жалобамъ Берсеня на то, что государь «встрѣчи» не любитъ и не совѣщается со своими боярами. Изъ разсказовъ Максима о правленіи у турокъ Берсень могъ вывести благопріятное заключеніе о порядкѣ управленія даже злочестивыхъ мусульманскимъ царей. Такимъ образомъ Максимъ оказался «добре совѣтенъ» съ тѣми опальными боярами, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей и съ устраненіемъ вліянія боярства на государственныя дѣла.

Что касается соціальныхъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ успѣлъ высказаться въ тѣхъ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ онъ касается владѣнія монастырскими имуществами. Въ извѣстномъ своемъ

«Стязаніи» Любостяжательнаго и Нестяжательнаго Максимъ Грекъ рисуетъ мрачную картину крестьянской жизни въ монастырскихъ вотчинахъ. Монастырь-вотчинникъ раздаетъ крестьянамъ серебро въ ростъ и тѣмъ разоряетъ бѣдныхъ селянъ, повергая ихъ въ безчисленныя печали; монастырскихъ крестьянъ истязаютъ тяжелыми работами, немогущихъ платить подати изгоняютъ изъ селъ или обращаютъ въ вѣчное рабство. Монастырь въ этомъ отношеніи нисколько не отличается отъ мірскихъ вотчинниковъ. Подобнаго рода мысль Максимъ Грекъ повторяетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ Словѣ о покаяніи онъ описываетъ селянъ такими чертами: «тіи же окаяніи, безпрестани тружающеся и томимы въ житейскихъ потребахъ нашихъ, и обильна сія намъ уготовляюще, во скудостѣ и нищетѣ всегда пребываютъ, ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многаждыже и безъ соли отъ послѣднія нищеты».

Мы познакомились съ воззрѣніями перваго поколѣнія общественныхъ и политическихъ дѣятелей изучаемой эпохи. Осифлянская партія, исходя изъ принципа отождествленія земного и небеснаго владыки, стремилась поддержать и теоретически обосновать развившійся подъ вліяніемъ цѣлаго ряда условій абсолютизмъ. Эта партія стремилась закрѣпить радикальныя перемѣны, которыя опредѣлились къ концу XV вѣка. Эти перемѣны заключались въ ростѣ власти великаго князя и въ устраненіи боярскаго и княженецкаго класса отъ участія въ управленіи государствомъ: прирожденные государи Рустѣй земли, княжье и боярство, теряютъ свое прежнее положеніе—слугъ и совѣтниковъ князя Московскаго, старая традиція устраняется, и этотъ верхній классъ начинаетъ сливаться съ низшимъ военно-служилымъ классомъ, воинствомъ, изъ слугъ превращается въ прикрѣпленный къ военной службѣ элементъ. Такимъ образомъ осифляне «перестанавливали» обычаи, какъ о нихъ говорила противная партія. Но интересно, что тѣ же осифляне держались твердо убѣжденія, что они поддерживаютъ старину. Фикція старины въ осифлянской доктринѣ зиждилась, дѣйствительно, на нѣкоторыхъ фиктивныхъ произведеніяхъ тогдашней политической литературы, равно и на томъ, что по отсутствію критическаго отношенія къ источникамъ осифляне не отличали русской старины отъ византійской, охотно базируя свои взгляды на византійскомъ правѣ. Въ культурномъ отношеніи взгляды осифлянъ отличаются крайнимъ обскурантизмомъ, партійнымъ и личнымъ эгоизмомъ. Въ религіозныхъ, моральныхъ и соціальныхъ взглядахъ нестяжателей много широкой, для того времени, гуманности, зато ихъ политическіе идеалы стремятся къ удержанію старинныхъ традицій, такъ что эту партію можно назвать консервативной, примѣняя къ ней нынѣшнюю терминологію.

Публицистика XVI столѣтія далеко не была однимъ литературнымъ занятіемъ: она являлась отраженіемъ жизни, и борьба литературная соотвѣтствовала борьбѣ политической. Въ житейскихъ отношеніяхъ споры приводили иногда къ рѣзкимъ столкновеніямъ. По словамъ одной очень любопытной современной записи, извѣстный намъ старецъ Филофей «много показа дерзновенія къ государю», заступаясь за обращающихся къ его посредничеству людей, особенное же показывалъ дерзновеніе къ боярамъ и

намѣстникамъ Псковскимъ, обличая ихъ о многой неправдѣ и насилованіи; очевидно, это обличеніе было очень серьезнаго характера, такъ какъ Филофей обличалъ, смерти не боясь. Преподобный Панфутій Боровскій, учитель Іосифа Санина, также велъ, по словамъ его житія, борьбу съ сильными людьми, «ниже сильныхъ лица сумняся». Сильные люди той или другой партіи старались захватить вліяніе при дворѣ: Вассіанъ Патрикѣевъ много лѣтъ былъ «великимъ временнымъ человѣкомъ», и противная ему партія проявляла свои взгляды преимущественно на церковныхъ Соборахъ и въ литературѣ, пока митрополитъ Даніилъ окончательно не вытѣснилъ при великокняжескомъ дворѣ своего противника. Поэтому, когда осифляне развивали мысль о высотѣ царской власти, ея правѣ управлять самостоятельно, самостоятельно же избирая совѣтниковъ, они тѣмъ самымъ стремились и къ практическимъ цѣлямъ — стать совѣтниками государя; ихъ противники, напротивъ, отстаивали традицію прирожденныхъ совѣтниковъ государя, почему и протестовали сильно противъ совѣщанія великаго князя съ «непогребенными мертвецами» и противъ раздачи имъ имѣній, которая дѣлалась, конечно, не только за церковныя заслуги, но и за личную службу государю.

Можно приблизительно учесть и тѣ общественные элементы, изъ которыхъ составлялись обѣ партіи. На сторонѣ обскурантовъ мы встрѣчаемъ или низшіе буржуазные элементы (самъ Іосифъ Санинъ происходилъ изъ служилыхъ людей мелкаго удѣльнаго Волоцкаго князя), или изъ самоучекъ, пробившихся изъ низшихъ слоевъ общества, въ родѣ «сельскаго человѣка», какимъ себя именуетъ старецъ Филофей. На сторонѣ противной партіи мы встрѣчаемъ боярскіе элементы, иногда очень родовитаго происхожденія: Нилъ Сорскій происходилъ изъ бояръ Майковыхъ; аристократическое происхожденіе Вассіана Патрикѣева намъ уже извѣстно; среди близкихъ ему лицъ мы встрѣчаемъ сына боярыни Медоварцевой и др. Основатель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря преподобный Кириллъ происходилъ изъ боярскаго рода, и боярскія традиціи были сильны въ этомъ монастырѣ: когда разнеслась слава о Нилѣ Сорскомъ, два постриженника Волоколамской обители—старецъ Діонисій изъ князей Звенигородскихъ и Нилъ Полевъ изъ рода князей Смоленскихъ отпросились у своего игумена и пошли на поученіе къ его противнику. Обоихъ старцевъ въ Нилову пустынь привлекало именно сходство политическихъ убѣжденій при различіи въ убѣжденіяхъ религіозныхъ: это явствуетъ изъ ихъ отношенія къ появившейся въ Бѣлозерьѣ ереси.

Литературные споры между партіями въ конечномъ итогѣ приводили къ столкновеніямъ, переходившимъ на судъ церковныхъ соборовъ. Тогда Москва дѣлалась мѣстомъ горячихъ соборныхъ преній, которыя подъ религіозной основой плохо скрывали литературные и личные счеты. Какъ только осифляне при митрополитѣ Даніилѣ вошли въ силу, тотчасъ начались гоненія, и первымъ пострадалъ наиболѣе слабый изъ противниковъ осифлянъ, Максимъ Грекъ. Въ 1525 г. возникло судейское дѣло противъ виднаго боярина Берсеня Беклемишева. Онъ неучтиво отзывался о вел. князѣ, не одобрялъ новой обстановки власти, которая перестанавливаетъ

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Вѣнчаніе на царство Лжедимитрія.

Картина польской работы, находится въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.

Москва
и ея
прошломъ
и настоящемъ

обычаи, изгоняетъ бояръ изъ совѣта за противорѣчія. Къ этому дѣлу былъ привлеченъ и Максимъ Грекъ. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ опальными людьми Берсенемъ Беклемишевымъ и Ѳедоромъ Жаренымъ, съ ними онъ оказался «добре совѣтенъ». Максимъ оказался недостаточно устойчивымъ и на допросѣ пересказалъ тѣ рѣчи, которыя онъ велъ съ Берсенемъ, сказалъ и то, что у него было на сердцѣ и о чемъ онъ никому не рѣшался говорить: «а только держалъ себѣ въ сердцѣ такую думу: идетъ государь въ церковь, а за нимъ идутъ вдовы и плачутъ, а ихъ бьютъ». Кромѣ того, Максима обвиняли въ сношеніяхъ съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ. Максимъ имѣлъ двухъ сильныхъ враговъ—митр. Даніила и и вел. князя Василія, противъ развода котораго онъ открыто высказывался. Неудивительно поэтому, что къ политическому дѣлу немедленно было присоединено дѣло церковнаго характера. Максимъ, какъ извѣстно, былъ призванъ для перевода книгъ съ греческаго языка на русскій. Вспомнили объ ошибкахъ въ этихъ переводахъ и предали его суду церковнаго Собора. Соборомъ руководилъ митроп. Даніилъ и направлялъ дѣло въ желательномъ ему духѣ. Извѣстно, что Максимъ началъ свои переводы, не зная русскаго языка, съ помощью русскаго переводчика, знавшаго только латинскій. Найдены были въ переводахъ, сдѣланныхъ при такихъ условіяхъ, выраженія, которыя были признаны нарочитою ересью, хотя Максимъ Грекъ и объяснялъ ихъ описками. Его обвиняли также въ чернокнижіи, въ еллинскихъ и жидовскихъ хитростяхъ. Но среди обвиненій было одно, которое несомнѣнно въ глазахъ обвинителей имѣло наибольшее значеніе: «Ты, Максимъ, говорилъ митрополитъ, святыя Божія соборныя и апостольскіе монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніемъ и люди, и доходы, и села имѣютъ». Отсюда митрополитъ дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ, что Максимъ хулитъ всѣхъ прежде бывшихъ московскихъ чудотворцевъ.

Максима осудили. «Изъ обозрѣнія обвинительныхъ пунктовъ, говоритъ изслѣдователь, спеціально изучившій вопросъ, выставленныхъ противъ Максима на Соборѣ 1525 года, видно, что обвиненія противъ него не выдумывались, а, напротивъ, въ основѣ ихъ находилась извѣстная доля истины. Пристрастіе соборныхъ судей выразилось въ томъ, что они, собирая пункты обвиненія, намѣренно игнорировали всѣ оправдывающія или извиняющія подсудимаго обстоятельства» (Жмакинъ). Максимъ униженно просилъ прощенія, но его послали въ суровое заключеніе къ врагамъ въ Волоколамскій монастырь.

Такъ митрополитъ Даніилъ расправился съ однимъ изъ своихъ враговъ. Хотя Максиму строго было запрещено писать, но изъ своей темницы онъ выпустилъ нѣсколько рѣзкихъ обличительныхъ посланій. Тогда снова нашли случай судить его. Вспомнили о сношеніяхъ Максима съ турецкимъ посломъ. Въ 1531 году начался новый соборный судъ, опять въ томъ же составѣ обвинителей. Обвиненіе противъ Максима опиралось главнымъ образомъ на то, что онъ вовсе не каялся, мудрствовалъ и говорилъ о своей невиновности; нашли новыя мѣста въ переводахъ, дѣйствительно еретическія, хотя опять таки это были безсознательныя ошибки. Максимъ

усвоилъ себѣ простой способъ защиты: онъ призналъ свои ошибки и каялся. Митрополитъ не скрывалъ своей злобы, почему состязаніе временами принимало рѣзкій характеръ. Максимъ былъ вторично осужденъ, сосланъ въ Тверь, одновременно были осуждены и нѣсколько другихъ лицъ, признанныхъ сообщниками Максима.

Это было время политическаго господства осифлянъ. Неудивительно поэтому, что въ сознаніи своей силы они рѣшили сдѣлать нападеніе и на самаго сильнаго изъ своихъ противниковъ, кн. Вассіана Патрикѣева. 11 мая 1531 года начался судъ надъ Вассіаномъ. Ему поставили въ вину рядъ обстоятельствъ. Прежде всего митрополитъ укорялъ Вассіана въ томъ, что онъ составлялъ новую и исправленную Кормчую: митрополиту казалось невозможнымъ отнестись критически къ составу законодательнаго сборника, которымъ 500 лѣтъ пользовалась русская церковь, хотя Вассіанъ показывалъ, что онъ на пересмотръ Кормчей получилъ благословеніе митрополита Варлаама. Затѣмъ Даніилъ обвинялъ Вассіана въ томъ, что онъ написалъ въ своихъ правилахъ: «инокамъ жити по Евангелію, селъ не держати,—онъ написалъ на монаховъ многія строки хульныя». Обвинялъ Вассіана митрополитъ и въ томъ, что онъ въ своей аргументаціи ссылается на еллинскихъ мудрецовъ: Омира, Аристотеля, Платона. Въ сознаніи своего превосходства Вассіанъ иронически возразилъ митрополиту: «если что не гораздо, исправь». Противъ Вассіана были выдвинуты обвиненія въ богохульствѣ, но, очевидно, это были лжесвидѣтельскія показанія. На судѣ Вассіанъ держалъ себя гордо, отстаивая нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній, напр., не признавалъ святыми нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ чудотворцевъ (Макарія Калязинскаго, Іоны митрополита). Онъ былъ осужденъ и вскорѣ умеръ въ заточеніи.

Къ концу 50 гг., когда еще доживало свой вѣкъ старое поколѣніе обѣихъ партій, наросли и новыя соотношенія, вырисовывались новыя направленія, впрочемъ, имѣющія тѣсную связь съ предшествующими политическимъ и религіознымъ движеніями. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, новыя направленія оказались болѣе радикальными. Впрочемъ, при настоящемъ положеніи нашихъ источниковъ, трудно установить отношенія этихъ ересей къ предшествующимъ. Раціоналистическій характеръ ересей и нѣкоторыя особенности ихъ церковнаго ученія скорѣе указываютъ на связь съ западнымъ протестантизмомъ, хотя и тутъ пути взаимоотношеній еще не могутъ быть разъяснены.

У Благовѣщенскаго попа Симеона оказался духовный сынъ «необыченъ». Онъ задавалъ попу недоумѣнные вопросы, требовалъ объясненій; онъ принесъ попу книгу Апостола, испещренную каплями воска противъ тѣхъ мѣстъ, которыя вызывали недоумѣніе читателя. Священникъ оказался въ затрудненіи дать отвѣты и самъ сталъ получать отъ своего духовнаго сына замѣчанія объ отсутствіи въ средѣ духовенства христіанской жизни, тихости, кротости, смиренія и поученія. Поведеніе Матвѣя Башкина показалось попу Симеону «развратнымъ», онъ донесъ о немъ священнику Сильвестру, а тотъ царю. Начался Соборъ по поводу новоявленной ереси. Изъ дѣла Башкина, какъ оно дошло до насъ, трудно

точно конструировать сущность его еретическихъ мнѣній; видно только, что его воззрѣнія раздѣлялись нѣкоторымъ кругомъ лицъ, и въ общемъ ересь носила черты раціонализма: кружокъ Башкина отрицалъ почитаніе иконъ, отеческихъ преданій и вообще высказывался противъ обрядоваго христіанства; повидимому, еретики сомнѣвались также и въ ученіи о троичности божества: «Испражняютъ Владыку нашего Христа, нещуютъ Сына Божія быти», говоритъ о нихъ Соборный приговоръ. Сомнѣнія, зародившіяся въ умѣ Башкина, глубоко его волновали. Это былъ человѣкъ съ горячимъ религіознымъ чувствомъ, съ глубокимъ и живымъ чувствомъ нравственнымъ, человѣкъ, стремившійся къ нравственному самоусовершенствованію и общественному благу. Онъ не довольствовался словомъ, считалъ необходимымъ слово соединять съ дѣломъ. Онъ говорилъ попу Симеону: не слѣдуетъ надѣяться на слова, «а совершать его дѣломъ». Его душу смущало соціальное неравенство. Евангеліе учитъ о любви къ ближнему, Христосъ называетъ всѣхъ братьями, а такое ученіе несовмѣстимо съ существованіемъ рабства. Онъ, дѣйствительно, проводилъ слово въ жизнь: «У меня де что было кабалъ полныхъ, то де есмь все изодралъ, держу де, государь, своихъ (рабовъ) добровольно», — говорилъ онъ попу Симеону. Въ 1554 году Москва снова была мѣстомъ церковнаго Собора, созваннаго по поводу ереси Башкина и его соучастниковъ. На этомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій. До насъ не дошли отвѣты Башкина. Изъ Соборной же граматы видно, что съ нимъ во время засѣданія случилось какое то разстройство или припадокъ, онъ говорилъ безсмыслицу, заявлялъ, что слышитъ голосъ Пресв. Богородицы, во всемъ сознался и открылъ своихъ единомышленниковъ.

Къ дѣлу Башкина на томъ же Соборѣ попутно былъ привлеченъ и очень видный членъ Собора, изъ судьи превратившійся въ подсудимаго, бывшій игуменъ Троице-Сергіева монастыря Артемій. Это былъ человѣкъ очень замѣтный, близкій «избранной радѣ» и пользовавшійся среди нестяжателей большимъ вліяніемъ. Башкинъ сталъ оговаривать Артемія, тогда послѣдній ушелъ изъ Москвы въ свою пустынь. Эта самовольная отлучка была поставлена также въ вину Артемію, онъ былъ схваченъ и доставленъ въ Москву уже въ качествѣ подсудимаго. Свидѣтелемъ противъ Артемія выступилъ бывшій игум. Ферапонтовскій Нектарій; среди различныхъ обвиненій противъ Артемія Нектарій между прочимъ указываетъ и на то, что Артемій не проклинаетъ еретиковъ, а латинъ хвалитъ. Нашлись и другіе оговорщики. Вспомнили о поѣздкѣ Артемія изъ Пскова въ нѣмецкій Новый Городокъ и что онъ тамъ хвалилъ нѣмецкую вѣру; вспомнили также и недовольство, высказываемое Артеміемъ по поводу казни еретиковъ. Даже такой осторожный и терпимый человѣкъ, какъ митрополитъ Макарій, упрекалъ Артемія за то, что онъ не признаетъ Башкина еретикомъ, а его ученіе просто считаетъ глупостью. По существу, соборное обвиненіе противъ Артемія не могло доказать въ его ученіи ни ереси, ни богохульства. Изъ дѣла ясно только одно, что Артемій былъ противникомъ одного наружнаго богопочитанія. Это былъ человѣкъ, терпимо относившійся ко всѣмъ религіямъ, равнымъ образомъ

и къ ересямъ. Правда, соборъ вскрылъ въ предшествующей дѣятельности Артемія и нѣкоторые факты нарушенія имъ монашескихъ обѣтовъ. Артемій былъ лишенъ сана, сосланъ въ Соловки, откуда бѣжалъ въ Литву *).

Въ числѣ привлеченныхъ по этому дѣлу былъ дьякъ Висковатый, высказавшій нѣкоторыя сомнѣнія относительно тогдашнихъ новшествъ въ области иконописи. Вмѣстѣ съ Артеміемъ былъ осужденъ и другой видный дѣятель, давній пріятель Артемія, архимандритъ Суздальскаго Евфиміева монастыря Ѳеодоритъ, апостолъ лопарей, и нѣкоторые другіе. Хотя Соборъ не вскрылъ ереси въ мнѣніяхъ Артемія, однако, этотъ старецъ былъ склоненъ одно время къ нѣкоторымъ мнѣніямъ лютеранскаго направленія. Это видно изъ сочиненій Артемія, написанныхъ имъ уже послѣ бѣгства въ Литву, когда онъ снова тамъ вернулся къ православію и вступилъ въ борьбу съ протестантизмомъ: такъ, въ своемъ посланіи къ одному изъ виднѣйшихъ представителей лютеранства, Симеону Будному, онъ признается, что въ прежнее время не разнствовалъ отъ нихъ, а теперь побуждаетъ лютеранъ возвратиться въ лоно православія.

Едва ли не наибольшій интересъ изъ еретическихъ ученій этого періода представляетъ собою ученіе Ѳеодосія Косого. Въ лицѣ Ѳеодосія Косого въ область мысли религіозной и политической пробивается новый элементъ — общественные низы: Ѳеодосій — бѣглый рабъ, его послѣдователи и ученики — различные бродячіе элементы изъ Заволжья, гдѣ впервые Косой сталъ распространять свое ученіе. Въ родной средѣ такихъ же бѣдняковъ, какимъ былъ самъ Косой, онъ умѣлъ возбудить чистое религіозное чувство и интересъ къ дѣламъ вѣры. По всей видимости, Ѳеодосій Косой довольно долго бродилъ по Заволжскимъ скитамъ и успѣлъ широко распространить свое ученіе. Онъ говорилъ съ народомъ ясно и вразумительно: по словамъ его послѣдователей, это былъ истинный учитель, потому что онъ ясно въ книгахъ толковалъ. Вѣроученіе Ѳеодосія Косого сводилось къ отрицанію почитанія мощей и иконъ; онъ отвергалъ церковные уставы, пѣніе, наружные обряды; Христа признавалъ сотвореннымъ, а человѣка созданнымъ и смертнымъ и вообще стоялъ въ вопросахъ религіи на почвѣ чистаго раціонализма. Изъ книгъ Священнаго Писанія онъ на первомъ планѣ ставилъ чистые его источники, отвергая въ Ветхомъ Завѣтѣ все то, что не воспринято Новымъ. Онъ бичевалъ современное ему духовенство за отсутствіе у него духа кротости, за то, что оно утверждаетъ свои преданія и не даетъ людямъ узнать истины; духовенство учитъ только наружному богопочитанію и само нарушаетъ заповѣди. Епископы отвергаютъ любовь христіанскую, мучатъ еретиковъ, гонятъ за истину въ противность Евангельскому ученію о любви.

Ученіе Косого отличается преимущественно характеромъ разрушительнымъ. «Косой, по словамъ одного богословскаго писателя, все только отвергаетъ и ничего не утверждаетъ, все отнимаетъ и ничего не даетъ взамѣнъ отнятаго, отвергаетъ ученіе о воплощеніи Сына Божія, объ ис-

*) Осужденіе Артемія имѣетъ характеръ политическій, т. к. тѣмъ самымъ было нанесено пораженіе партіи Сильвестра.

купленіи и возстановленіи въ человѣкѣ образа Божія, о церковной внѣшности и не ставитъ ничего на мѣсто отвергнутаго. Исключеніе остается только за догматомъ о единствѣ лица въ Божествѣ, о законѣ Моисеевомъ и еще о поклоненіи Богу духомъ и истиною, но о первомъ должно замѣтить, что въ ученіи о немъ у Косого дается большое значеніе доказательствамъ отрицательнымъ, о второмъ, что оно оставлено совершенно недоказаннымъ, а третье нисколько не опредѣлено, такъ что неизвѣстно, какъ и кто и при какихъ условіяхъ и съ какой надеждой можетъ покланяться Богу духомъ и истиною» (Емельяновъ. Ученіе Ѳеодосія Косого, Труды Кіевск. Дух. Академ., 1862, Іюнь 23).

Ученіе Косого было, повидимому, не только религіознаго характера, но касалось и вопросовъ политическихъ и общественныхъ. Трудно, однако, конструировать его сущность. Для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ его важно преніе инока Зиновія съ послѣдователями Косого о положеніи раба. Послѣдователи Косого разсказали Зиновію, что Косой, убѣгая отъ своего господина, забралъ коня, на которомъ ѣздилъ, и другое имущество. На объясненія Зиновія, что рабъ не долженъ убѣгать отъ своего господина и что имущество раба принадлежитъ не ему, а господину, послѣдователи Косого возражали: онъ освободился своимъ «мужествомъ и разумомъ»; имущество, которое взялъ съ собой Косой, было «особное» отъ имущества господина, «и яже взя у господина его, мзда есть его, понеже служилъ господину своему Косой, и яже притяжа имѣнія у господина, мзда есть работы его». Такимъ образомъ, послѣдователи Косого смотрѣли на рабство, какъ на службу, подлежащую оплатѣ. Такой взглядъ могъ развиться только при условіи отрицанія рабства, какъ юридическаго института. Есть нѣкоторыя указанія на то, что въ вопросахъ политическаго характера ученіе Косого отличалось анархическими началами. По словамъ того же Зиновія, ученіе Косого признавало противными Евангелію и Апостолу всѣ человѣческія преданія: попы въ церквахъ учатъ, по книгамъ и по уставамъ, человѣческимъ преданіямъ и повелѣваютъ повиноваться себѣ, бояться земскихъ властей и давать имъ дани. Между тѣмъ, «неподобаетъ же въ христіанахъ властемъ быти и воевати». Изъ этого ясно, что Косой совершенно отрицалъ государственную и церковную власти, а также и военную службу. Связующимъ началомъ между людьми единственно является лишь «разумъ духовный»; этотъ духовный разумъ не нуждается въ человѣческихъ преданіяхъ. Этотъ духовный разумъ присущъ Косому и его послѣдователямъ; всѣ, кто не обладаетъ имъ, кто приходитъ въ церкви и внимаетъ человѣческимъ преданіямъ,—«пси суть и внѣшніи, и заблудиша отъ истины... погыбшіи суть»; даже при добродѣтельной жизни они не могутъ спастись, «аще не пріимуть нашего духовнаго разума»: «никому такъ ни открылася истина, яко же намъ открыся». Видимо, Косой пытался и аргументировать свою мысль: не слѣдуетъ повиноваться властямъ и попамъ потому, что въ писаніи сказано: не нарицайте себѣ наставниковъ, единъ вашъ наставникъ Христосъ; не почитайте родившихъ и не признавайте отцовъ потому, что у всѣхъ одинъ Отецъ—Богъ. Онъ полагалъ, что человѣческія

преданія, государство и церковь (м. б. и семья) могутъ существовать только у «псовъ», какъ онъ именовалъ всѣхъ разнствующихъ отъ его ученія; люди же, проникнутые ученіемъ о духовномъ разумѣ, не нуждаются въ этихъ внѣшнихъ установленіяхъ. Вообще надо замѣтить, что анархическія идеи бродили въ тогдашнемъ обществѣ. На это имѣется намекъ въ одномъ мѣстѣ извѣстной намъ бесѣды препод. Сергія и Германа. Авторъ этого памфлета полемизируетъ противъ ученія, отрицающаго земныя власти. Это ученіе, повидимому, заключалось въ томъ, что признавало человѣка сотвореннымъ Богомъ, «самовольнымъ», т.-е. свободнымъ и не требующимъ никакихъ властей. Еслибы это такъ было, возражаетъ нашъ авторъ памфлета своимъ противникамъ, то Богъ не установилъ бы царей, князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы «орды отъ орды», т.-е. государство отъ государства.

Такъ въ ученіи Косого отрицаніе внѣшней обрядовой стороны старой религіи тѣсно переплелось съ отрицаніемъ и государственныхъ установленій.

Отъ вопросовъ религіозныхъ, волновавшихъ русское общество половины XVI столѣтія, перейдемъ къ вопросамъ политическимъ. Публицистика нестяжателей и осифлянъ стояла на почвѣ церковныхъ вопросовъ и въ рамки ихъ вдвигала вопросы политическіе. Второе поколѣніе послѣдователей тѣхъ же направленій стало на почву политическую въ собственномъ смыслѣ, привнося въ нее вопросы церковные постольку, поскольку послѣдніе соприкасались съ первыми. Подобно религіознымъ вольнодумцамъ, публицисты этого поколѣнія ставятъ политическія проблемы радикальнѣе своихъ предшественниковъ, отрываясь отъ старинныхъ традицій. Направленіе этой публицистики въ общемъ можно признать демократическимъ, разбивающимся однако на два теченія. Одно направленіе, держась демократическихъ взглядовъ въ вопросахъ соціальныхъ, въ дѣлѣ государственнаго управленія выдвигаетъ идею совмѣстнаго управленія царя и земли; другое направленіе, исповѣдуя тождественные взгляды въ вопросахъ соціальныхъ реформъ, возможность достиженія общественнаго блага видитъ въ абсолютизмѣ государя. Среди новыхъ теченій нѣтъ мѣста для проявленій аристократическихъ тенденцій княжья и боярства; въ этотъ періодъ оно не выставило изъ своей среды ни одного публициста и не нашло въ себѣ достаточно силъ, чтобы удержать фактически правленіе въ своихъ рукахъ; это замѣчаніе относится ко всей эпохѣ Грознаго, начиная съ момента принятія царскаго титула. Уже въ XV вѣкѣ боярство постепенно теряло свою силу, уступая нарастающему абсолютизму Московскихъ государей и теряя свой престижъ въ общественномъ мнѣніи. До разгрома Грознаго, княжье и боярство отчасти сохраняло свои великія вотчины и нѣкоторыя прерогативы самостоятельныхъ вотчинниковъ. Но престижъ боярства быстро падалъ, и особенно въ тотъ періодъ, когда оно очутилось у власти—въ малолѣтство Грознаго. Бояре оказались въ положеніи слугъ, неожиданно очутившихся на мѣстѣ господъ. Подступавшее обѣднѣніе этого класса, такъ какъ уже замѣтны были признаки грядущаго экономическаго кризиса, личныя отрицательныя качества многихъ представителей этого

класса сдѣлали періодъ боярскаго правленія очень тяжелымъ для населенія. Бояре оказались «свирѣпи аки львове», по словамъ одного источника; при боярскомъ правленіи правда улетѣла на небо, а кривда спустилась на землю, по красивому выраженію Псковскаго лѣтописца. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что публицистика половины XVI столѣтія стояла на двоякой точкѣ зрѣнія: одна выдвигала «всегоднюю царскую грозу» противъ бояръ, а другая—совѣтъ всенародныхъ человѣковъ для избавленія отъ произвола и бояръ и царя.

Познакомимся сначала съ тѣмъ направленіемъ публицистики, которое можно признать господствующимъ въ половинѣ вѣка. Тутъ, прежде всего, намъ надо познакомиться съ очень интереснымъ памфлетомъ неизвѣстнаго автора, относящимся по всѣмъ даннымъ къ началу шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Это—Бесѣда Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Авторъ памфлета, по всей видимости, свѣтскій человѣкъ; онъ послѣдователь направленія бѣлозерскихъ старцевъ, но шире своихъ предшественниковъ охватываетъ вопросы, выдвинутые эпохой.

Голосъ сильнаго раздраженія слышится въ сужденіяхъ автора о современномъ монашествѣ. Онъ много разъ и различными способами старается доказать, что иноки не должны владѣть имѣніями. Иноки «выкрадываютъ» и «выписываютъ» изъ святоотеческихъ писаній все то, что имъ тамъ не нравится, и вписываютъ «о пищахъ и о всемъ полезномъ себѣ». Ни цари, ни людіе этого не знаютъ, и даютъ инокамъ села и волости. Никому между тѣмъ и въ голову не приходитъ, что инокамъ должно давать «годовую, урочную милостыню, а не волости со христіаны». Владѣя вотчинами, монахи предаются пьянству, «сладости» и «сытости». Владѣніе имѣніями—новая ересь, идущая отъ бѣса: иноки владѣютъ крестьянами, собираютъ съ нихъ всякіе доходы, живутъ «христіанскими слезами». «Богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ». Авторъ рекомендуетъ всѣхъ бродящихъ изъ монастыря въ монастырь иноковъ отдать въ подначаліе. Иноки дали обѣтъ терпѣть подначаліе и всякую скорбь и тѣсноту и трудиться; они должны «питаться отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами». Вотъ почему инокамъ душевредно владѣть волостьми: они проникаются мірскою суетою, «свирѣпствомъ и яростью на христіанскія слезы». Только вслѣдствіе простоты царей иноки получаютъ имѣнія: «малосмысленніи цари» жалуютъ земли инокамъ и тѣмъ вводятъ ихъ въ грѣхъ.

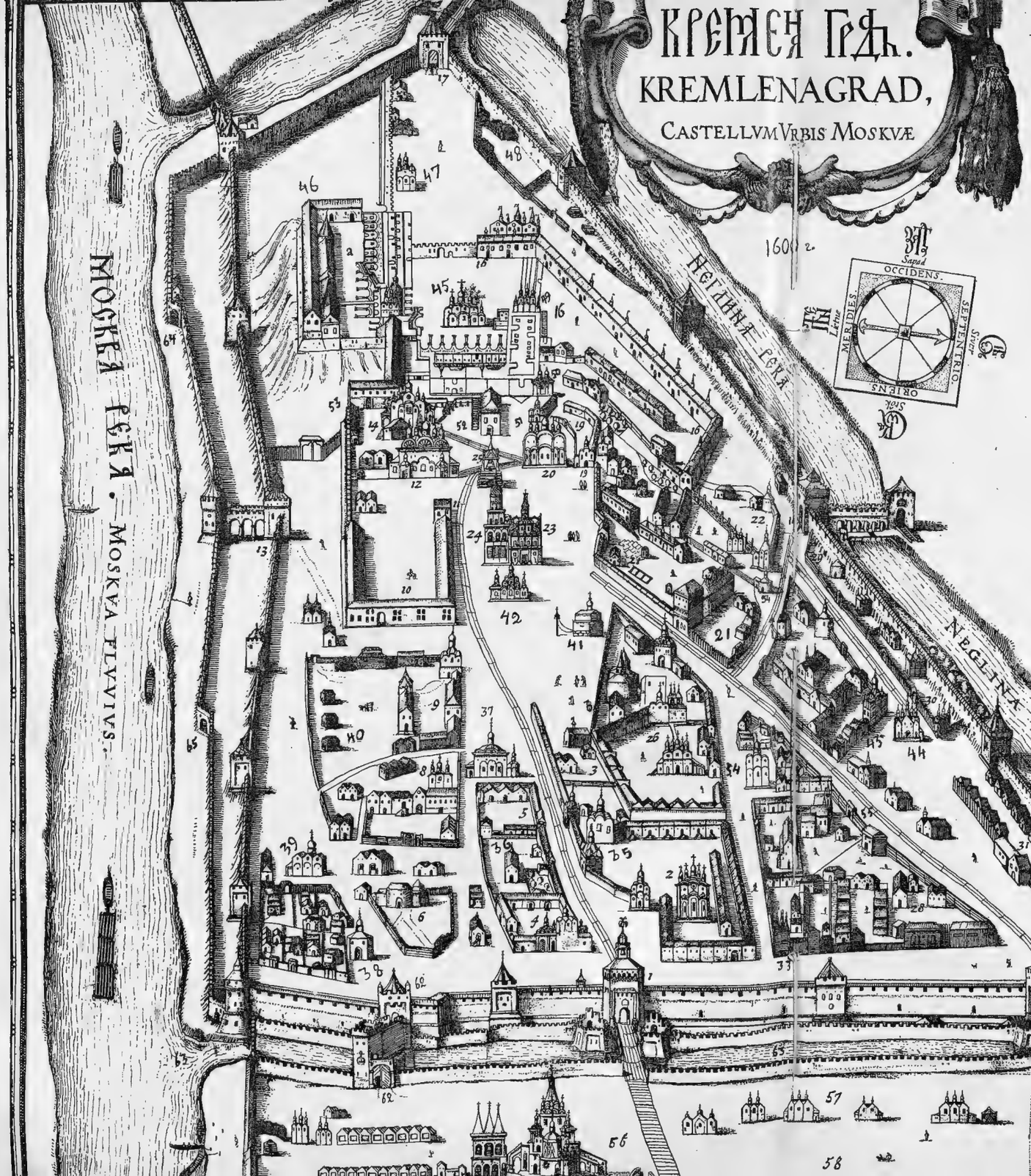
Вообще иноки должны совершенно отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ. Не менѣе и для нихъ и для государства пагубно, когда иноки имѣютъ вліяніе на дѣла государственнаго правленія: гдѣ иноки вмѣшиваются въ дѣла управленія, тамъ «милости Божія нѣсть»; не только иноки, но даже святители и священники не должны имѣть вліянія на государственныя дѣла: съ ними царь совѣтуется только въ дѣлахъ церкви.

Въ вопросѣ о значеніи царской власти и ея прерогативахъ авторъ очень далекъ отъ обожествленія этой власти, хотя, по его словамъ, власть царю дается Богомъ: власть необходима потому, что дана на «воздер-

КРЕМЛЕНА ГРАДЪ.
KREMLENAGRAD,
CASTELLVM VRBIS MOSKVÆ

MAGNO DOMINO CÆSARI, ET MAGNO DVCI
ALEXIO MICHAELOVITS,
DEI GRATIA,
OMNIVM RVSSORVM AVTOKRATORI, VLADIMERSKII, MOSKOFSKII NOVOGORODSKII: TZAR KAZANSKII, TZAR ASTOROCHANSKII, TZAR SIBIERSKII: DOMINO PLESKOFSKII: MAGNO DVCI SMOLENSKII, IVERSKII OVGORSKII, PERMSKII, VEATSKII, BOLGARSKII: ETIAM DOMINO, ET MAGNO DVCI NOVOGORODI IN TERRIS INFERIORIBVS, TZERNIGOFSKII, REZANSKII, POLOTZKII, ROSTOFSKII, IAROSLAFSKII, BELOZERSKII, OVDORSKII, OBDORSKII, KONDINSKII ET TOTIVS SEPTENTRIONALIS REGIONIS MANDATORI; ET DOMINO TERRARVM IVERSKYE, KARTALINSKICHI, ET GRVZINSKICH CÆSARVM ET TERRARVM KABARDINSKIES, TZERKASKICHI, IGORSKICH DVCVM: ET MVLTARVM DITIONVM DOMINO ET MODERATORI

Castellum cum tribus contiguis Vrbibus Moskuæ, prout sub florenti Imperio, piæ memoriæ, Magni Domini Cæsaris, et Magni Ducis Borissi Foedorovits, omnium Russorum, &c. situ, et dimensu fuit; summâ ac debitâ observantiâ, offertur, dicatur, consecratur.



In hoc Castelli Vrbis Moskuæ Typo hæc subsequentia suis numeris notata designantur ordinè.

1. Podvorie, id est Porta Froloffskie.
2. Vosnesenie Monaster. Monasterium Ascensionis Christi, ubi Imperatrices sepeliuntur.
3. Aula Foedoris Ivanovits Selemeytoff.
4. Keriloffske podvorie, hospitium Kerilofskorum.
5. Kroetitsche podvorie, hospitium Kroetitschorum.
6. Chobro duor, Armamentarium.
7. Rosbono pricaes, Tribunal aut Ius grassatorum.
8. Aula Ducis Ivan Vaciliovits Sietskie.
9. Aula Ducis Foedoris Ivanovits Mesiesloffske.
10. Variæ Iuris Præfecturæ.
11. Posolske pricaes; Peregrinæ Iuris præfecturæ.
12. Michæl Archangel; Templum in quo omnes Cæsares sepeliuntur.
13. Porta ad ipsum flumen Moskua.
14. Gazophylacium Cæsaris, et Magni Ducis.
15. Blagovesnie, Anuntiatio Mariæ; templum novum turribus, quarum tecta, ut et totius templi, ære deaurato cooperta sunt, imo et Crux altissimæ turris ex auro purissimo fabricata est
16. Aula Cæsaris. a Nova Aulæ structura.
17. Boerovinskevorod. Porta altæ sylvæ.
18. Cammenemost, Porta iuxta pontem lapideum.
19. Aula Patriarchæ
20. Protzista; Beatæ Mariæ Virginis, Soboorno tzerke, templum Synodale, quo Ecclesiastici omnes conveniunt.
21. Vetus Aula Domini, scilicet Borissi Foedorovits Godonoff qui postea Cæsar fuit.
22. Troytske podvorie; hospitium Troytskorum.
23. Rosestova Christova; Templum in quo Cæsar festo Nativitatis sacrum audit.
24. Ivàn velikoy; magnum Divi Ioannis templum, cuius turris tegmen deauratum est, campanisq; abundat.
25. Campana magna, pendens pænè. 2200. pecdas, quæ valent ponderum nostratium. 66000. libris.
26. Tzoudoua Monaster; Monasterium miraculorum.
27. Aula Bogdani Iaclovits Bélskoy.
28. Aula Andreæ Petrovits Klesnin.
29. Aula Simonis Mikitovits Godonoff.
30. Aula Dimetri Ivanovits Godonoff.
31. Aula Gregorij Vaciliovits Godonoff; postea fuit Granarium.
32. Nicoolske vorod; Porta Sancti Nicolai

Privilegio Nobilissimorum et Præpotentum D.D. Ordinum Generalium Confœderatarum Regionum cautum est, ne quis has Tabulas Civitatis et Castelli Moskuæ aliquo modo imprimat, aut alibi impressas divendat.

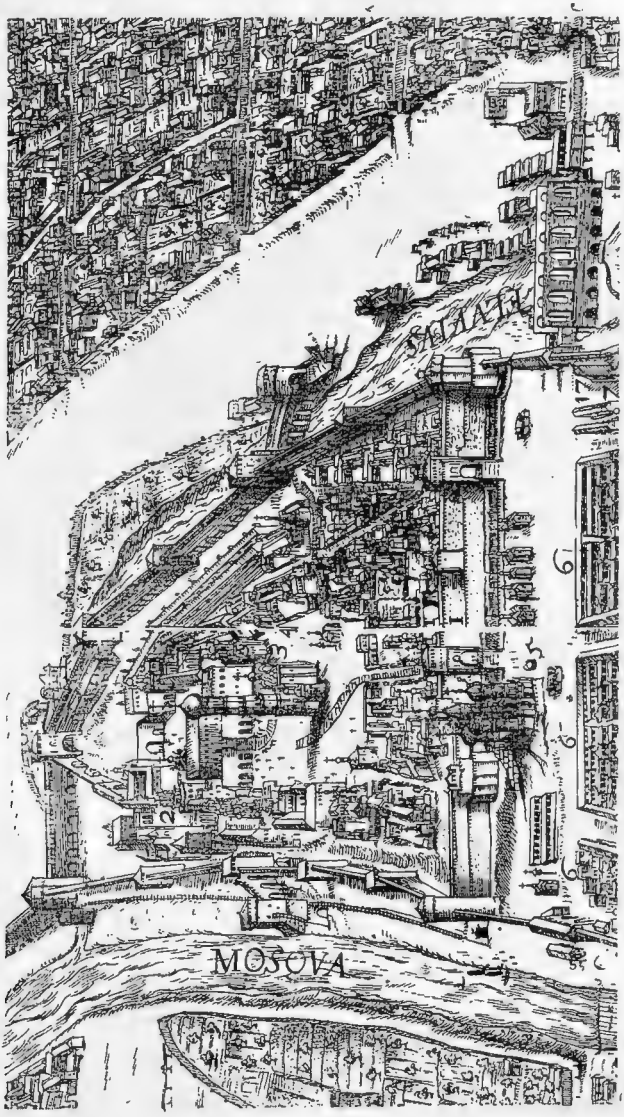
жаніе міра»; еслибы не царская всегодняя гроза, «ино въ воляхъ не каются, ниже послушаютъ поповъ». Очень оригинально толкованіе авторомъ термина самодержецъ, оффиціально признаннаго въ то время Московскими царями: царь пишется самодержцемъ потому, что онъ долженъ «міръ воздержать» (въ смыслѣ нравственномъ). Но царь правитъ не одинъ, а съ боярами и князьями: царь не долженъ совѣтоваться съ непогребенными мертвецами, потому что Господь повелѣлъ государямъ держать царство, грады и волости «съ князи и съ бояры и съ прочими міряны». Къ этому вопросу, т.-е. о совѣтѣ царя, нашъ авторъ возвращается неоднократно. Царь долженъ непрестанно совѣщаться со своими совѣтниками о всякомъ дѣлѣ. Указывая иногда, что царь долженъ совѣщаться со своими совѣтниками—князьями и боярами, нашъ авторъ рекомендуетъ еще и иную форму совѣщанія: «подобаетъ съ міромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властьми своими». Что такое совѣтъ царя съ міромъ, очень хорошо разъясняется въ «Иномъ сказаніи» той же бесѣды, которое въ рукописяхъ соединяется съ первымъ, но представляетъ собою самостоятельное дополнительное произведеніе, по всей вѣроятности, принадлежащее перу другого автора, сочувствовавшаго идеямъ бесѣды и рѣшившаго дополнить ее своими соображеніями о Земскомъ Совѣтѣ; вѣроятно, это дополнительное «Иное сказаніе» болѣе поздняго времени, временъ опричины, такъ какъ оно направлено не только противъ вельможъ, но и противъ приказныхъ и говоритъ объ укрѣпленіи государственныхъ границъ. Авторъ заявляетъ, что весь духовный чинъ обязанъ благословить русскихъ царей на созваніе «единомысленнаго вселенскаго совѣта» «отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ»; этотъ совѣтъ нужно царю «безпрестанно всегда держати погодно при себѣ и ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день и добрѣ добрѣ распросити царю самому» о всякомъ дѣлѣ міра сего. При такихъ условіяхъ царь обо всемъ будетъ знать, будетъ въ состояніи удержать отъ всякой неправды своихъ приближенныхъ, воеводъ и приказныхъ людей, будетъ свободенъ отъ совѣтовъ льстецовъ и укрѣпитъ такимъ образомъ государство.

Такимъ образомъ совѣтъ царя съ всенародными человѣками — вотъ тотъ идеальный государственный строй, о которомъ мечтаетъ авторъ памфлета. Если къ этому прибавить то высокое уваженіе, которое не разъ высказывается въ Бесѣдѣ по отношенію къ воинамъ, и повторяемую нѣсколько разъ мысль о томъ, что царю достоитъ собирать всякіе доходы съ пощадою и милосердно, то мы исчерпаемъ все содержаніе этого замѣчательнаго памятника древне-русской публицистики.

Неизвѣстный авторъ Бесѣды въ своихъ политическихъ идеалахъ стоялъ далеко не одиноко: онъ былъ выразителемъ мнѣнія цѣлаго направленія, которое одно время было правящей партіей.

Авторъ Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ стоитъ на почвѣ церковно-политическихъ вопросовъ и только вскользь касается вопроса о собираніи царскихъ доходовъ. Другое произведеніе, нѣсколько болѣе ранняго времени, принадлежащее тоже анонимному автору, касается вопросовъ чисто экономическихъ. Это—проектъ реформъ, озаглавленный «Слово къ

богохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣріемъ». Изъ обращенія слова къ правительницамъ слѣдуетъ заключить, что оно написано при великой княгинѣ Еленѣ, хотя въ послѣдующее время, повидимому, не разъ подвергалось передѣлкѣ *).



Планъ Кремля по гравюрѣ Киліана 1610 года.

*) Слово дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, въ разрозненномъ видѣ, и при томъ въ испорченныхъ. М. М. Богословскій впервые указалъ на то, что извѣстныя ранѣе Забѣлину, Жмакину и Милюкову части этого Слова представляютъ собою одно произведеніе публицистическаго характера. Труды Археографической Комиссіи Моск. Арх. О-ва подъ редакціей Довнаръ—Заполь-скаго, т. I.

Основная мысль автора сводится къ заботамъ объ устройствѣ военно-служилаго сословія. Надо всю землю раздѣлить среди служилаго люда—боярамъ и воинамъ. Размѣръ земли опредѣляется достоинствомъ воиновъ; чтобы не было поземельныхъ споровъ, необходимо ввести новую поземельную единицу для пахотной земли—поприще—квадратъ въ 1000 квадратныхъ саженей. Введеніе такой простой, по мнѣнію автора, поземельной единицы, разбивка земли на поприща, предотвратитъ поземельные споры, ускоритъ раздачу земли и будетъ удобно для наблюденія и управленія. Служилый же людъ, по разсчетамъ автора, получитъ довольство, и въ то же время улучшится положеніе ратаевъ, т.-е. крестьянъ: служилые люди будутъ имѣть такой доходъ, что излишки хлѣба могутъ продавать «на собраніе серебра»; «ни единъ ратай не будетъ слезенъ и мученъ въ недостатцѣхъ»; нельзя собирать съ ратаевъ серебро, т.-е. денежный оброкъ: какъ хотѣть отъ ратаевъ серебра и ихъ за то мучить, когда они не производятъ серебра, но хлѣбъ созидаютъ: хлѣбомъ и должно взимать съ нихъ оброкъ. Размѣръ оброка долженъ быть опредѣленъ, онъ не долженъ превышать пятой части урожая. Вообще проектъ очень тепло относится къ классу ратаевъ, указываетъ на его изнеможеніе отъ работнаго ига, платы оброковъ, ямскихъ денегъ, взиманія оброковъ серебромъ вмѣсто хлѣба и проч. Вообще ратаи, уплативъ оброкъ воинамъ, не должны знать никакихъ другихъ податей, въ томъ числѣ и государственныхъ. Государственныя повинности и налоги должны пасть на городское сословіе: «понеже суть (купцы) стяжатели много прибытка». Наконецъ, нашъ авторъ предлагаетъ одну очень важную мѣру относительно устройства безопасности государства въ военномъ отношеніи: воины должны жить въ городахъ, а не въ селахъ, и собираться въ дѣйствующую армію по приказанію государя, т.-е. иными словами, авторъ рекомендуетъ устройство постояннаго войска.

Таковы экономическія воззрѣнія автора. Для полноты знакомства съ этимъ памятникомъ отмѣтимъ еще одну черту его. Авторъ—большой ригористъ и заботится о поднятіи нравственности въ народѣ, давая рядъ совѣтовъ, которые должны послужить къ поднятію нравственности и къ устраненію пороковъ. Онъ мастерски набрасываетъ рядъ картинъ изъ тогдашней жизни. Во всѣхъ городахъ корчемницы и блудницы: «въ корчемницахъ пьяницы безъ блудницъ никако же бываютъ». Поэтому слѣдуетъ всѣхъ ихъ извести и воспретить всякое пьянственное питье, потому что отъ пьянства происходитъ и всякій порокъ даже среди мужатицъ, т.-е. замужнихъ женщинъ. Авторъ вообще очень хорошо знакомъ съ пьянственными обычаями. Сойдутся, разсказываетъ онъ, къ пьянственному питію мужи и жены, придутъ сюда же «нѣцыи кощунницы, имуще гусли и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны и ина бѣсовскія игры и передъ мужатицами сія играюще бѣсяся и скаче и скверныя пѣсни припѣвая». Сидитъ жена «обуморена отъ пьянства и быть ей желаніе сатанинскому игранію»; ея мужъ тоже ослабѣваетъ умомъ—и «сѣмо и овамо очима согляданіе», даетъ чужой женѣ питіе съ лобзаніями, а тутъ—рукамъ пріятіе, рѣчамъ злотайнымъ сплетеніе и связь діаволь. Душегубство тоже отъ пьянства. На пиру

Шарлемань.—Іоаннъ Грозный на Красной площади.

всякій хочетъ занять мѣсто повыше, отчего происходятъ ссоры и драки. Авторъ говоритъ, что есть и защитники хмельного питья: не будетъ хмеля, нельзя будетъ и опрѣсноковъ сдѣлать. Онъ опровергаетъ ихъ, указывая на то, что для опрѣсноковъ нужны только дрожжи.

Такимъ образомъ, публицистика разсматриваемаго періода затронула всѣ важнѣйшіе вопросы, выдвинутые эпохой. Мы разсматриваемъ сейчасъ то ея направленіе, которое въ вопросахъ государственнаго управленія выдвигало мысль объ участіи народа въ управленіи, а въ вопросахъ соціальныхъ и экономическихъ высказывало заботу о низшихъ классахъ населенія. Такими низшими классами были, во-первыхъ, ратаи, — крестьянство, стоявшее уже наканунѣ прикрѣпленія, и новый только нарастающій военно-служилый элементъ—воины, дѣти боярскія. Если въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ еще чувствуется отзвукъ вліянія идей М. Грека или Вассіана Патрикѣева (совѣтъ царя съ боярами и князьями), то Слово къ царямъ интересуется только воинами и ратаями.

Знакомство съ двумя названными памятниками приводитъ насъ къ знакомству съ самымъ выдающимся публицистомъ этой эпохи, въ сочиненіяхъ и въ дѣятельности котораго нашли себѣ яркое выраженіе всѣ важнѣйшіе вопросы разсматриваемаго направленія. Мы имѣемъ въ виду князя Андрея Курбскаго. Его нельзя назвать самостоятельнымъ писателемъ съ точки зрѣнія новизны высказанныхъ имъ идей. Онъ цѣликомъ примыкаетъ къ младшему поколѣнію нестяжателей демократическаго направленія. Это — государственный человѣкъ и воинъ, взявшійся за перо для того, чтобы обосновать и доказать тѣ политическіе идеалы, которые онъ стремился провести въ жизнь. Мнѣніе Курбскаго представляетъ собой антитезу мнѣніямъ его знаменитаго оппонента. Кардинальнымъ вопросомъ въ спорѣ является вопросъ о сущности и назначеніи царской власти. Хотя царь и почтенъ царствомъ, пишетъ Курбскій, но онъ долженъ «искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣковъ». Всенародные человѣки—это народъ въ нашемъ смыслѣ слова. Такой царь будетъ имѣть успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, очевидно, въ силу поддержки со стороны общественнаго мнѣнія: успѣхъ Ивана III въ дѣлахъ князь Курбскій, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что этотъ государь былъ весьма любосовѣтенъ. Такой отвѣтъ даетъ Курбскій Грозному на утвержденія послѣдняго, что царь воленъ казнить и миловать. И въ другихъ вопросахъ взгляды Курбскаго отразили въ себѣ идеи данной эпохи и направленія. «Державные», т.-е. правители, получили отъ Бога власть, говоритъ Курбскій въ посланіи къ нѣкоему Ивану многоученому, чтобы разсуждать подвластныхъ имъ праведнымъ судомъ и управлять въ кротости и милости державу свою; между тѣмъ они оказываются болѣе свирѣпыми, нежели звѣри-кровоядцы и съ несытствомъ грабятъ чужія имѣнія. Много бѣдствій происходитъ въ государственномъ управленіи отъ участія въ немъ священническаго и иноческаго чина, потому что священнослужители не только не удерживаютъ царей, «но паче потаковники бываютъ», и только для того, чтобы скопить для себя многія имѣнія и села. Напротивъ,

другіе классы общества находятся въ бѣдственномъ положеніи. Воинскій чинъ — «худѣйшій строевъ обрѣтѣся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожество и бѣды и смущенія» и высказать нельзя. Купечество и землѣдѣльцы страдаютъ отъ безмѣрныхъ податей и отъ немилостивыхъ приставовъ, ихъ безъ милости избиваютъ при взиманіи дани: «бѣдно веденіе и умиленъ позоръ». Отъ этого земледѣльческій классъ бѣжитъ изъ своего отечества или продаетъ своихъ чадъ въ вѣчную работу, иные налагаютъ на себя руки, вслѣдствіе многихъ горестей.

Наряду съ разсмотрѣннымъ направленіемъ публицистики, тотъ же періодъ выдвинулъ еще и другое направленіе, представителями котораго являются Ивашко Пересвѣтовъ и Іоаннъ Грозный.

Долгое время произведенія перваго изъ нихъ считались памфлетами, надписанными псевдонимомъ. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій не можетъ быть сомнѣнія въ существованіи Ивашки Пересвѣтова. Это былъ служилый человѣкъ, по какимъ то причинамъ на время выѣзжавшій изъ Московіи и находившійся на службѣ въ Венгріи и Молдавіи, затѣмъ около 1540 г. возвратившійся въ Москву. Состоя на службѣ у Московскаго государя, Ивашко Пересвѣтовъ написалъ нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ, описывая свое пребываніе въ иностранныхъ государствахъ и свои наблюденія, онъ даетъ рядъ совѣтовъ молодому царю относительно ближайшихъ государственныхъ задачъ и способовъ управленія государствомъ. Эти челобитныя относятся, по изслѣдованіямъ г. Ржиги, ко времени 1547—1551 г.г. Кромѣ того, Пересвѣтову принадлежитъ сказаніе о царѣ Константинѣ, сказаніе о Магметѣ-Салтанѣ, предсказанія философовъ и докторовъ, сказанія о книгахъ — все также политическіе памфлеты. Такимъ образомъ Пересвѣтовъ является плодовитымъ публицистомъ того времени.

Произведенія Пересвѣтова проникнуты прежде всего крайне рѣзкимъ отношеніемъ къ вельможамъ. Сказаніе о царѣ Константинѣ, хотя по внѣшности и относится къ Византіи, имѣетъ цѣлью борьбу съ московскимъ боярствомъ. Вельможи, по словамъ Пересвѣтова,—виновники всѣхъ бѣдъ въ государствѣ. Благодаря имъ, погибло греческое царство, которое они разоряли въ малолѣтство царя Константина. Они судятъ неправедно, берутъ посулы съ виноватаго и праваго, они лживы и лукавы, наконецъ, они удерживаютъ царя отъ дѣлъ, которыя онъ призванъ совершать; такъ, греческіе вельможи мыслили о томъ, чтобы удержать царя Константина отъ воинскихъ дѣлъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ и каковое дѣло составляетъ главную задачу государя. Вельможи только то и дѣлаютъ, что обогащаютъ себя, спорятъ изъ-за власти, измѣняютъ, ябедничаютъ и въ то же время «какъ гладные псы» расхватываютъ кормленіе. Господь Богъ погубилъ греческое царство потому, что оно заложилось за вельможъ. По словамъ Пересвѣтова, русское царство находится въ такомъ же положеніи. Русская земля порабощена вельможами. А «которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется». Царь долженъ возвышать только тѣхъ вельможъ, которые этого достойны по своимъ воинскимъ заслугамъ или по мудрости, всѣ другіе достойны того, чтобы ихъ «огнемъ жещи и иные

лютыя смерти имъ давати». Вообще царь самъ долженъ быть «самоупрямливъ и мудръ безъ воспрашанія» (т.-е. безъ чужихъ совѣтовъ), онъ долженъ быть грозенъ: тогда только Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его, и онъ будетъ обладать многими царствами. Особенно царь долженъ выдвигать классъ воиновъ, тогда вельможи будутъ у него въ полномъ подчиненіи, будутъ его бояться, а царь будетъ «боярами своими тѣшиться, какъ младенцами»! Отсюда и настоятельный совѣтъ Пересвѣтова, чтобы въ государствѣ всѣ возвышались по заслугамъ, независимо отъ ихъ происхожденія. У Магмета-Салтана, наставительно разсказываетъ Пересвѣтовъ, совсѣмъ даже уничтожено рабство. Онъ возвышаетъ людей весьма низкаго происхожденія, плѣнниковъ, рабовъ, и изъ рабовъ создалъ очень храброе войско. Вообще Пересвѣтовъ рѣзко высказывается противъ рабства и настаиваетъ на его уничтоженіи. Затѣмъ онъ совѣтуетъ устроить постоянное войско. Изъ другихъ совѣтовъ Пересвѣтова отмѣтимъ — предложеніе отмѣнить кормленія, собирать доходы въ казну, назначить жалованіе чиновникамъ, ввести палатный судъ и строгія наказанія за нарушеніе правосудія.

Присматриваясь къ идеаламъ Пересвѣтова, нельзя не отмѣтить извѣстной новизны въ общемъ его міровоззрѣніи сравнительно съ предшественниками: рекомендуя утвержденіе деспотической власти въ государствѣ, онъ однако стремится направить дѣятельность этой власти на благо низшихъ слоевъ населенія и требуетъ борьбы съ аристократическими элементами; онъ проповѣдуетъ такимъ образомъ просвѣщенный абсолютизмъ съ явнымъ наклоненіемъ его въ сторону демократическихъ элементовъ.

Общій комплексъ идей Пересвѣтова отличается новизною, но нельзя согласиться съ новѣйшимъ изслѣдователемъ этого вопроса, представляющимъ себѣ Пересвѣтова совершенно оригинальнымъ мыслителемъ, не имѣющимъ предшественниковъ: нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ мыслей есть и въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и въ анонимномъ Словѣ къ царямъ, а идеи абсолютизма, очевидно, почерпнуты имъ изъ осифлянской литературы. Такимъ образомъ Пересвѣтовъ въ свое міровоззрѣніе внесъ идеалы двухъ противныхъ партій и далъ имъ новое направленіе. Безспорно, на такого чуткаго человѣка, какимъ былъ Іоаннъ Грозный, эпистоліи Пересвѣтова могли имѣть большое вліяніе; быть можетъ, онѣ воздѣйствовали на представленія Грознаго, отличающіяся тоже эклектическимъ характеромъ, но ни откуда не видно, чтобы эти посланія оказали вліяніе на внутреннюю политику первыхъ годовъ правленія Іоанна Грознаго, не видно, чтобы именно проекты Пересвѣтова получали осуществленіе, или чтобы къ нимъ вообще прислушивалась избранная рада. О связи Пересвѣтова съ кружкомъ, составлявшимъ избранную раду, не можетъ быть и рѣчи: это рѣшительно противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о направленіи этого кружка. Изъ бѣдственнаго положенія Пересвѣтова, изъ невниманія къ нему правительства слѣдуетъ предположить, что рада относилась къ нему враждебно. Правда, въ посланіяхъ Пересвѣтова есть проекты, которые получили осуществленіе, напр., отмѣна кормленій, походъ на Казань, реформа суда. Но эти реформы безспорно соотвѣтствовали взглядамъ рады и ею проводились. Пересвѣтовъ писалъ въ годы реформъ, предположенія о которыхъ въ то

время, быть можетъ, вовсе не составляли тайны небольшого круга лицъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ талантливый писатель и назойливый карьеристъ, человѣкъ бывалый и юркій, вносилъ въ свои посланія правительственные проекты, о которыхъ онъ могъ разузнать*).

Представленный обзоръ публицистики первой половины XVI вѣка даетъ намъ готовый матеріалъ для пониманія идейнаго содержанія эпохи Грознаго. Хотя еще Кавелинымъ и Соловьевымъ было указано на реформаціонное значеніе этой эпохи, однако иногда и въ настоящее время высказывается взглядъ, что эта эпоха была лишь собираніемъ старины, реставраціей ея. Такой взглядъ въ настоящее время не соотвѣтствуетъ научному пониманію эпохи. У историковъ литературы онъ иногда базируется на невѣрномъ пониманіи политическаго значенія того собиранія старины, литературной и религіозной, какимъ богата эта эпоха.

Москва въ этотъ періодъ становится центромъ выдающейся по своей созидательной дѣятельности эпохи. Сверхъ того, она становится свидѣтельницей весьма значительныхъ по своему содержанію и нѣсколько театральныхъ по своей обстановкѣ событій. Рядъ ихъ начинается съ извѣстнаго момента коронованія Ивана Грознаго (16-го января 1547 г.). Безспорно, несмотря на свою юность, Иванъ Грозный очень хорошо оцѣнивалъ значеніе этого шага—«поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князи и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садился». Несомнѣнно также и то, что царь Иванъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ весьма свѣдущаго помощника, сознательно стремившагося къ возвеличенію Россійскаго царства; это былъ митрополитъ Макарій, о которомъ намъ еще придется говорить. Нѣкоторые приписываютъ ему даже иниціативу самаго вѣнчанія**).

Объявленіе царемъ себя совершеннолѣтнимъ, царское вѣнчаніе и первая женитьба царя смѣнились въ исторіи Москвы грандіознымъ пожаромъ, который произошелъ въ іюнѣ того же 1547 г. Пожаръ начался церковью Воздвиженія на Арбатѣ, и въ продолженіе короткаго времени все Занеглинье и Чертолье (нынѣшняя Пречистенка) обратились въ пепелъ. Сильный вѣтеръ перенесъ пламя въ Кремль, гдѣ загорѣлись царскія палаты и нѣкоторые изъ приказовъ. Огонь проникъ въ пороховые погреба, и начались взрывы. Весь Кремль былъ охваченъ пламенемъ, такъ что митрополитъ съ большимъ трудомъ спасся изъ Успенскаго Собора, посредствомъ подземнаго хода. Огонь перешелъ изъ Кремля въ Китай городъ, и опустошенія отъ пожара дошли до Яузы. Царь въ это время былъ въ с. Воробьевѣ и оттуда наблюдалъ за опустошительнымъ дѣйствіемъ огня. Это народное бѣдствіе кончилось весьма печально для родственниковъ царя—бояръ Глинскихъ. Враги Глинскихъ пустили слухъ, что пожаръ произошелъ отъ чародѣйства кн. Анны Глинской. Народная толпа, взволнован-

---

*) Новѣйшія работы о Пересвѣтовѣ нѣсколько преувеличенно оцѣниваютъ его публицистическую дѣятельность. Ржига, Пересвѣтовъ, въ Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн., 1908, кн. I-я; Яворскій, ст. о Пересвѣтовѣ, въ Чтеніяхъ въ общ. Нестора Лѣтописца.

**) Голубинскій, Исторія Русской Церкви, пер. полов. 2 т., 757; Малининъ. Старецъ Филофей, 604.

РЕПИНЪ. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫНЪ.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

ная слухами, бросилась разыскивать виновниковъ пожара, стала избивать Глинскихъ и другихъ бояръ.

Всѣ эти событія совпадаютъ съ первыми нашими свѣдѣніями о появленіи у царя новаго круга совѣтниковъ, взамѣнъ боярскихъ придворныхъ партій, управлявшихъ въ малолѣтство Ивана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти событія совпадаютъ съ началомъ созидательной работы первой половины царствованія Грознаго. Въ числѣ близкихъ къ царю лицъ мы встрѣчаемъ Алексѣя Адашева, Благовѣщенскаго попа Сильвестра, князя Андрея Курбскаго, князя Димитрія Курлятева и нѣкоторыхъ другихъ, не говоря уже о митрополитѣ Макаріи. На основаніи одного извѣстія Андрея Курбскаго, подтвержденнаго потомъ авторитетомъ Карамзина, и драматическаго разсказа Костомарова, въ наукѣ на долгое время закрѣпилось мнѣніе объ извѣстнаго рода душевномъ переломѣ въ Иванѣ Грозномъ подъ вліяніемъ попа Сильвестра. Въ настоящее время этотъ взглядъ уже, повидимому, не находитъ адептовъ въ новѣйшей научной литературѣ. Да онъ и несправедливъ. Въ лицѣ молодого царя мы имѣемъ юношу въ высшей степени талантливаго, даровитаго и весьма начитаннаго. Такой царь, несмотря на свою молодость, конечно, не могъ быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра, хотя впослѣдствіи ему казалось очень выгоднымъ оправдывать свою жестокость по отношенію къ кружку избранной рады именно той опекой, которую наложилъ на него Сильвестръ. Эти жалобы царя не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Конечно, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ Иванъ Грозный нуждался въ совѣтникахъ и исполнителяхъ, но обращался къ нимъ сознательно и дѣйствовалъ самостоятельно. Разумѣется, эта самостоятельность въ юномъ возрастѣ, при меньшемъ количествѣ опыта и знаній, выражалась въ менѣе твердыхъ дѣйствіяхъ. Самостоятельность молодого царя весьма отчетливо выразилась, между прочимъ, въ его умѣньи именно въ этотъ періодъ пользоваться совѣтниками: съ одной стороны, онъ опирался на раду, идеалы которой намъ знакомы уже по публицистическимъ посланіямъ Курбскаго, а, съ другой стороны, руководствовался совѣтами умѣреннаго осифлянина митрополита Макарія.

Эта предпосылка для насъ будетъ не безполезна при обзорѣ событій, волновавшихъ Москву въ эпоху Грознаго. Изъ посланій Курбскаго мы уже знакомы съ основными тенденціями избранной рады. Онѣ сводятся къ тому, что при управленіи царствомъ царь долженъ обращаться къ Вселенскому Совѣту, принять всѣ мѣры для поднятія политическаго и матеріальнаго положенія класса воиновъ, уничтожить союзъ правительственной власти съ осифлянскими мнихами и пр. Правительственная программа избранной рады повторяетъ собой именно ту программу, которую рисуетъ Курбскій въ своихъ посланіяхъ. Сама рада въ своемъ составѣ не имѣетъ крупнаго боярства и княжья: князья, входившіе въ ея составъ—захудалое княжье, слѣдовательно, представители того же воинства; попъ Сильвестръ имѣлъ какія то связи съ торговымъ міромъ, Адашевъ—изъ неважныхъ дѣтей боярскихъ. Среди ближайшихъ совѣтниковъ избранной рады встрѣчаемъ опальнаго митрополита Іоасафа, опальнаго же Максима Грека, извѣстнаго намъ уже

старца Артемія. Теперь присмотримся, къ чему сводились правительственныя задачи указаннаго круга лицъ.

Работа велась въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, она выражалась въ собираніи національнаго достоянія Московскаго царства, во-вторыхъ, въ проведеніи опредѣленной политической программы. Сначала остановимся на первой сторонѣ этой эпохи. Главнымъ дѣятелемъ по собиранію итоговъ Московскаго царства былъ замѣчательнѣйшій изъ людей того времени — митрополитъ Макарій. Это былъ типичный сынъ своей эпохи. По своимъ убѣжденіямъ митрополитъ Макарій примыкалъ къ умѣренному осифлянству,—по крайней мѣрѣ въ вопросахъ о монастырскихъ имуществахъ. Но въ общемъ его скорѣе слѣдуетъ признать за человѣка самостоятельнаго серединнаго направленія, быть можетъ, ближе всего подчинившагося вліянію Максима Грека, къ которому онъ относился съ глубокимъ почтеніемъ. Онъ вообще уклонялся отъ вмѣшательства въ политику, цѣликомъ былъ отданъ книжному дѣлу; это вообще былъ человѣкъ «келейный», какъ удачно характеризуетъ его проф. Голубинскій. Макарій весь былъ проникнутъ идеей величія Москвы и старался свои націоналистическія идеи отлить въ конкретную форму. Онъ хотѣлъ собрать все то, что соотвѣтствовало его воззрѣніямъ на призваніе Россіи и на исключительное значеніе переживаемой эпохи. Центру тогдашней Руси-Москвѣ предстояло оправдать свое право на значеніе третьяго Рима, на значеніе центра единственнаго самостоятельнаго православнаго государства. Еще будучи новогородскимъ архіепископомъ, Макарій задумалъ грандіозный трудъ—составленіе знаменитыхъ Четьихъ-Миней. Онъ хотѣлъ собрать и привести въ извѣстность всю наличность переводной и оригинальной русской литературы, извѣстной тогдашнимъ книжникамъ. Онъ съ большимъ трудомъ и съ затратой не малыхъ средствъ собираетъ памятники письменности и самъ ихъ редактируетъ. Въ теченіе 12 лѣтъ онъ велъ свою работу и въ 1552 году положилъ въ Успенскомъ Соборѣ вторую редакцію Миней,—огромное собраніе, включающее въ себѣ около 14.000 большихъ листовъ. Онъ не только собиралъ памятники письменности, но нѣкоторые изъ нихъ приказывалъ передѣлывать, или заказывалъ новыя сочиненія на ту же тему. Такому пересоставленію подверглись нѣкоторыя житія святыхъ, особенно такія, которыя были написаны ранѣе въ духѣ мѣстныхъ удѣльныхъ тенденцій: централистъ редакторъ стиралъ эти особенности; иныя житія святыхъ были написаны вновь, иногда еще до канонизаціи (напр., Макарія Калязинскаго и Александра Свирскаго).

Собирательская дѣятельность Макарія по составленію Четьихъ-Миней была тѣсно связана съ другой стороной его дѣятельности по собиранію русской святыни. Въ удѣльный періодъ въ каждомъ удѣлѣ появлялись свои мѣстно чтимые святые. Отъ того святые, чтимые въ одномъ удѣлѣ, часто не были почитаемы въ другомъ: для москвича, назначеннаго архіепископомъ въ Новгородъ, мѣстный святой новгородскій, архіепископъ Моисей, былъ просто «смердомъ». Съ возрастаніемъ политическихъ успѣховъ Москвы многіе мѣстно чтимые святые дѣлаются общечтимыми. Съ точки зрѣнія централистическихъ тенденцій Макарія признаніе всею церковью мѣст-

ныхъ святыхъ увеличивало значеніе московскаго центра. Такъ постепенно подготовлялась канонизація русскихъ святыхъ центральной властью государственной и церковной. Эта канонизація была произведена митрополитомъ Макаріемъ на Соборахъ 1547 и 1549 г. г. «Соборы эти имѣютъ двоякое важное значеніе: они для самихъ русскихъ людей показали богатство нравственныхъ силъ русскаго народа, выразившееся въ необыкновенномъ проявленіи духовнаго подвига и религіознаго воодушевленія и, во-вторыхъ, въ установленіи многочисленныхъ русскихъ праздниковъ, въ общерусскомъ чествованіи духовныхъ покровителей родной страны. Устанавливалась тѣсная духовная связь центра и окраинъ, для всѣхъ очевидная и безспорная. Понятіе единства русской земли въ этомъ единеніи святыни находило себѣ новое обоснованіе, истолкованіе и скрѣпленіе» (Малининъ, Старецъ Филофей, 603). Такъ это понимали и современники, которые въ соборныхъ дѣяніяхъ увидѣли новый свѣтъ православія, возсіявшій въ царствующемъ градѣ (Голубинскій, Канонизація Русскихъ Святыхъ, 94).

Такое же стремленіе къ собиранію святынь проявилъ митрополитъ Макарій и при созваніи Стоглаваго Собора въ 1551 г. «Обычаи прежнихъ временъ поисшатались и въ самовластіи чинилось по своимъ волямъ и старыя преданія и законы порушены»,—обращался царь къ соборнымъ членамъ въ своей рѣчи. «Шатающіеся обычаи» означали обычаи, принятые въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ; Соборъ ставилъ задачей нивелированіе ихъ. Отсюда былъ естественный выводъ—необходимость найти такой обычай, который можно было бы закрѣпить, какъ общій. Правда, Стоглавый Соборъ вскрылъ и цѣлый рядъ такихъ исшатавшихся обычаевъ, которые дѣйствительно представляли собой нарушеніе правилъ религіи или морали, и старался ихъ исправить.

Свои націоналистическія тенденціи митрополитъ Макарій высказывалъ и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ проявлялъ свое настойчивое участіе въ дѣлахъ политическихъ. Напр., онъ игралъ очень крупную роль въ побужденіи царя идти на Казань. По словамъ лѣтописца, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ царь совѣтовался съ митрополитомъ. Мало того, узнавъ о движеніи царя на Казань, митрополитъ отправляетъ ему посланіе, въ которомъ побуждаетъ Ивана нанести окончательный ударъ Казани и овладѣть достояніемъ государевыхъ прародителей. Онъ обезпокоенъ слухами о мирныхъ переговорахъ царя Ивана съ казанцами, и побуждаетъ царя завоевать Казань. Біографъ Макарія дѣлаетъ еще одну любопытную догадку: построенный въ память покоренія Казани знаменитый соборъ въ честь Покрова Богородицы по своей идеѣ и по ея выполненію принадлежитъ Макарію, который самъ былъ художникомъ и еще въ Новгородѣ руководилъ нѣкоторыми постройками: «Нельзя ли видѣть и въ Покровскомъ Соборѣ ту идею, которая проходитъ черезъ всѣ произведенія Макарія,—идею объединенія Руси, выраженную въ формѣ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ стилей церковной архитектуры, практиковавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи?» *).

*) Заусцинскій, Ж. М. Н. Пр. 1881, ч. 217, стр. 246.

Собирательство Макарія распространялось не на одну только церковную письменность. Какъ теперь недавно выяснено, въ кружкѣ Макарія и подъ его ближайшимъ воздѣйствіемъ совершено еще нѣсколько крупныхъ трудовъ историческаго характера, которые по своему заданію преслѣдовали цѣли, аналогичныя цѣлямъ Четьихъ-Миней. Подъ руководствомъ Макарія была составлена архимандритомъ Аѳанасіемъ, впослѣдствіи замѣстившимъ Макарія на митрополіи, знаменитая Степенная книга. Свое названіе она получила отъ степеней, въ которыхъ расположенъ матеріалъ русской исторіи по важнѣйшимъ княженіямъ. Всѣхъ степеней насчитано 17 отъ начала государства до Ивана Грознаго. Всѣ статьи Степенной книги имѣютъ цѣлью прославленіе подвиговъ вѣры и благочестія, совершенныхъ представителями рода Владиміра Святого, также чудеса важнѣйшихъ чудотворцевъ и дѣятельность митрополитовъ. По словамъ длиннаго названія Степенной книги царскаго родословія, она имѣетъ цѣлью показать благочестіе просіявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержателей, украшенныхъ всякими добродѣтелями и многообразными подвигами, «яко златыми степеньми». Ходъ этого разсказа о князьяхъ по своему литературному стилю и пріемамъ сходенъ съ житійной литературой. Но, ставя историческія задачи, Степенная книга преслѣдуетъ и задачи политическія: въ нее внесена генеалогія Рюриковичей отъ Августа Кесаря, сказанія о Мономаховыхъ регаліяхъ и другія національно-политическія фикціи, составляющія особенность литературы этого періода. Съ точки зрѣнія автора Степенной книги древнѣйшіе кіевскіе и владимірскіе князья являются самодержцами всея Руси; авторъ стремится показать корни благочестія и святость сѣмени Равноапостольнаго князя Владиміра. Изъ святыхъ особеннымъ вниманіемъ автора пользуются тѣ, которые находятся въ родственныхъ отношеніяхъ къ этому сѣмени. Однимъ словомъ, Степенная книга, съ одной стороны, является государевымъ родословіемъ, а, съ другой, первою исторіей Россіи *).

Кромѣ того, кружку митрополита Макарія несомнѣнно принадлежитъ еще составленіе грандіозной исторической энциклопедіи. Въ Московскомъ Историческомъ музеѣ хранится замѣчательный сборникъ, представляющій собою только часть обширнаго цѣлаго; другія его части находятся въ Петербургскихъ библіотекахъ. Это — всеобщая исторія съ тогдашней точки зрѣнія, начинающаяся библейской исторіей и Троянскими сказаніями. Эта рукопись снабжена множествомъ рисунковъ, которые даютъ намъ представленіе объ искусствѣ того времени, а текстъ рукописи—о суммѣ историческихъ знаній. «Въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, всего выше рисунки библейской части: они должны быть отнесены къ совершеннѣйшимъ образцамъ русской миніатюры. Ихъ очерки поражаютъ рѣдкой увѣренностью и изяществомъ». О грандіозности работы, которую выполнили художники, можно заключить уже изъ того, что количество дошедшихъ до насъ рисунковъ доходитъ до 1677 **).

*) Новѣйшее изслѣдованіе о Степенной книгѣ принадлежитъ П. Г. Васенку: «книга Степенная царскаго родословія» и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности.

**) В. Н. Щепкинъ въ Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ 1897, 102.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, дѣятельность этой эпохи, направленную къ собиранію культурнаго достоянія Московскаго царства. Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, еслибы мы не упомянули о томъ, что и знаменитый «Домострой» по идеѣ своей имѣетъ то же назначеніе. Въ Москвѣ въ то время интересовались собираніемъ обычаевъ, и даже архидіакону Геннадію дано было оффиціальное порученіе списать обычаи, господствующіе на Востокѣ. «Домострой» въ нынѣшнемъ его составѣ является сборникомъ, редакція котораго, повидимому, принадлежитъ Сильвестру. «Въ цѣломъ Домострой, говоритъ Пыпинъ, былъ однимъ изъ тѣхъ завершающихъ явленій, какихъ мы видимъ цѣлый рядъ въ царствованіе Грознаго. Это были итоги прошлаго, которые должны были, по мысли руководящихъ людей того времени, не только исправить порушенную и поисшатавшуюся старину, но и дать прочную опору и руководство для будущаго».

Теперь перейдемъ къ другой сторонѣ интересующей насъ эпохи: къ изученію строительства въ области государственности. Оно, какъ мы уже указали выше, направлялось въ первое десятилѣтіе самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго дѣятельностью избранной рады.

Дѣятельность избранной рады началась съ проведенія основного вопроса ея убѣжденій — съ созванія перваго земскаго собора и съ изданія Судебника. Въ настоящее время можно считать прочно установленнымъ, что этотъ Соборъ былъ созванъ именно въ 1550 г., за годъ до Стоглаваго Собора *).

Дѣянія этого Собора до насъ не дошли. Знаемъ только, что Иванъ Грозный говорилъ соборнымъ представителямъ на Лобномъ мѣстѣ рѣчь. До послѣдняго времени въ наукѣ не подвергался сомнѣнію текстъ этой рѣчи. Но недавно было замѣчено, что соотвѣтственная страница Хрущевской Степенной книги является вклеенной въ позднѣйшее время, сравнительно съ остальной частью рукописи (Платоновъ, Статьи по Русской Исторіи, 222). Если относительно текстуальнаго состава рѣчи могутъ быть въ настоящее время сомнѣнія, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Иванъ Грозный говорилъ рѣчь на Соборѣ и что эта рѣчь была именно покаяннаго характера по отношенію къ самому оратору, и направлена была противъ боярскаго произвола. О характерѣ этой рѣчи или даже рѣчей можно судить по царскимъ рѣчамъ на Стоглавомъ Соборѣ. Самъ царь говорилъ отцамъ Стоглаваго Собора, что «онъ въ предыдущее лѣто» билъ челомъ о своихъ прегрѣшеніяхъ и винахъ, просилъ о прощеніи и приказывалъ своимъ боярамъ и кормленщикамъ помириться съ земскими людьми. Быть можетъ, онъ и у Вселенскаго Собора точно также настоятельно просилъ совѣта, какъ онъ просилъ его у отцовъ Стоглаваго Собора, и выражалъ желаніе все сообща съ Соборомъ исправить и утвердить. Безспорно, онъ и предъ членами Земскаго Собора высказывалъ свою скорбь о томъ, что въ его малолѣтство бояре и вельможи не давали ему добраго совѣта и учинили самовластіе, и перечислялъ всѣ бѣды, которымъ было подвержено государство за боярскія вины. Результатъ перваго Земскаго Собора весьма

*) Платоновъ, Статьи по Русской Исторіи, 4; Латкинъ, Земскіе Соборы, 68.

важенъ: онъ одобрилъ Судебникъ, основная цѣль котораго—избавить населеніе отъ неправедныхъ судей, именно отъ неправеднаго боярскаго суда. Уже эти два факта—Земскій Соборъ и исправленіе Судебника вскрываютъ передъ нами правительственную программу. Къ этому надо прибавить, что извѣстной статьей Судебника (98) была сдѣлана попытка ограничить власть государя и придать боярскому совѣту положеніе законодательнаго собранія. Такъ долженъ былъ возникнуть постоянный совѣтъ при царѣ, наряду съ вселенскимъ Совѣтомъ. Надо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Къ этому именно времени относится капитальная реформа въ составѣ боярской Думы. Мы не знаемъ подробностей этой реформы, но учесть значеніе ея можно. Въ старой Думѣ, наряду съ боярами, призванными царемъ, которымъ сказано было боярство, сидѣли и потомки удѣльныхъ князей и братья государевы. Приблизительно съ изучаемаго момента этихъ прирожденныхъ совѣтниковъ въ Думѣ нѣтъ; въ ней сидятъ только чины по назначенію, и, сверхъ того, среди нихъ мы встрѣчаемъ и думныхъ дьяковъ—чины, которые могли пробиться въ Думу изъ низшихъ слоевъ населенія, путемъ бюрократической выслуги. Такъ царскій синклитъ постепенно терялъ свою аристократическую окраску.

Намъ нѣтъ нужды здѣсь излагать въ подробностяхъ задачи правительственной политики этой эпохи; замѣтимъ только, что она отражала на себѣ знакомыя намъ черты либеральной бюрократической программы: ее занимали заботы о военно-служиломъ классѣ, мѣры борьбы противъ мѣстничества, вопросы объ отобраніи земель какъ монастырскихъ, такъ и неправильно захваченныхъ боярами, о надѣленіи служилаго класса землей и объ устраненіи межевыхъ споровъ, даже о производствѣ всеобщаго межеванія, объ установленіи однообразной системы таможенныхъ сборовъ и объ уменьшеніи числа мѣстныхъ сборовъ; избранная рада поставила вопросъ объ укрѣпленіи границъ и объ обезпеченіи пограничныхъ городовъ постояннымъ войскомъ (городовые стрѣльцы), реформировала земское управленіе, передавъ его выборнымъ мірскимъ властямъ.

Вотъ элементы созидательной части программы. Одинъ членъ рады, князь Курбскій, самъ указываетъ на то, что царь въ его время былъ окруженъ совѣтниками—«мужами разумными и совершенными въ старости маститѣй сущими» и все дѣлалъ въ совѣтѣ съ ними. Между прочимъ, онъ передаетъ нѣкоторыя изъ программныхъ совѣтовъ рады: судъ праведный и нелицепріятный какъ богатому, такъ и бѣдному, избраніе воеводъ искусныхъ противъ враговъ, устроеніе стратилатскихъ чиновъ, какъ пѣшихъ (стрѣлецкая реформа), такъ и ѣздныхъ, награда за воинскіе подвиги и даже возведеніе наиболѣе храбрыхъ воиновъ въ высшія степени. Однимъ словомъ, вся эта программа проникнута демократическими тенденціями, и въ ней нѣтъ мѣста боярскому аристократизму.

Мы уже замѣтили, что Иванъ Грозный не безсознательно относился къ программѣ избранной рады. Въ ней былъ рядъ пунктовъ, которые проводилъ онъ и въ періодъ опричины, но были и пункты, вызвавшіе разногласіе между нимъ и радой—лучше сказать, одинъ пунктъ, касавшійся ограниченія власти. Иванъ Грозный весьма отчетливо усвоилъ себѣ осифлянскую

литературу, выводы которой столь соотвѣтствовали особенностямъ его характера. Онъ искалъ совѣта и совѣтниковъ, но прежде всего цѣнилъ ихъ личную службу себѣ. Поэтому онъ не могъ примириться съ умаленіемъ и формальнымъ ограниченіемъ своей власти. Это и была основная причина, повлекшая за собой гибель избранной рады. Былъ затронутъ такой пунктъ, съ которымъ Грозный не могъ примириться; ему не трудно было найти могущественную поддержку въ различныхъ сферахъ общества, такъ какъ осифлянская доктрина теократическаго абсолютизма имѣла весьма широкое распространеніе. Уже акты Стоглаваго Собора, на которомъ избранная рада выступила съ широкою программой реформъ въ области государственной и церковной, даютъ намъ указанія на первое столкновеніе между осифлянами и послѣдователями нестяжателей, и многіе изъ вопросовъ, поставленныхъ на этомъ Соборѣ, получили уклончивые отвѣты вышедшаго изъ осифлянской среды большинства его. Это былъ первый предвѣстникъ паденія избранной рады. Осужденіе старца Артемія было уже сильнымъ ударомъ для нея. Къ этому вскорѣ присоединилось личное столкновеніе между царемъ и его ближайшими совѣтниками: грубый тонъ совѣтниковъ, перекоры и брань между ними у постели умирающаго царя показали Грозному, что его совѣтники служатъ не ему, а государству. Это было достаточно для разрыва, и Грозный чернилами и кровью отвѣтилъ своимъ совѣтникамъ демократическаго направленія и боярскимъ тенденціямъ, съ которыми онъ вступилъ въ борьбу при помощи тѣхъ же совѣтниковъ.

Программа Грознаго отразилась въ его перепискѣ съ «собакой» Курбскимъ. Смыслъ этой переписки простъ:—За что ты насъ бьешь?—Хочу и имѣю право.

Въ основѣ взглядовъ Грознаго лежитъ осифлянская доктрина съ очень важнымъ коэффиціентомъ того направленія, который мы видѣли у Ивашки Пересвѣтова. Россійскіе самодержцы суть государи Божіимъ изволеніемъ и благословеніемъ прародителей. Государство есть вотчина его владыки. Только Одному Богу даетъ царь отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ; неповинованіе царю есть неповиновеніе Богу. Поэтому подданные царя — повинные ему рабы, коимъ царь повелѣваетъ «хотѣніе свое творити», и они обязаны царю «безсловесно смирятися». «Жаловати есьмы своихъ холопей волны, а и казнить вольны жъ есьмы». Поэтому царь не можетъ управлять съ помощью совѣтниковъ.

При такихъ взглядахъ царь не могъ мириться со своими совѣтниками, онъ разогналъ ихъ и началъ искать опоры уже въ безсловесныхъ рабахъ. Но и въ періодъ опричины царь опирается опять-таки на демократическіе элементы и съ ними продолжаетъ вести борьбу противъ боярства. Среди его ближайшихъ совѣтниковъ, по словамъ Курбскаго, были всѣ лукавые осифлянскіе мнихи и писари, которыхъ царь избираетъ изъ простого всенародства.

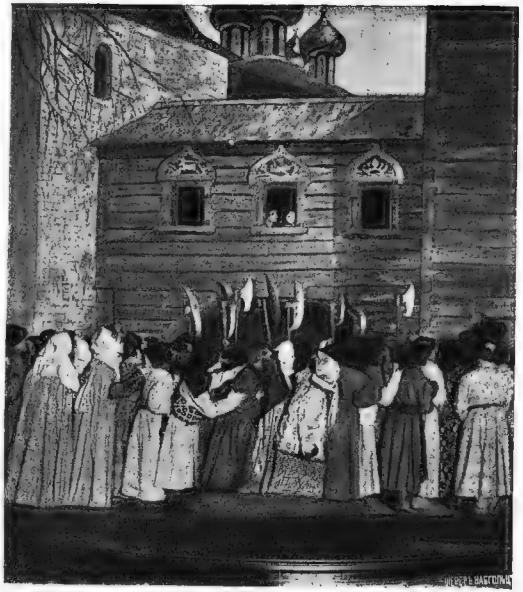
Внѣшняя сторона опричины не лишена театральности, къ которой такъ склоненъ былъ прибѣгать Грозный.

3-го декабря 1564 года Москва съ удивленіемъ увидѣла сборы царя, повидимому, въ дальнюю дорогу: на возы укладывались иконы, кресты,

различныя украшенія, сосуды, платья и царская казна. Нѣкоторымъ боярамъ, дворянамъ и ближнимъ приказнымъ людямъ царь велѣлъ отправиться съ собою въ походъ, взявъ женъ и дѣтей. Нарочито выбранные изъ городовъ бояре и дѣти боярскіе выѣзжали на коняхъ со своими людьми. Государевъ подъемъ былъ необыченъ, и это приводило въ недоумѣніе митрополита Аѳанасія и другихъ владыкъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Царь уѣхалъ въ Александровскую Слободу, и только черезъ мѣсяцъ разрѣшилось недоумѣніе: царь прислалъ изъ Слободы къ митрополиту списокъ, въ которомъ были написаны измѣны боярскія, воеводскія и всѣхъ приказныхъ людей. Царь положилъ свой гнѣвъ на своихъ богомольцевъ, архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, и на бояръ. Бояре разграбили землю, а духовенство за нихъ печаловалось, когда государь хотѣлъ ихъ наказывать. Вотъ почему государь удалился изъ государства. Къ гостямъ, купцамъ и всему православному христіанству царь прислалъ особую грамату, которую тоже приказалъ прочесть. Въ ней онъ писалъ, чтобы они въ себѣ никакого сомнѣнія не держали: никакого гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ. Толпа оказалась не на сторонѣ бояръ и потребовала, чтобы митрополитъ съ духовенствомъ отправились упросить царя вернуться на царство. Въ Александровской Слободѣ Иванъ принялъ ихъ челобитіе, но съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ своемъ государствѣ опричину. Такъ зародилось это оригинальное учрежденіе. Внѣшняя сторона опричины общеизвѣстна. Государственное значеніе ея, какъ теперь выяснено проф. С. Ф. Платоновымъ, сводилось къ слѣдующему: государь конфисковалъ старинныя вотчины московской аристократіи, княжья и боярства, расположенныя въ центрѣ государства, т.-е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще населеніе помнило своихъ удѣльныхъ князей, гдѣ оно видѣло въ ихъ потомкахъ не холопей государевыхъ, а своихъ прирожденныхъ государей. Всѣ эти вотчинники были выселены на окраины, а ихъ земли переданы были опричникамъ, новымъ слугамъ царя, набраннымъ изъ простого всенародства. Въ опричину былъ взятъ и Великій Новгородъ. Такой смыслъ имѣетъ это территоріальное дѣленіе. Грозный пошелъ дальше: путемъ опалъ и конфискацій онъ уменьшалъ матеріально благосостояніе аристократіи, а путемъ казней уменьшалъ ея численность; онъ старался принизить ее, заставляя нѣкоторыхъ изъ потомковъ удѣльныхъ князей исполнять при своемъ дворѣ унижающія ихъ достоинство придворныя должности, мѣнять дѣдовскую боярскую шапку на шутовской колпакъ. Мало того, онъ издаетъ нѣкоторыя постановленія, ограничивающія право наслѣдованія княжатъ и увеличивающія возможность перехода вотчинъ на государя. Грозный достигъ своихъ цѣлей: въ этотъ періодъ многіе древніе роды «безъ остатку миновались».

Такимъ образомъ ясенъ смыслъ опричины: это была борьба съ порядкомъ, а не съ лицами.

Отсюда понятно и стремленіе Грознаго окружить себя новыми людьми, при томъ отъ него зависящими. Интересно отмѣтить одну очень существенную особенность опричины. Грозный использовалъ одну мысль, ко-



Подъ окнами заключенныхъ дѣтей Годуновыхъ.

Борисъ Годуновъ и Юродивый.

Въ комнатѣ Марины Мнишекъ.

(Сцены изъ постановки Московскаго Художественнаго театра).

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

торая брошена была избранной радой еще въ періодъ ея вліянія. Въ 1550 г. подъ Москвой была испомѣщена избранная тысяща. Цѣль этого испомѣщенья—чтобы царь имѣлъ служилыхъ людей для посылокъ. Но въ эту избранную тысящу потомки удѣльныхъ князей попали цѣлыми гнѣздами: они были переселены изъ своихъ старинныхъ вотчинъ въ подмосковныя помѣстья, очевидно, съ тѣми же цѣлями удаленія прирожденныхъ государей изъ ихъ вотчинъ. Это была мѣра осторожная, но преслѣдовала тѣ же цѣли, что и опричина.

Подводя итоги сказанному, слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что и въ эпоху опричины Иванъ Грозный преслѣдовалъ тѣ же государственныя задачи, которыя старался онъ осуществить съ помощью избранной рады. Программа была одна и та же, но проводилась рѣзче, такъ какъ въ исполненіе ея стали привходить распоряженія, исходящія отъ человѣка, разумъ котораго періодами помрачался.

Такъ дѣятельность Грознаго является основнымъ моментомъ, закрѣпившимъ фактически или юридически въ политическомъ и соціальномъ строѣ Московскаго государства новыя стороны его, придавшія Москвѣ видъ деспотіи, опирающейся на безразличную массу мелкаго служилаго люда.

Смута начала XVII вѣка и ея московскія отраженія *).

П. Г. Васенко.

I.

Къ концу XVI вѣка Московское государство, или, какъ говорили и писали тогда въ извѣстныхъ случаяхъ, «всѣ государства Россійскаго царствія», раскинулось на громадномъ пространствѣ. На сѣверѣ добралось оно до Окіана-моря, на востокѣ перевалило черезъ Камень, т.-е. Уральскій хребетъ, и стало осваивать Сибирь, на юго-востокѣ овладѣло низовьями Волги, на югѣ заняло часть дикаго Поля, т.-е. степныхъ пространствъ по Дону и его притокамъ, на западѣ подчинило себѣ верховья Днѣпра и Западной Двины и Новгородскія волости, граничащія съ Прибалтійскимъ краемъ и Финляндіей. Такъ разрослась подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ скромная вотчина Іоанна Калиты, владѣвшаго бассейномъ Москвы-рѣки. Въ какія-нибудь 250—260 лѣтъ наслѣдники скопидомнаго князя сумѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ колоссальную территорію. Но тотъ же историческій процессъ, который со сказочной быстротой создалъ Московское государство, вызвалъ къ жизни и два обстоятельства, могущія причинить большія разстройства новообразовавшемуся государственному организму. Эти обстоятельства заключались въ двухъ противорѣчіяхъ русской исторіи: политическомъ и

*) Подробное изложеніе Смуты см. въ изслѣдованіи профессора Платонова «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.». Петербургъ, 1899 и 1901 гг. (второе изданіе). Авторъ предлагаемаго отдѣла основывался главнымъ образомъ на этомъ капитальномъ трудѣ.

соціальномъ. Первое изъ нихъ, по опредѣленію академика Ключевскаго, состояло въ томъ, «что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Второе противорѣчіе заключалось, по словамъ профессора Платонова, въ томъ, «что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго классовъ, трудъ которыхъ служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны». «Оба эти противорѣчія въ своемъ раскрытіи», продолжаетъ упомянутый историкъ, «во вторую половину XVI вѣка создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было, такъ называемое, Смутное время». Поэтому, чтобы выяснить причины Смуты, надо ближе ознакомиться съ указанными явленіями.

Первое изъ нихъ, политическое противорѣчіе русской исторіи, создалось вслѣдствіе быстраго перехода удѣльной Руси въ монархическую. Цѣлый рядъ потомковъ великихъ и удѣльныхъ князей силой вещей былъ вынужденъ вступить на службу къ великому князю Московскому, новому «Самодержцу всея Руси». Они сохраняли при этомъ остатки, иногда очень и очень значительные, своихъ родовыхъ владѣній, «вотчинъ», становились въ первые ряды правящаго тогда класса, боярства, и оттѣсняли на второй планъ старыхъ привычныхъ слугъ Московскаго князя, немногіе изъ которыхъ сохранили къ XVI вѣку часть прежняго значенія и вліянія. При этомъ «княжата» не смогли разстаться со старыми взглядами на себя, какъ на носителей государственно-вотчинной власти. Въ ихъ самообольщеніи имъ казалось, что обстоятельства мало измѣнились. Прежде они правили русской землей, сидя каждый въ своемъ удѣлѣ. Теперь же всѣ князья собрались въ Москву и правятъ вмѣстѣ, собираясь въ Думу. И дѣйствительно, Боярская Дума начала XVI вѣка по своему составу могла бы быть съ нѣкоторымъ основаніемъ названа собраніемъ князей. Но «княжата» слишкомъ мало оцѣнивали значеніе великаго князя Московскаго и всея Руси. Они не замѣтили, что прошли времена Димитрія Донского, при которомъ и простые бояре были «князьями» во владѣніяхъ великаго князя. Быстрый ростъ территоріи Московскаго княжества внушалъ его властителю болѣе высокія представленія о его могуществѣ, а сочувствіе духовенства и народныхъ массъ, утомленныхъ ужасами удѣльныхъ усобицъ и предпочитавшихъ единовластіе, укрѣпляло государя всея Руси въ его новыхъ взглядахъ. Въ княженіе Іоанна III стали явственно обнаруживаться неудобныя стороны такого противорѣчія во взглядахъ правящей власти и высшаго слоя правящаго класса, при чемъ великій князь сталъ все болѣе и болѣе отдаляться отъ своихъ ближайшихъ слугъ и вводить при своемъ дворѣ строгій этикетъ, а «высокоумничавшіе» княжата, не умѣя понять смысла перемѣны, искали причинъ ея въ посторонникъ вліяніяхъ, особенно охотно обвиняя вторую жену своего государя, гордую Софію Ѳоминишну Палеологъ. Боярство было недовольно Иваномъ III. При его сынѣ и преемникѣ Василіи III старые бояре со вздохомъ сожа-

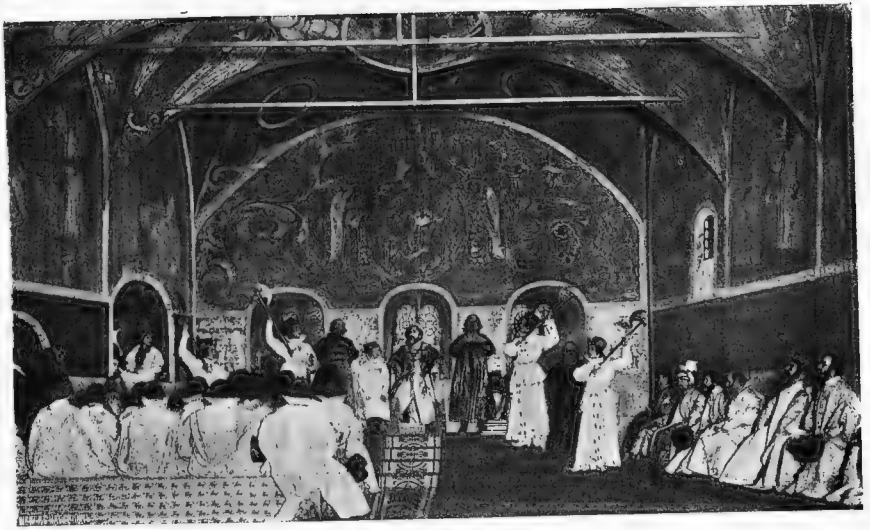
лѣнія стали вспоминать времена государева отца. Наконецъ, при внукѣ Ивана III надъ боярами - княжатами разразилась долго собиравшаяся гроза. Иванъ IV Грозный выполнилъ предсказаніе-программу одного изъ представителей московскаго духовенства, автора «Повѣсти на рожденіе царскаго отрочати» и смирилъ «еже о благородствѣ любопренное шатаніе». Учрежденіемъ опричнины онъ сломилъ разъ навсегда остатки могущества бояръ-княжатъ и подготовилъ паденіе Боярской Думы.

Можно быть разныхъ мнѣній о необходимости той борьбы съ княжатами, которую велъ Грозный, и степени опасности, какую представляли ихъ притязанія для правящей власти, но нельзя отрицать двухъ обстоятельствъ: средство было выбрано удачно, а примѣненіе его сопровождалось такими излишествами и жестокостями, что потрясло государственный организмъ. Что касается нужности или ненужности борьбы Грознаго съ высшимъ слоемъ боярства, то на первый взглядъ ко времени Ивана IV этотъ слой былъ политически совершенно не сорганизованъ и вслѣдствіе этого очень слабъ. Свою политическую невоспитанность онъ показалъ во время малолѣтства Грознаго, когда не сумѣлъ прочно овладѣть положеніемъ, а разбился на кружки, боровшіеся изъ-за личнаго захвата власти. Однако нельзя отрицать съ другой стороны вліятельнаго положенія княжатъ въ Думѣ, безъ которой не рѣшился обойтись и Иванъ IV, и ихъ значенія на своихъ вотчинныхъ земляхъ. При томъ одни мѣстническіе счеты бояръ стоили правящей власти очень многаго. Главнымъ же образомъ политическія міросозерданія царя и его ближайшихъ по положенію слугъ во многомъ были діаметрально противоположны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы переписку Грознаго съ княземъ Курбскимъ. А живучесть княжеско-боярскихъ традицій и представленій мы можемъ видѣть и въ манифестахъ Василія Шуйскаго и въ разсужденіи автора повѣсти 1606 года «О великихъ боярахъ, иже отъ корени скипетродержавныхъ», которые не пожелали царствовать, такъ какъ «быша и тако при царѣхъ велики и честни и славни», и въ писаніяхъ дьяка Ивана Тимоѳеева о дочеряхъ «первыхъ по цари» бояръ, госпожахъ Бориса Годунова. Такой разладъ во взглядахъ государя, который находилъ, что «жаловать мы своихъ холопей вольни и казнить ихъ вольни же», съ аристократически настроенной высшей администраціей, если и не представлялъ прямой опасности, во всякомъ случаѣ велъ къ большимъ неудобствамъ. Если при этомъ припомнить 1553 годъ, въ который знатнѣйшіе бояре не хотѣли присягать малолѣтнему сыну Грознаго, то вполнѣ будетъ понятно, почему Иванъ IV пришелъ къ мысли объ учрежденіи опричнины.

Задумавъ рѣшительный шагъ, который долженъ былъ повести къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ, Иванъ IV въ концѣ 1564 года выѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, откуда въ началѣ 1565 года прислалъ грамату; въ этой грамотѣ онъ отказывался отъ престола, ссылаясь на измѣнныя многія дѣла высшаго класса и на покрывательство его духовенствомъ. Обращаясь при этомъ съ ласковымъ словомъ къ народнымъ массамъ, царь зналъ, что дѣлалъ. Онъ въ скоромъ времени имѣлъ удовольствіе принимать въ новой резиденціи депутацію изъ духовенства и бояръ съ по-

Въ кремлѣ.

(Сцены изъ постановки Московскаго художественнаго театра).



Въ кремлевскихъ палатахъ.

Боярская Дума.

корной мольбой править, какъ ему угодно, но только снова принять бразды правленія. Грозный согласился, поставивъ условіемъ, чтобы никто не препятствовалъ ему наказывать и казнить измѣнниковъ, и объявилъ объ учрежденіи опричнины. Подъ именемъ послѣдней создавалось цѣлое вѣдомство, которое заключало въ себѣ особый разрядъ царскихъ служилыхъ людей, особенно близкихъ и преданныхъ царю. Число ихъ было сначала 1000 человѣкъ, но впослѣдствіи значительно возросло. Наряду съ людьми опричнина вѣдала и кругъ земель, взятыхъ «на государевъ обиходъ». Однимъ словомъ, благодаря опричнинѣ, совершился громадный переборъ «людишекъ», а также и ихъ земель. При учрежденіи опричнины Грозный пользовался какъ обычнымъ въ то время терминомъ, такъ и испытаннымъ средствомъ московской практической политики. Терминъ былъ взятъ не случайно: такъ назывались вдовьи доли княгинь, которыми послѣднія и распоряжались вполнѣ. Понятіе «государева опричнина» подразумѣвало такимъ образомъ земли, которыми государь распоряжался безъ всякаго совѣта съ Боярской Думой. Беря же волость за волостью въ опричнину на свой государевъ обиходъ и удаляя изъ отобранныхъ земель неудобные для себя элементы, Грозный поступалъ, какъ это выяснено въ «Лекціяхъ» проф. Платонова, такъ же, какъ, напримѣръ, дѣдъ его, послѣ подчиненія Новгорода выселявшій многихъ новгородцевъ изъ насиженныхъ гнѣздъ и замѣнявшій ихъ преданными ему москвичами.

Въ результатѣ политики Грознаго и собиранія имъ цѣлаго ряда земель въ опричнину оказалось, что въ непосредственномъ распоряженіи государя очутились центръ государства и важнѣйшіе въ торговомъ отношеніи пути сообщенія, земщина же должна была довольствоваться управленіемъ окраинами государства. Вдумываясь въ ростъ опричнины, которая къ концу царствованія Грознаго обратилась въ новое по имени учрежденіе «государевъ дворъ», новѣйшій изслѣдователь ея подмѣтилъ слѣдующее явленіе. Всѣ земли, которыя были вотчинами княжатъ, были взяты въ опричнину, а ихъ прежніе владѣльцы были вознаграждены землями на окраинахъ государства, гдѣ они не имѣли связей съ населеніемъ. Ихъ земли по кускамъ розданы были служившимъ въ опричнинѣ. Исключеніе составляли тѣ князья, которые сами пристроились къ опричнинѣ, отложивъ до удобнаго случая свою родовую спесь. Такимъ образомъ Грозный до извѣстной степени способствовалъ демократизаціи землевладѣнія въ центральныхъ областяхъ государства и парализовалъ значеніе потомковъ удѣльныхъ князей, лишенныхъ своихъ исконныхъ вотчинъ и оторванныхъ отъ родной почвы.

Это подмѣтилъ и наблюдательный современникъ событій англичанинъ Флетчеръ, говоря, что удѣльная знать сравнена вслѣдствіе политики Грознаго съ остальными служилыми людьми, сохранивъ за собой лишь традиціонное уваженіе въ населеніи и внѣшній почетъ. Можно отмѣтить кстати, что въ пѣсняхъ и сказкахъ народныхъ замѣтны слѣды сочувствія къ борьбѣ царя съ измѣной и худымъ разумомъ бояръ. Но, съ симпатіей относясь къ Грозному, народъ съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣлъ на его опричниковъ. И дѣйствительно, казни и опалы, къ которымъ прибѣгалъ несдержанный царь въ пылу борьбы, и насилія всесильныхъ его опричниковъ глу-

боко задѣвали населеніе и заставляли его волноваться и бродить. Да и переборъ земель и людишекъ, заставляя населеніе передвигаться съ привычныхъ мѣстъ на новыя, лишая многихъ лицъ прежнихъ покровителей и заступниковъ, не вызывалъ добрыхъ настроеній въ массѣ служилаго и тяглаго люда, не говоря уже о гонимыхъ княжатахъ.

Кромѣ того, опричнина и соединенная съ ней перетасовка людей и земельныхъ отношеній еще болѣе обострили соціальную рознь, бывшую въ Московскомъ государствѣ, между тяглымъ и служилымъ классами. Эта рознь усилилась въ значительной степени и благодаря мѣропріятіямъ правительства, которое, какъ было сказано выше, систематически покровительствовало интересамъ служилаго класса въ ущербъ интересамъ тяглаго.

Это было слѣдствіемъ того историческаго процесса, который, расширивъ предѣлы Московской Руси, вынуждалъ оборонять растянутыя границы государства. Для охраны этихъ границъ нужны были значительныя воинскія силы. Сообразно тогдашнимъ условіямъ эти силы состояли изъ ополченія землевладѣльцевъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ, такъ называемыхъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, которые должны были являться на службу «конны, людны и оружны», и изъ извѣстнаго числа «приборныхъ» людей: стрѣльцовъ, городовыхъ казаковъ, пушкарей, воротниковъ и т. д. Приборные люди брались изъ тяглаго населенія: крестьянъ и посадскихъ людей. Такой приборъ уменьшалъ число производительныхъ силъ страны и падалъ бременемъ на оставшихся въ тяглѣ. Еще болѣе тяжело отзывались на тяглецахъ и, главнѣйшимъ образомъ, на сельскомъ населеніи мѣры московскаго правительства относительно класса дѣтей боярскихъ и дворянъ, служилыхъ людей «по отечеству». Этотъ классъ, служившій со своихъ помѣстій и вотчинъ, являлся необходимымъ элементомъ государственной обороны. Поэтому правительство, нуждаясь въ немъ, всячески способствуетъ его умноженію. Оно раздаетъ въ помѣстья, а иногда жалуетъ и въ вотчину, цѣлый рядъ дворцовыхъ и черныхъ земель, бывшихъ въ его распоряженіи. Такъ поступаетъ правительство сначала въ центральныхъ областяхъ государства. То сельское населеніе, которое жило на этихъ земляхъ и имѣло самоуправленіе, сильно теряло отъ такой перемѣны. Болѣе или менѣе крупные самоуправляющіеся сельскіе міры дробились теперь и попадали въ руки помѣщиковъ. Послѣдніе отвѣчали за платежную способность населенія, жившаго на данныхъ имъ подъ условіемъ службы земляхъ, и получали первоначально лишь нѣкоторую фактическую власть надъ нимъ. Эта власть усиливалась еще вслѣдствіе того, что помѣщикъ являлся владѣльцемъ земли, а крестьянинъ ея арендаторомъ и попадалъ въ экономическую зависимость къ первому. Не будучи часто въ состояніи выплатить податей и уплатить условленной арендной платы, крестьянинъ былъ вынужденъ давать на себя кабальныя крѣпости своему помѣщику и терялъ свою свободу. Вообще, крестьянину ко второй половинѣ XVI вѣка было трудно осуществлять свое право перехода съ одной земли на другую. А въ то же время шла среди землевладѣльцевъ упорная борьба за рабочія руки. Землевладѣльцы старались переманить, перезвать къ себѣ крестьянина и, чтобы пріобрѣсти на свою землю работника, платили за него долги его прежнему хозяину, переводя ихъ на

себя. Выкупленнаго такимъ образомъ крестьянина новый хозяинъ вывозилъ на свою землю. Такимъ образомъ переходъ крестьянъ уступилъ мѣсто перевозу ихъ. Подобный перевозъ крестьянъ на свои земли могли осуществлять болѣе крупные землевладѣльцы—бояре и монастыри: у нихъ было больше необходимыхъ для этого средствъ, и крестьяне охотнѣе шли въ зависимость къ болѣе богатымъ и сильнымъ хозяевамъ. Страдательнымъ лицомъ являлся классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ-служилыхъ людей. Они то и жаловались на тотъ оборотъ, который приняла борьба за рабочія руки. Внявъ ихъ жалобамъ, правительство воспретило въ самомъ началѣ XVII вѣка перевозъ крестьянъ на земляхъ и на земли крупныхъ землевладѣльцевъ, разрѣшивъ подобный перевозъ лишь болѣе мелкимъ хозяевамъ. Этой и подобными мѣрами, напримѣръ, запрещеніемъ держать у себя слугъ безъ кабальныхъ записей и т. д. правительство подготовляло позднѣйшее юридическое закрѣпощеніе крестьянской массы.

Относясь недружелюбно къ перевозу крестьянъ, правительство было безсильно противъ послѣдняго средства, которое оставалось обездоленному люду: бѣгства на новыя окраины государства—югъ и низовья Волги. Мало того, нуждаясь въ заселеніи и охранѣ этихъ обширныхъ окраинъ, правительство охотно прибирало новыхъ пришельцевъ на службу или сажало ихъ на пашню на довольно льготныхъ условіяхъ. Однако, желая и на окраинахъ создать наиболѣе пригодный съ точки зрѣнія государственной обороны классъ служилыхъ землевладѣльцевъ, правительство съ теченіемъ времени пускало и окраинный земельный фондъ въ помѣстную раздачу. Тогда часть крестьянства снова подымалась и уходила на этотъ разъ еще южнѣе, за предѣлы государства, гдѣ и начинала казаковать въ Полѣ.

Вышеизложенное позволяетъ намъ съ полнымъ правомъ утверждать, что состояніе низшихъ слоевъ центральнаго, а также и значительной части окраиннаго населенія къ концу XVI вѣка было очень опаснымъ для государственнаго порядка. Исключеніе представлялъ собою сѣверъ государства, такъ называемое Поморье, и нѣкоторыя примыкающія къ нему области, въ которыхъ не было или почти не было служилаго землевладѣнія и которыя представляли собой рядъ зажиточныхъ и самоуправляющихся міровъ. Тамъ не было причинъ къ неудовольствіямъ, и именно эти мѣстности и не были захвачены Смутой. Въ остальныхъ областяхъ было напряженное состояніе. Даже классъ помѣщиковъ, потрясенный въ своемъ благосостояніи опричниной, тяжелой и неудачной войной за Ливонію и борьбой за рабочія руки, не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ особенности это можно утвердительно сказать про помѣщиковъ-служилыхъ людей Сѣверскихъ, Украинныхъ и Польскихъ городовъ*). Они жили подъ ударами враговъ, должны были нести тяжелую и опасную службу, терпѣли частыя разоренія и имѣли въ своемъ распоряженіи очень недостаточное количество рабочихъ рукъ. При этомъ въ мѣстностяхъ наиболѣе близкихъ къ границѣ служилые люди, постоянно жившіе здѣсь, должны были распахивать значительное количество земли подъ «государеву пашню». Хлѣбъ

*) Т.-е. областей въ бассейнѣ Днѣпра и Дона, идущихъ къ югу, къ такъ называемому Полю.

съ этой пашни шелъ на прокормленіе тѣхъ отрядовъ, которые присылались на опредѣленные сроки для охраны границы. Незавидна была участь служилыхъ людей на южной окраинѣ Московскаго государства, и очень часто уходили они на вольный Донъ, казаковать въ чистомъ полѣ. Зная условія службы на окраинахъ, московское правительство не было тамъ разборчиво при принятіи служилыхъ людей на службу. Оно верстало на югѣ въ дѣти боярскія лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ слоямъ населенія, и даже ссылало туда въ видѣ наказанія разныхъ порочныхъ членовъ общества, о чемъ можно прочесть въ Судебникѣ. Результаты такой политики отозвались въ Смуту и позволили одному изъ наблюдательныхъ современниковъ ея говорить о «прежде погибшей Украйнѣ». Еще болѣе, чѣмъ обитатели окраины, такъ

Усыпальница Годуновыхъ въ Троицко-Сергіевомъ посадѣ Московской губ. (Фотографія 1903 г.).

или иначе подвластные государству и бывшіе подъ его контролемъ, были опасны вольные донскіе казаки. Это были люди, наиболѣе озлобленные московскими порядками, наиболѣе смѣлые, и при томъ имъ нечего было терять. Отношеніе къ такому казачеству Московскаго правительства было двойственнымъ и для XVI вѣка, пожалуй, не вполнѣ выясненнымъ. Можно во всякомъ случаѣ съ увѣренностью сказать, что Москва и не довѣряла этимъ казакамъ и не прочь была пользоваться ихъ услугами. Снабжая ихъ поэтому иногда оружіемъ и боевыми припасами, Московское правительство желало установить надъ ними болѣе или менѣе дѣятельное наблюденіе. Этимъ объясняется между прочимъ построеніе Царево-Борисова города и то озлобленіе, которое охватило при этомъ казаковъ.—Такъ мало-по-малу къ XVII столѣтію на югѣ, да и во многихъ другихъ областяхъ Москов-

скаго государства скопилась огромная масса горючаго матеріала, и достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ страшнѣйшій пожаръ. Такой искрой было появленіе Самозванца.

II.

Трудно гадать, къ какимъ послѣдствіямъ привели бы Московскую Русь тѣ политическіе и соціальные недуги, которыми она страдала въ концѣ XVI вѣка. Прекращеніе династіи Ивана Калиты, смѣна ея семьей Годунова и появленіе Лже-Димитрія вызвали наружу внутреннія язвы Московскаго государственнаго организма. Дѣло въ томъ, что въ государствахъ, въ которыхъ такъ сильна монархическая идея, какъ это было въ Московской Руси, возстаніе противъ неудобныхъ или тягостныхъ сторонъ государственнаго или общественнаго порядка возможно лишь подъ знаменемъ самозванца, когда массы поднимаются во имя защиты «законнаго» государя противъ «узурпатора» его правъ. Поэтому при царяхъ изъ прежняго дома навряд ли разыгралась бы открытая Смута. Вотъ почему и первый періодъ Смутнаго времени носитъ характеръ династической борьбы за власть.

Вообще же въ развитіи Смуты, какъ это указано профессоромъ Платоновымъ, можно различить три періода. Первый, или династическій, обнимаетъ собой эпоху борьбы за престолъ Московскаго государства различныхъ лицъ, кончая княземъ Василіемъ Шуйскимъ, который въ 1606 году овладѣваетъ властью. Второй періодъ Смуты—соціальный—приводитъ къ ниспроверженію Московскаго государственнаго порядка. Онъ состоитъ въ междоусобной борьбѣ общественныхъ классовъ и успѣшномъ вмѣшательствѣ въ эту борьбу иноземныхъ правительствъ. Третій—національный—періодъ Смуты проходитъ въ попыткахъ московскихъ людей возстановить государственный порядокъ. Эти попытки приняли характеръ открытой борьбы русскихъ съ иноземцами, борьбы, закончившейся созданіемъ національной власти съ М. Ѳ. Романовымъ во главѣ. Эти періоды распадаются въ свою очередь на моменты, послѣдовательность которыхъ такова. Прежде всего идетъ борьба небольшого кружка дворцовой знати за вліяніе, власть и престолъ. Рѣшающимъ моментомъ въ этой борьбѣ, скорѣе сложной придворной интригѣ, является воцареніе Бориса Годунова. Тогда выступаетъ на сцену Самозванецъ, въ Смуту вовлекаются воинскія массы, и идетъ упорная борьба различныхъ претендентовъ на престолъ. Въ этой борьбѣ побѣдилъ Василій Шуйскій, представитель реакціонно-настроенныхъ «княжатъ». Торжество Шуйскаго представляетъ собой второй моментъ Смуты. Но воинскія массы, вовлеченныя въ династическую борьбу, скоро поняли свое значеніе въ странѣ и попытались воспользоваться своей организаціей для достиженія своихъ соціальныхъ чаяній. Такимъ образомъ возникло движеніе Болотникова, въ которомъ настроенное враждебно по отношенію къ крѣпостному порядку, украинское населеніе попыталось произвести переворотъ и ниспровергнуть ненавистный ему общественный укладъ. Возстаніе Болотникова заполняетъ собой третій моментъ Смуты. Подобная движенію Болотникова попытка воинской массы, пошедшей на этотъ разъ

подъ знаменемъ Тушинскаго Вора, разыгралась и въ четвертый моментъ Смуты. Оба движенія были неудачны, но сторонникамъ Вора удалось добиться полнаго раздѣленія государства между московскимъ и тушинскимъ правительствами. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался польскій король Сигизмундъ, который вмѣшался въ дѣла Московскаго государства и въ слѣдующемъ моментѣ Смуты добился паденія обоихъ правительствъ. Затѣмъ въ шестомъ моментѣ Смутнаго времени московскіе люди попытались возстановить государственный порядокъ, установивъ династическую унію съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Политика короля Сигизмунда привела къ неудачѣ указанную попытку, которая имѣла слѣдствіемъ занятіе поляками Москвы. Тогда (въ седьмой моментъ Смуты) въ ополченіи Ляпунова консервативно настроенная земщина вступила въ союзъ со своими соціальнымъ врагомъ—казачествомъ. Этотъ противоестественный союзъ кончился обостреніемъ общественной разрухи и насильственной смертью Ляпунова. Наконецъ, средніе слои населенія въ восьмой моментъ Смуты объединились въ правильную общественную организацію и, вызвавъ къ жизни нижегородское ополченіе, возстановили разрушенный государственный порядокъ. Власть перешла въ руки среднихъ классовъ населенія. Они то и создали прочную правительственную власть, поставивъ во главѣ ея, не безъ вліянія казачества, Михаила Ѳеодоровича Романова.

Таковъ общій ходъ Московской Смуты начала XVII вѣка. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ предстоитъ болѣе детальное ознакомленіе со Смутной эпохой и, главнымъ образомъ, съ московскими отраженіями ея.

III.

Опричнина Грознаго, направленная противъ высшаго слоя боярства, противъ княжатъ, повела къ тому, что на мѣстѣ обезсиленнаго и подавленнаго, хотя и не совсѣмъ исчезнувшаго «княжья» появилась новая дворцовая знать. Впрочемъ, во главѣ ея стояли семьи, издавна и съ почетомъ служившія Московскимъ государямъ, а ко времени послѣдняго изъ династіи Калиты и породнившіяся съ ними. Это были Романовы-Юрьевы и Годуновы. Виднѣйшіе представители этихъ фамилій, Никита Романовичъ Юрьевъ и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, находясь «въ завѣщательномъ союзѣ дружбы», мирно дѣлили между собой вліяніе при дворѣ слабаго тѣломъ и умомъ Ѳеодора Ивановича. Послѣдній же сынъ Грознаго царя, малолѣтній царевичъ Димитрій, вмѣстѣ съ матерью своей, царицей Маріей Нагой, и ея родственниками былъ удаленъ въ Угличъ, гдѣ жилъ подъ нѣкоторымъ присмотромъ московской администраціи. Удаленіе царевича на его «удѣлъ», данный ему отцомъ, не носило, впрочемъ, характера явной ссылки. Московскій и Углицкій дворы обмѣнивались между собой обычными въ то время актами вѣжливости. Поэтому отправка Димитрія въ Угличъ вполнѣ правильно можетъ разсматриваться, какъ извѣстная мѣра предосторожности въ виду возможнаго движенія Москвы по смерти Грознаго въ пользу младшаго царевича. Опасенія правительства не сбылись, и Ѳеодоръ спокойно утвердился на престолѣ. Въ скоромъ времени исключительное значеніе въ го-

сударствѣ досталось царскому шурину Борису Годунову, такъ какъ дядя царя Н. Р. Юрьевъ умеръ въ 1585 году. Дружа съ его дѣтьми и пользуясь любовью Ѳеодора Ивановича, умный и ловкій Годуновъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю власть, получивъ при этомъ рядъ почетныхъ должностей и титуловъ. Однако ему пришлось бороться съ направленной противъ него интригой уцѣлѣвшихъ «княжатъ» съ Шуйскими во главѣ. Пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ среди московскаго купечества и заручившись содѣйствіемъ «премудраго грамматика» митрополита Діонисія, Шуйскіе привлекли на свою сторону нѣкоторыхъ другихъ бояръ и подали въ 1587 году царю общее челобитье, «чтобы ему, государю, всю землю державы царскія своея пожаловати: пріяти бы ему вторый бракъ, а царицу перваго брака Ирину Ѳеодоровну пожаловати отпустити въ иноческій чинъ; и бракъ учинити ему царскаго ради чадородія». Это челобитье повлекло за собой цѣлое уличное движеніе, во время котораго «въ Кремлѣ-городѣ въ осадѣ сидѣли и стражу крѣпкую поставили». Однако затѣя Шуйскихъ не удалась. Царь очень любилъ свою жену Ирину, сестру Б. Ѳ. Годунова, и надѣялся имѣть отъ нея дѣтей: у царицы нѣсколько разъ бывали неудачные роды. Въ результатѣ челобитье повело къ ссылкѣ его иниціаторовъ, а нѣсколько рядовыхъ участниковъ движенія сложило свои головы на плахѣ. Положеніе Годунова послѣ того вполнѣ упрочилось, тѣмъ болѣе, что онъ обнаружилъ чрезвычайныя способности къ управленію государствомъ.

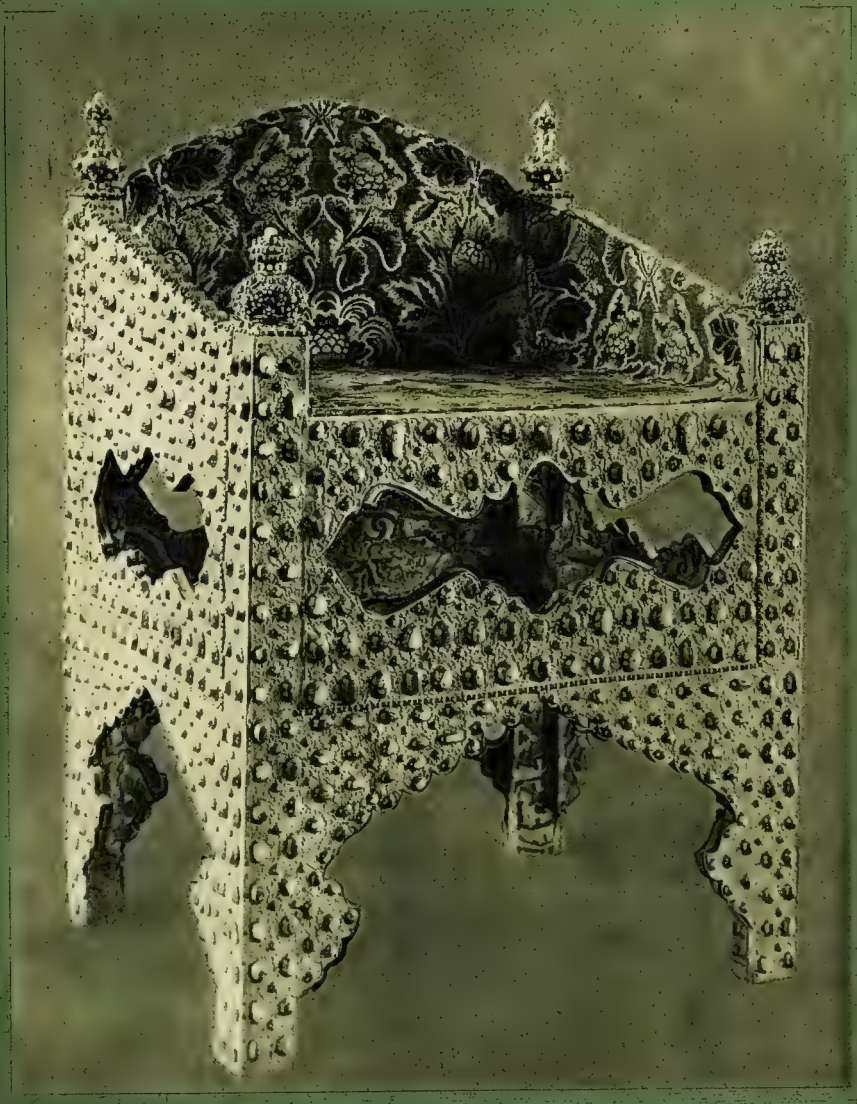
Черезъ какихъ-нибудь 3—4 года послѣ того, какъ Годуновъ справился съ интригой, направленной противъ него, произошло событіе, прошедшее сначала малозамѣченнымъ, но чреватое послѣдствіями. Мы разумѣемъ смерть царевича Димитрія, случившуюся 15 мая 1591 года. На это событіе существуютъ противорѣчивые взгляды. Одни историки, довѣряя показаніямъ слѣдственнаго дѣла о смерти царевича, видятъ въ ней естественное послѣдствіе неосторожной игры припадочнаго малютки съ ножомъ. Другіе, опираясь на показанія позднѣйшихъ сказаній и народную молву, а также принимая во вниманіе выгодность смерти царевича для Бориса Годунова, считаютъ послѣдняго виновникомъ убіенія св. Димитрія. Недавно г. Тюменевъ въ обстоятельной статьѣ*) пересмотрѣлъ этотъ вопросъ и, пользуясь въ значительной мѣрѣ работами своихъ предшественниковъ, въ особенности проф. Платонова, реабилитировалъ слѣдственное дѣло отъ взводимыхъ на него обвиненій въ пристрастіи и недобросовѣстности и еще разъ заподозрилъ правдивость позднѣйшихъ разсказовъ объ убіеніи царевича. Во всякомъ случаѣ, обсуждая причины смерти Димитрія, надо имѣть въ виду помимо того, что высокія нравственныя свойства Годунова заставляютъ съ осторожностью возводить на него столь тяжкое обвиненіе безъ достаточныхъ основаній, опасность насильственаго умерщвленія царевича для Бориса и безцѣльность этого злодѣйства для него. У царя не только могли быть дѣти, но даже, дѣйствительно, родилась въ 1592 году дочь Ѳеодосія, вскорѣ умершая. Лишь послѣ смерти своей племянницы,

*) Ж. М. Н. Пр., Май и Іюнь 1908 г.

когда у царственной четы была потеряна надежда имѣть потомство, Борисъ началъ дѣлать приготовленія къ занятію престола по смерти Ѳеодора Ивановича. Между прочимъ при пріемахъ у себя иноземныхъ пословъ Годуновъ сталъ заставлять дѣйствовать и своего сына Ѳеодора.

Такъ шли дѣла до 1598 года. Въ этомъ году умеръ царь Ѳеодоръ, и въ Московскомъ государствѣ всталъ вопросъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ. Прежде всего «царскій синклитъ» въ присутствіи патріарха принесъ присягу царицѣ Иринѣ. Но она отказалась править государствомъ и постриглась въ монахини подъ именемъ Александры. Въ Москвѣ установился временный порядокъ управленія, показавшій крѣпость государственной дисциплины. Были приняты мѣры предосторожности, чтобы никакія вѣсти не шли изъ Руси за границы, которыя всѣ были закрыты. Принимались мѣры предосторожности и противъ возможнаго объявленія войны со стороны сосѣднихъ государствъ. При такой обстановкѣ состоялся земскій соборъ, избравшій въ государи Бориса Годунова. Это избраніе было вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ сложившихся ко дню смерти царя Ѳеодора обстоятельствъ. Однако долгое время на Годунова возводились обвиненія въ подтасовкѣ собора и въ допущеніи на него лишь угодныхъ Борису лицъ. Въ настоящее время подобныя обвиненія пали, и соборъ 1598 г. признается собраннымъ совершенно правильно. Въ то же время удалось выяснить нѣсколько любопытнѣйшихъ подробностей того, что вокругъ незанятаго трона происходила въ Москвѣ борьба. Эта борьба объясняетъ многое въ дальнѣйшемъ ходѣ Смуты. Дѣло въ томъ, что Годуновъ не одинъ былъ претендентомъ на престолъ. Во-первыхъ, была мысль о призваніи на престолъ иностраннаго принца, но мысль эта не встрѣтила сочувствія. Во-вторыхъ, имѣлъ нѣкоторые виды на престолъ смѣлый до дерзости любимецъ Грознаго Богданъ Бѣльскій. Но не эти кандидаты были опасны Борису. Безсильны были также до поры до времени и реакціонно настроенные остатки «княжатъ». Зато былъ у Годунова соперникъ, принадлежавшій къ одному съ нимъ слою дворцовой знати, родственникъ угасшей династіи. Это былъ старшій изъ Романовыхъ, Ѳеодоръ Никитичъ. Красавецъ собой, первый щеголь въ Москвѣ, онъ обладалъ большимъ умомъ и властнымъ характеромъ. Вся семья Романовыхъ была очень популярна въ народѣ, но старшій братъ выдавался изъ всѣхъ. До смерти царя Ѳеодора Романовы и Годуновъ дружили между собой, но въ рѣшительный моментъ разссорились. Мы не знаемъ подробностей происходившихъ на Москвѣ до избранія Бориса на престолъ событій, но, несомнѣнно, дѣло доходило до крупныхъ столкновеній соперниковъ. Отголоскомъ этихъ столкновеній явился еще въ 1598 году слухъ о томъ, что Годуновъ, отчаявшись быть избраннымъ въ цари, хотѣлъ подготовить самозваннаго Димитрія и что Ѳ. Н. Романовъ, изобличая Бориса, бросался на него съ ножомъ. Какъ бы то ни было, въ избирательной борьбѣ одержалъ верхъ Годуновъ, за котораго были обязанный ему своимъ возвышеніемъ и самомъ первый патріархъ всея Руси Іовъ и средніе классы Московскаго государства. Романовымъ и другимъ недоброжелателямъ Годуновыхъ пришлось смириться.

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.



Тронъ Бориса Годунова.

Оружейная палата.

Москва
ея
прошлое
и
настоящее

Новый царь начиналъ свое царствованіе, казалось, при самой благопріятной обстановкѣ. У него былъ большой правительственный опытъ, соединенный съ выдающимся политическимъ дарованіемъ. Московское государство при царѣ Ѳеодорѣ, благодаря въ значительной мѣрѣ дѣятельности Бориса, отдохнуло и нѣсколько оправилось отъ послѣдствій тяжелой Ливонской войны и опричнины Грознаго. Съ сосѣдними государствами Годунову удалось установить очень хорошія отношенія. Но самъ Борисъ послѣ торжественнаго вѣнчанія на царство, когда въ порывѣ экстаза онъ обѣщалъ, что въ его царствѣ «никто же будетъ» «нищъ или бѣденъ», врядъ ли спокойно глядѣлъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ. Онъ видѣлъ, какъ напряжены были отношенія классовъ населенія другъ къ другу и принималъ даже рядъ мѣръ къ облегченію, хотя бы временному, податного бремени, съ одной стороны, и обезпеченію рабочими руками среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, съ другой.

Но принимаемыми мѣрами трудно было прекратить тяжелый кризисъ, подготовленный при предшественникахъ Бориса, а, сверхъ того, Русь посѣтило тогда страшное бѣдствіе. Трехлѣтній неурожай и голодъ обездолили и озлобили массы населенія, а часть его заставили даже искать себѣ пропитанія разбоемъ и другими преступленіями. Царь Борисъ принялъ рѣшительныя мѣры. Онъ организовалъ выдачу хлѣба неимущимъ. Къ сожалѣнію, раздача попала въ руки недобросовѣстныхъ лицъ, наживавшихся на народномъ бѣдствіи. Кромѣ даровой выдачи хлѣба Годуновъ помогъ своимъ подданнымъ устройствомъ своего рода общественныхъ работъ. Тогда была перестроена между прочимъ знаменитая колокольня «Иванъ Великій».

Озабоченный дѣлами государственнаго значенія Годуновъ въ то же время видѣлъ опасность, грозившую ему со стороны разныхъ круговъ боярства. Какъ общеизвѣстно, въ царствованіе Бориса послѣдовалъ рядъ сысковъ и опалъ*). Эти опалы склонны были объяснять мелкодушіемъ выскочки Годунова, его мелочною подозрительностью. Въ видѣ примѣра чрезмѣрной заботливости Бориса сохранить за собой престолъ указываютъ на особо торжественныя присяги, которыя должно было приносить населеніе Годуновской семьѣ и на особую молитву о царскомъ здравіи, сочиненную для постояннаго чтенія ея въ домахъ при питьѣ заздравной чаши. «Читая эту лицемѣрную хвастливую молитву,—говоритъ въ своемъ «Курсѣ Русской исторіи» академикъ В. О. Ключевскій,—проникаешься сожалѣніемъ, до чего можетъ потеряться человѣкъ, хотя бы и царь». Конечно, подобными мѣрами нельзя было достигнуть положительныхъ результатовъ, но въ то же время невозможно думать, что опасенія Бориса были плодомъ лишь одной его подозрительности. Такъ, въ опалѣ, постигшей семью Романовыхъ и весь кругъ близкихъ къ нимъ людей, врядъ ли дѣло шло только объ одномъ «кореньѣ», которое якобы подложилъ своему господину, А. Н. Романову, его слуга и казначей Бартеневъ, учинившій затѣмъ ложный доносъ на своего боярина. Какъ справедливо замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ,

*) Отмѣтимъ, что эти опалы, если видѣть въ нихъ проявленіе борьбы Бориса съ враждебными и опасными для него людьми, отличались рѣдкой для тѣхъ временъ мягкостью. Борисъ старался лишь обезвредить своихъ противниковъ; но даже это ему не удалось.

«невозможно допустить, чтобы одни волшебные корешки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлаго родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею династіею, къ которой Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность».

Трудно сказать навѣрное, что вызвало розыскъ о Романовыхъ, но, повидимому, можно поставить это дѣло въ связь съ появленіемъ перваго Самозванца. Такъ, первые слухи о Самозванцѣ возникаютъ въ Москвѣ какъ разъ одновременно съ дѣломъ Никитичей и ихъ племени. И Отрепьевъ, такъ или иначе причастный къ появленію Лже-Димитрія «ко князю Борису Келбулатовичу (Черкасскому, близкому родственнику Романовыхъ) въ его благодатный домъ часто приходилъ и отъ князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ». Наконецъ, лишь только въ отдаленномъ Сійскомъ монастырѣ старецъ Филаретъ (такъ звали насильственно постриженнаго въ монахи Ѳ. Н. Романова) свѣдалъ, неизвѣстно отъ кого, про появленіе и первые успѣхи Самозванца, онъ перемѣнился, началъ «всегда смѣяться неизвѣстно чему», покрикивалъ на другихъ монаховъ и грозилъ имъ, что «увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ». Дѣйствительно, торжество Лже-Димитрія сопровождалось рядомъ милостей для всего опальнаго при царѣ Борисѣ круга лицъ.

Были или нѣтъ Романовы и ихъ родня и друзья причастны къ самозванщинѣ, остается безспорнымъ тотъ фактъ, что первый лже-царевичъ былъ подготовленъ русскими людьми и былъ русскимъ человѣкомъ, набравшимся кое-какихъ верхушекъ и внѣшнихъ признаковъ польской цивилизаціи. Въ русскомъ происхожденіи Самозванца удостовѣряетъ собственноручное польское письмо его. Сочиненное для него полякомъ, оно своими ошибками «свидѣтельствуетъ», какъ установлено С. Л. Пташицкимъ, «что Самозванецъ былъ лицомъ великорусскаго происхожденія, опытнымъ въ письмѣ московскаго характера» и «вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ былъ греческой грамотѣ, но не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польской графикой». Зная національность перваго Лже-Димитрія, историки не такъ счастливы относительно его личности. Существуетъ даже мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго въ научной литературѣ является графъ С. Д. Шереметевъ, о томъ, что это былъ настоящій сынъ Грознаго, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшій отъ замысловъ Бориса. Намъ лично представляется самымъ вѣроятнымъ старое и наиболѣе распространенное убѣжденіе, что первымъ Самозванцемъ былъ бѣглый діаконъ Чудовскаго монастыря Григорій Отрепьевъ. При этомъ Отрепьевъ былъ, какъ можно думать, сознательный самозванецъ. Это видно изъ его опасеній преждевременной смерти Бориса Годунова, которыя онъ высказалъ папскому нунцію Рангони. Самозванецъ боялся, что, если онъ слишкомъ долго задержится въ Польшѣ, на его мѣсто могутъ возвести, другого. «Въ этихъ словахъ сквозитъ что то неладное», по справедливому замѣчанію о. П. Пирлинга, высказанному имъ въ изслѣдованіи «Изъ Смутнаго времени». Опасенія перваго Лже-Димитрія станутъ понятны, если

считать его сознательной креатурой того или иного кружка московской знати.

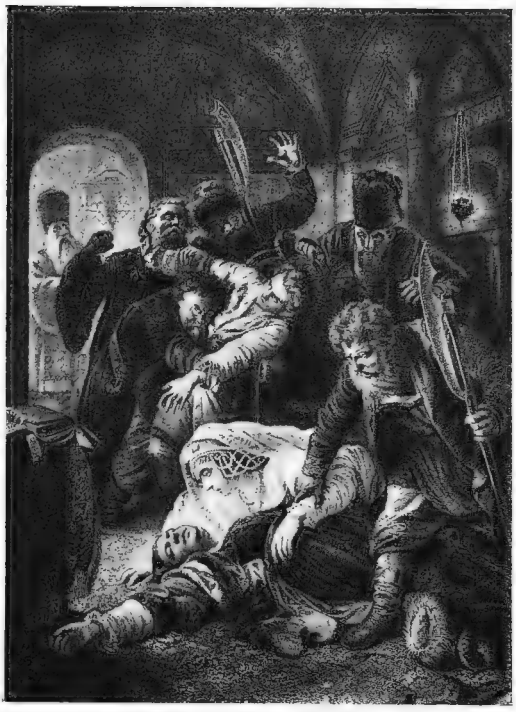
Но кто бы ни былъ Самозванецъ и кѣмъ бы онъ ни считалъ себя, его появленіе знаменуетъ собой начало открытой смуты въ Московскомъ государствѣ. Онъ первый для захвата власти обратился къ воинскимъ массамъ и казачеству, первый втянулъ ихъ въ движеніе. Мысль набрать казаковъ и съ ними одними идти на Москву была первымъ планомъ Самозванца. Затѣмъ этотъ планъ былъ оставленъ, и Лже-Димитрій обратился за помощью къ Польшѣ. Однако официальные польскіе круги отказали ему въ поддержкѣ, опасаясь открытаго разрыва съ Москвой, да и не вѣря въ правдивость разсказовъ Самозванца о своемъ чудесномъ спасеніи. Старый вельможа Замойскій обозвалъ даже эти разсказы «Плавтовской или Теренціевской комедіей». Подъ рукой, впрочемъ, Сигизмундъ разрѣшилъ одному изъ своихъ пановъ, Юрію Мнишку, набирать вольные отряды для помощи «царевичу», который тѣмъ временемъ тайно принялъ католичество. Мнишекъ же сталъ помогать Самозванцу въ цѣляхъ личнаго благополучія: пылкій «царевичъ» увлекся прелестной паненкой Мариной Юрьевной Мнишковой и сталъ ея женихомъ. Пока набирались въ Польшѣ волонтеры для похода на Москву, агенты Лже-Димитрія не теряли времени. Они перевозили за литовскій рубежъ въ предѣлы Московскаго государства «прелестныя граматы» Самозванца, распространявшіяся, несмотря на всѣ мѣры, принятыя Годуновымъ, обезпокоеннымъ неожиданнымъ воскресеніемъ царевича, по Руси и волновавшія населеніе. Особенно волновались Сѣвера, Польскіе и Украинные города, жителямъ которыхъ было, какъ отмѣчено выше, очень тяжело отъ установившагося въ Московской Руси порядка. И донскіе казаки были не забыты Лже-Димитріемъ и, конечно, не замедлили откликнуться на его призывъ.

Наконецъ, въ августѣ 1604 года Самозванецъ съ набраннымъ войскомъ, въ которомъ было много всякаго сброда, перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ Сѣверскую область. Число его главнаго войска не превышало 4.000 человѣкъ. Въ то же время дѣйствовавшіе въ его пользу донскіе казаки двинулись черезъ Поле къ польскимъ городамъ. Планъ Лже-Димитрія состоялъ, конечно, въ томъ, чтобъ, овладѣвъ какой-нибудь изъ большихъ южныхъ дорогъ, выйти на Тулу и Калугу. Разсчетъ Самозванца на настроеніе населенія тѣхъ областей, въ которыя онъ двинулся, оказался совершенно вѣрнымъ. Цѣлый рядъ городовъ и городковъ какъ Сѣверы, такъ и Польской Украйны сдался «царевичу». Только Новгородъ-Сѣверскій,— благодаря талантамъ и энергіи одного изъ своихъ воеводъ, окольничаго П. Ѳ. Басманова, остался вѣрнымъ Годунову и устоялъ до прихода главной рати съ бояриномъ княземъ Ѳ. И. Мстиславскимъ во главѣ. Поссорившись вскорѣ послѣ этого съ лучшей частью своего войска—поляками— и принужденный видѣть уходъ большинства изъ нихъ, Лже-Димитрій поспѣшилъ отступить въ крѣпкій Путивль, давъ непріятелю неудачный бой у Добрыничей. Однако Мстиславскій не смогъ вслѣдствіе деморализаціи въ его арміи, не привыкшей къ длительнымъ военнымъ операціямъ, осадить Путивля. Кромѣ того, онъ опасался быть отрѣзаннымъ отъ Москвы въ виду

того, что Польскіе города были охвачены возстаніемъ. Между прочимъ въ рукахъ Самозванца былъ городъ Кромы, одинъ изъ ключей къ Заоцкимъ и Украинымъ городамъ. Поэтому дальнѣйшія военныя дѣйствія сосредоточились на осадѣ Кромъ. Благодаря прорвавшемуся въ этотъ городъ донскому атаману Корѣлѣ, осада Кромъ затянулась, а въ это время умеръ царь Борисъ.

Смерть Бориса Годунова была роковой для его семьи. При жизни опытнаго и талантливаго государя Самозванцу трудно было бы добиться рѣшающихъ успѣховъ. Когда же власть досталась въ руки хотя и очень много обѣщавшаго, но совсѣмъ юнаго Ѳеодора Борисовича, тогда тайные враги годуновскаго режима подняли голову. Это были княжата, притихшіе послѣ опричнины Грознаго, но не разставшіеся со своими представленіями и притязаніями. Зная колеблющееся настроеніе въ войскѣ, княжата во главѣ съ Голицыными и Шуйскими затѣяли измѣну. Прежде всего черезъ какихъ-нибудь 3—4 недѣли со дня смерти Бориса, случившейся 7-го апрѣля 1605 года, на сторону Самозванца передалась главная московская рать, а 1-го іюня и въ Москвѣ произошелъ переворотъ, послѣ котораго семья Годуновыхъ была арестована, а затѣмъ и погублена. Но уже до переворота въ столицѣ къ Лже-Димитрію въ его станъ явился цвѣтъ московскаго боярства съ князьями Шуйскими, Голицыными, Мстиславскимъ и Воротынскимъ во главѣ. Около новаго «царя» образовался дворъ, и Самозванецъ избралъ даже особую комиссію, которая должна была «вѣдать Москву». Въ эту комиссію вошелъ и Басмановъ, перешедшій на сторону Лже-Димитрія и служившій ему такъ же хорошо, какъ прежде служилъ Борису. Въ самой Москвѣ со дня смерти царя Бориса стало неспокойно, при чемъ въ деморализованной уличной толпѣ были замѣтны два элемента: бѣдняки почувствовали, что нѣтъ болѣе правительства, которое ихъ сдерживало, а богатые увидали, что нѣтъ порядка и имъ угрожаетъ большая опасность. Наблюдательнымъ иностранцамъ представлялось, что служилые и торговые москвичи «чрезвычайно боялись бѣдной разоренной черни, сильно желавшей грабить московскихъ купцовъ, всѣхъ господъ и нѣкоторыхъ богатыхъ людей». Наконецъ, когда граматы Лже-Димитрія, которыя до поры до времени перехватывало правительство Годуновыхъ, дошли до Москвы, тамъ вспыхнуло возстаніе противъ царя Ѳеодора. Въ это время страсти разнуздались, и опасенія болѣе зажиточныхъ людей отчасти сбылись. Въ Москвѣ весь день грабили не только людей, близкихъ къ Годуновымъ, но и не имѣвшихъ къ нимъ никакого отношенія.

Вскорѣ послѣ іюньскаго переворота, князья Шуйскіе стали агитировать противъ Самозванца. Столь поспѣшная, а потому и неуспѣшная агитація объясняется, во-первыхъ, щекотливымъ положеніемъ Шуйскихъ и особенно главы ихъ рода, Василія Ивановича. Послѣдній стоялъ во главѣ слѣдственной комиссіи, установившей въ 1591 году фактъ смерти царевича Димитрія отъ собственной неосторожности, и не задолго до того, какъ передаться Самозванцу, торжественно подтвердилъ свои прежнія увѣренія. Быть можетъ, поэтому то Шуйскіе по пріѣздѣ къ Лже-Димитрію не были приближены къ нему. Во-вторыхъ, поведеніе Самозванца не могло нравиться



Убіеніе царя Ѳеодора Борисовича Годунова.

Картина К. Маковскаго.

Избраніе на царство Мих. Ѳеод. Романова.

Картина Угрюмова. Музей Имп. Алекс. III.

Защита Троицко-Сергіевской Лавры.

Картина Верещагина, находится въ музеѣ Имп. Александра III.

Москва
ея
прошлое
и
настоящее

родовитому княжью. Новый царь явно отдавалъ предпочтеніе передъ боярами своимъ прежнимъ сторонникамъ, не исключая и донского казачества. При томъ по низверженіи Годуновыхъ Лже-Димитрій былъ не нуженъ князьямъ-боярамъ тѣмъ болѣе, разъ онъ былъ такъ демократически настроенъ.

Но, если Шуйскіе сразу были недовольны новымъ государемъ, масса населенія не имѣла пока причинъ къ неудовольствію. Поэтому первая попытка Шуйскихъ поднять народъ на Самозванца не удалась, и князь Василій Ивановичъ чуть было не сложилъ свою голову на плахѣ. Прощенный въ послѣднюю минуту, онъ вмѣстѣ съ своей ближайшей родней былъ сосланъ въ Галицкіе пригороды. Не такъ дешево отдѣлались другіе «обличители Лже-Димитрія» и сторонники Шуйскихъ: торговый человѣкъ и палатный мастеръ Конь Ѳеодоровъ, Петръ Тургеневъ, дьякъ Тимоѳей Осиповъ и пр. Они были пытаны и казнены. Обличенія на время прекратились, но новый царь быстро сталъ терять свою популярность. Виной этого было его пристрастіе къ иноземцамъ и ихъ нравамъ и неуваженіе къ московскимъ стародавнимъ обычаямъ. Иностранные пришельцы не переводились въ Москвѣ во все время самозванщины. Не успѣлъ Лже-Димитрій расплатиться съ тѣмъ «рыцарствомъ», которое явилось вмѣстѣ съ нимъ въ столицу и вело здѣсь себя въ высшей степени нагло и разнузданно, какъ явились толпы новыхъ авантюристовъ, искавшихъ легкой и прибыльной службы при московскомъ дворѣ. А весной 1606 года съ царской невѣстой Мариной Мнишекъ снова нахлынули, и въ большомъ числѣ, иноземные и иновѣрные гости. Всѣ эти буйные и заносчивые иноземцы вели себя въ Москвѣ нагло: они оскорбляли и задѣвали населеніе. Не щадили они и религіознаго чувства истовыхъ, приверженныхъ къ обряду и нетерпимыхъ москвичей: входили со смѣхомъ и грубыми шутками въ церкви, присланивались къ иконамъ и т. д. А царь «Дмитрій Ивановичъ» жаловалъ и ласкалъ дорогихъ гостей и съ удовольствіемъ участвовалъ въ ихъ потѣхахъ и развлеченіяхъ. Тогда мало-по-малу москвичи стали приходить къ мысли, что князь Василій Ивановичъ былъ «провидцемъ» и «добрымъ страдальцемъ за вѣру православную».

Тѣмъ временемъ «провидецъ» не терялъ времени и, возвращенный въ Москву мѣсяцевъ черезъ пять послѣ высылки, интриговалъ противъ Самозванца, но на этотъ разъ сумѣлъ спрятать концы въ воду. Лже-Димитрій же вернулъ Шуйскихъ, уступая настояніямъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ вельможъ и самой царицы-матери, т.-е. инокини Маѳы Нагой, признавшей Самозванца своимъ сыномъ. Дѣло въ томъ, что, черезчуръ возвысивъ незнатныхъ своихъ сторонниковъ, Самозванецъ спохватился. При всемъ своемъ легкомысліи первый Лже-Димитрій былъ далеко не глупъ. Понявъ, къ несчастію для себя слишкомъ поздно, немаловажное значеніе родового боярства, Самозванецъ готовъ былъ пойти на сближеніе съ нимъ и въ этомъ отношеніи сталъ дѣлать даже нѣкоторые шаги. Между тѣмъ число враговъ его все болѣе и болѣе увеличивалось, и самымъ горячимъ и опаснымъ явилось вліятельное духовенство. Правда, во главѣ церкви стоялъ ставленникъ Самозванца патріархъ Игнатій, смѣнившій насильственно удаленнаго Іова. Но Игнатій былъ безсиленъ противъ все болѣе и болѣе накипавшаго на-

роднаго негодованія, которое умѣло разжигали агенты В. И. Шуйскаго. При этомъ поведеніе Лже-Димитрія и его иноземцевъ все болѣе и болѣе возмущало правовѣрныхъ и степенныхъ москвичей.

Каплей, переполнившей чашу, было бракосочетаніе Самозванца съ Мариной Мнишекъ, совершенное подъ праздникъ (8-го мая). А главнымъ обстоятельствомъ, возмутившимъ большинство русскихъ людей, было то, что невѣста не приняла православія и по тогдашнимъ убѣжденіямъ была «некрещеной дѣвицей». Такъ сказалъ въ глаза Самозванцу казанскій митрополитъ Гермогенъ, удаленный за такую смѣлость изъ Москвы. Не успѣлъ Лже-Димитрій докончить шумныхъ пировъ послѣ своей женитьбы, какъ въ Москвѣ вспыхнулъ роковой для него мятежъ. Настроеніе москвичей послѣ свадьбы царя сразу стало настолько возбужденнымъ, что руководителямъ движенія противъ Самозванца и окружавшихъ его «еретиковъ ляховъ» и «безбожной Литвы» стоило не мало труда до поры до времени сдержать ту массу, которую имъ раньше надо было подстрекать. Иноземцы замѣтили угрожавшую имъ и «царю Дмитрію Ивановичу» опасность, приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности и предупреждали Самозванца о готовившемся возстаніи. Но послѣдній, быть можетъ, опьяненный ласками Марины Мнишекъ, не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. За это онъ жестоко поплатился.

Марина Мнишекъ.

Раннимъ*) утромъ 17-го мая до 200 бояръ и дворянъ, руководившихъ заговоромъ, ворвались въ Кремль и ринулись ко дворцу. Распространяя слухи о томъ, что «паны рѣжутъ думныхъ бояръ», они увлекли за собой часть народной массы. Толпа остального народа бросилась на дома, въ которыхъ обитали иноземцы. Между тѣмъ звуки набатовъ, въ которые приказали бить заговорщики, разбудили Лже-Димитрія. Онъ выслалъ Басманова узнать, въ чемъ дѣло. Встрѣченные Басмановымъ бояре заявили, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь случился пожаръ. Не успѣлъ успокоенный этимъ отвѣтомъ Басмановъ вернуться, какъ крики удвоились. Толпа заговорщиковъ ворвалась во дворецъ. Басмановъ былъ убитъ, а Самозванецъ, который сначала храбрился и кричалъ, размахивая мечемъ:

*) Подробности московскаго движенія противъ Самозванца, см. у С. М. Соловьева „Исторія Россіи съ древнихъ временъ“ (Изданіе Тов. „Общественная Польза“) кн. II, стр. 797—801.

«я вамъ не Годуновъ», бросился въ покои жены, приказалъ ей спасаться отъ мятежниковъ и побѣжалъ, желая пробраться въ каменный дворецъ. Онъ сталъ скакать по подмосткамъ, устроеннымъ для брачнаго торжества, но, оступившись, упалъ съ высоты 15 саженъ, вывихнулъ руку и разбилъ грудь. Заговорщики тѣмъ временемъ искали всюду Самозванца, ворвались въ покои его жены и всячески оскорбляли окружавшихъ ее женщинъ. Прибытіе главарей заговора успокоило страсти. Въ то время страшная опасность стала угрожать мятежникамъ. Стрѣльцы, занимавшіе караулъ въ Кремлѣ, услыхали стоны раненаго и, прельщенные обѣщаніями щедрой награды, взяли его сторону. Тогда бояре-заговорщики пригрозили разореньемъ Стрѣлецкой слободы. Стрѣльцы заколебались и послали спросить у инокини Марѳы Нагой, признаетъ ли она царя прямымъ своимъ сыномъ. Тогда явился князь И. В. Голицынъ съ извѣстіемъ о томъ, что старая царица отрекается отъ Самозванца. Послѣдній былъ застрѣленъ сыномъ боярскимъ Григоріемъ Валуевымъ, который при этомъ вскричалъ: «Вотъ я благословлю польскаго свистуна». Дорубленный другими заговорщиками, Лже-Димирій былъ отданъ на поруганіе толпѣ. Прахъ его впослѣдствіи былъ сожженъ и пепелъ развѣянъ по вѣтру.

Пока въ Кремлѣ раздѣлывались съ Самозванцемъ, московская чернь расправлялась съ заѣзжими гостями. Но вожди заговора спѣшили возстановить порядокъ. Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и другіе бояре появились на улицахъ, разгоняли толпы грабителей и поспѣшили прежде всего защитить польскихъ пословъ отъ нападеній и оскорбленій. Новое правительство не хотѣло доводить дѣло до разрыва съ Рѣчью Посполитой. Черезъ два дня послѣ умерщвленія Самозванца Московскій престолъ удалось занять вожаку «княжатъ» Василію Ивановичу Шуйскому. Съ момента его воцаренія Смута изъ династической обращается въ соціальную. Къ изложенію этого періода ея мы теперь и обратимся.

IV.

Если при воцареніи Самозванца Москва лишь послѣдняя признала совершившійся фактъ, то въ дѣлѣ провозглашенія Василія Шуйскаго столица порѣшила все дѣло. Шуйскій и его союзники «княжата» не хотѣли упустить изъ рукъ подвернувшагося случая. Они боялись рисковать созывомъ Земскаго Собора. Въ провинціи Самозванецъ не потерялъ еще окончательно своей прежней популярности, и медлить было рискованно. Поэтому, понадѣявшись на то, что «доселѣ Москва всѣмъ городамъ указывала», сторонники Шуйскаго, несмотря на раздававшіеся голоса о необходимости прежде всего замѣнить смѣщеннаго патріарха Игнатія, «выкрикнули» царемъ князя Василія Ивановича. Новый царь ознаменовалъ свое воцареніе знаменитой записью, по которой цѣловалъ самъ крестъ. Въ этой записи принято видѣть ограниченіе царской власти въ пользу бояръ, хотя едва ли не правъ С. Ѳ. Платоновъ, разсматривающій ее какъ манифестъ представителя княжеско-боярской реакціонной партіи, содержавшій обѣщаніе править подобно прежнимъ государямъ, воздерживаясь лишь отъ причудъ личнаго произвола.

Однако, какъ ни смотрѣть на запись царя Василія, надо сознаться, что на практикѣ она не примѣнялась, и Шуйскій умѣлъ расправляться со своими противниками и ослушниками не менѣе самовластно, чѣмъ его предшественники. Вообще это былъ человѣкъ, лучше умѣвшій давать обѣщанія, чѣмъ исполнять ихъ. Въ лицѣ царя Василія на престолъ вступилъ политическій хамелеонъ. Въ юности опричникъ Грознаго, затѣмъ недругъ Годунова, далѣе слуга его, онъ измѣняетъ въ удобную минуту Годуновымъ для Лже-Димитрія, чтобы впослѣдствіи измѣнить ему въ пользу личнаго возвышенія. Его игра удалась, и въ 1606 году Василій Шуйскій занялъ «престолъ прародитель и родитель своихъ». Старый и подслѣповатый, мстительный и скупой царь Василій не пользовался популярностью въ народѣ. Положеніе новаго государя, несмотря на всю его энергію, изворотливость и смѣлость, съ первой минуты было шаткимъ и сложнымъ. Онъ былъ главой небольшого, хотя и вліятельнаго олигархически-реакціоннаго кружка. Кромѣ членовъ этого кружка среди знати существовали лица другихъ направленій и взглядовъ. Нѣкоторыхъ людей этой знати царь Василій привлекъ къ себѣ. Другихъ выслалъ на дальнія воеводства. Но съ кругомъ Романовыхъ, т.-е. съ новой дворцовой знатью, Шуйскому не удалось наладить хорошихъ отношеній. Главу этого круга бывшаго старца Филарета, а при Самозванцѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, царь Василій нарекъ было въ патріархи, но затѣмъ почему то раздумалъ *), замѣнивъ его Гермогеномъ Казанскимъ. Такой обиды не могъ забыть умный и гордый митрополитъ-бояринъ, и Шуйскій нажилъ себѣ врага, который былъ тѣмъ опаснѣе, что былъ очень популяренъ и имѣлъ много сторонниковъ. Между тѣмъ царю Василію надо было привлечь на свою сторону возможно большее число людей. И вотъ правительство Шуйскаго предпринимаетъ рядъ шаговъ для того, чтобы склонить къ новому царю симпатіи населенія.

Разсылается по городамъ рядъ граматъ. Въ нихъ, во-первыхъ, обходится щекотливый вопросъ объ избраніи государя заявленіемъ, что Шуйскій избранъ всѣми городами Московскаго государства. Во-вторыхъ, выставляется на видъ первородство Шуйскихъ среди Рюриковичей. Даже семья Калиты оказывается (какъ оно и было по родословцу) ниже рода царя Василія. Въ-третьихъ, инокиня Марѳа Нагая съ своей стороны въ граматахъ каялась передъ народомъ въ своихъ прежнихъ ложныхъ признаніяхъ и раскрывала еретичество и самозванство «Гришки Растриги». Но люди того времени прекрасно понимали, что терминъ «Московское государство» обозначалъ тогда лишь Москву съ ея областью, и соглашались идти на этотъ разъ по указкѣ столицы. Родословныя притязанія Шуйскихъ врядъ ли убѣждали ихъ современниковъ, привыкшихъ чтить угасшую династію, а увѣреніямъ Шуйскаго и инокини Марѳы трудно было и вѣрить: оба они доказали свою перемѣнчивость. Главная же трудность положенія Шуйскаго состояла въ томъ, что массы были разбужены для соціальной борьбы и могли сражаться во имя Димитрія, даже и не всегда вполнѣ вѣря въ

*) Вѣрнѣе всего, что причиной этого было одно изъ уличныхъ движеній, поднятыхъ противъ Шуйскаго вскорѣ послѣ его воцаренія. Вожакомъ этого движенія Шуйскій счелъ П. Н. Шереметева, одного изъ лицъ Романовскаго круга.

Шереметевъ.

Царскій выходъ изъ Благовѣщенскаго собора.

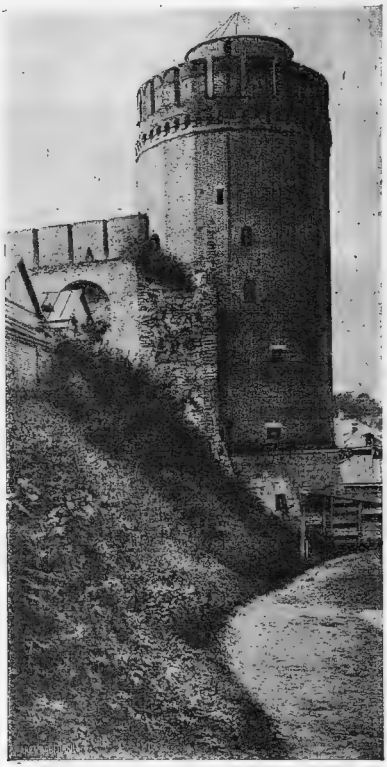
Картина находится въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

подлинность того или иного носителя этого имени. Такъ уже у перваго Самозванца явился подражатель и соперникъ. Это былъ нѣкій казакъ Илейка, назвавшійся царевичемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и проявившійся на Терекѣ. Оттуда онъ двинулся въ Астрахань и сталъ подниматься по Волгѣ. Дядя (Лже-Димитрій), свѣдавъ о «племянникѣ», усиленно звалъ его въ Москву, но за Свіяжскомъ Лже-Петръ услыхалъ о смерти Самозванца и повернулъ на юго-западъ, очутившись, наконецъ, на Полѣ. Кромѣ этого «царевича», за которымъ посыпались, какъ грибы послѣ дождя, и другіе чудесно спасенные отпрыски старой династіи, правительству Шуйскаго надо было серьезно считаться съ отпаденіемъ отъ Москвы Сѣверы, Украинныхъ городовъ и Поля.

Въ самой столицѣ было далеко неспокойно. Шуйскому и его пособникамъ удалось овладѣть царствомъ благодаря московскому простонародью. Посредствомъ этого элемента приходилось новому правительству и держаться у власти. Но толпа—союзникъ ненадежный и очень легко можетъ обратиться въ недруга. Недоброжелатели царя Василія и стали пользоваться измѣнчивымъ настроеніемъ столичной уличной черни, которая узнала свою силу и готова была на еженедѣльную смѣну государя, надѣясь въ такомъ случаѣ поживиться отъ грабежа. И вотъ 25-го мая, 15-го іюня, въ серединѣ іюля 1606 г. чернь поднимается противъ Шуйскаго, которому самому приходилось унимать и уговаривать ее. Тогда царь Василій счелъ нужнымъ привести Кремль на военное положеніе, а съ августа мѣсяца засѣлъ тамъ, какъ бы въ осадѣ. Въ особенности напугали государя, принявшаго престолъ, какъ «отчину своихъ прародителей», пожаръ и случайный взрывъ пороха въ городскихъ лавкахъ, совпавшіе съ вѣстью о пораженіи царскихъ войскъ въ столкновеніи съ мятежниками на югѣ.

Не однѣми военными мѣрами предосторожности и бесѣдами съ уличными толпами думалъ Шуйскій справиться съ движеніемъ какъ въ столицѣ, такъ и въ областяхъ. Видя, что населеніе волнуется больше всего во имя царевича Димитрія, и не понимая, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ зачастую лишь объ удобномъ знамени, Шуйскій думалъ покончить съ народными волненіями путемъ церковнаго торжества. Поэтому уже третьяго іюня 1606 года состоялась канонизація царевича Димитрія, «заколотаго отъ раба своего Бориса», и торжественное перенесеніе мощей новаго праведника изъ Углича въ московскій Архангельскій соборъ. Эта канонизація впослѣдствіи положила неизгладимое пятно на память Бориса, но въ данный моментъ мало помогла хитроумному царю Василію. Часть народа, вѣрившая въ подлинность Лже-Димитрія, готова была повѣрить и въ чудесное его спасеніе 17-го мая. Такіе люди совсѣмъ не вѣрили Шуйскому и тому, что отъ него исходило. Да и трудно было вѣрить человѣку, при Годуновыхъ увѣрявшему про смерть царевича отъ собственной руки, а черезъ годъ обвинившему въ убіеніи св. Димитрія Бориса Годунова. Тѣ же, которые шли за призракомъ Димитрія, какъ за удобнымъ знаменемъ, прикрывавшимъ ихъ соціальныя вожделѣнія,—а такихъ становилось все болѣе и болѣе—были совершенно равнодушны къ судьбѣ настоящаго царевича.

Не довольствуясь канонизаціей св. Димитрія Угличскаго, царь Василій прибѣгъ къ помощи официозной публицистики. Кѣмъ то изъ братій Троице-Сергіевой Лавры, быть можетъ, искуснымъ въ писательствѣ келаремъ ея Авраміемъ Палицынымъ, была написана не позднѣе августа 1606 года въ высшей степени интересная «Повѣсть», вошедшая впослѣдствіи въ составъ такъ называемаго Иного Сказанія. Она вся пропитана тенденціознымъ прославленіемъ Шуйскихъ, какъ бы вскользь бросаемыми доказательствами ихъ правъ на престолъ и очерненіемъ памяти царя Бориса. Въ ней то и содержится тотъ разсказъ объ убіеніи царевича Димитрія, который затѣмъ легъ въ основу почти всѣхъ подобныхъ повѣствованій, а также и описаніе перенесенія мощей «новаго страстотерпца». Въ концѣ «Повѣсти» вскрывается цѣль ея написанія. Она обращена главнымъ образомъ къ «зломысленникомъ, рачащимъ его (т.-е. Лже-Димитрія) злонравному законопреступленію, дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престали». Далѣе послѣ всякихъ увѣщаній слѣдуетъ и угроза: «Аще и, грубителю Божій, не пременишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеши здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ».



Башня Марины Мнишекъ, въ г. Коломнѣ.

Однако «грубитель Божій» не побоялся прещеній и угрозъ публицистики царя Василія. Какъ намъ уже извѣстно, еще при Лже-Димитріи въ Московскомъ государствѣ объявился Лже-Петръ, который по смерти перваго Самозванца перешелъ на Поле. Здѣсь было уже въ полномъ ходу возстаніе во имя Димитрія Ивановича, хотя самого «царя» еще не было. Центромъ движенія сталъ по прежней памяти о Самозванцѣ Путивль съ родовитымъ воеводой княземъ Гр. Петр. Шаховскимъ во главѣ. Послѣдній уполномочилъ на походъ подъ Москву «большого воеводу» Ивана Болотникова. Ивашка, бывшій холопъ князя Телятевскаго, обнаружилъ недюжинный воинскій талантъ и умѣнье быть организаторомъ движенія. Въ разсылаемыхъ имъ «воровскихъ прелестныхъ граматахъ» онъ явно будилъ соціальную вражду и возставалъ на Московскій порядокъ. Болотниковъ приказывалъ холопамъ и бездомнымъ людямъ побивать бояръ и всѣхъ торговыхъ людей, животы ихъ грабить, женъ и помѣстья и вотчины на себя брать, кромѣ того, онъ обѣщалъ раздачу сановъ и должностей отъ бояр-

ства до дьячества. Понятно, какіе инстинкты будили подобныя воззванія и какъ подстрекающе они дѣйствовали. Болотниковъ безъ труда овладѣлъ всей Сѣверской областью и Полемъ, и отовсюду стягивалъ къ себѣ новыя и новыя силы. Параллельно съ движеніемъ Болотникова шло возстаніе противъ Шуйскаго и въ болѣе сѣверныхъ городахъ Украинныхъ и Рязанскихъ. Въ первыхъ поднялась служилая мелкота—мелкопомѣстные дѣти боярскіе. Имъ понятны были мотивы, двигавшіе скопищемъ Ивашки Болотникова, но не всему тому, что дѣлали озлобленные холопы, вырвавшіеся на волю и давшіе просторъ своимъ чувствамъ и алчнымъ инстинктамъ, сочувствовали эти дѣти боярскіе, пошедшіе за «веневскимъ сотникомъ» Истомой Пашковымъ. Въ Рязанскихъ городахъ, гдѣ служилый людъ былъ болѣе хорошо поставленъ, вожаки движенія были довольно замѣтными въ общественномъ отношеніи людьми. Тамъ были цѣлыя гнѣзда старинныхъ дворянскихъ фамилій съ большимъ гоноромъ и притязательностью. Таковы были Ляпуновы, Сумбуловы, Кикины, Ржевскіе, Биркины и иные. Обезпеченные большими помѣстными окладами и дачами эти фамиліи мечтали о дальнѣйшемъ возвышеніи, о томъ, какъ бы пробраться на самый верхъ лѣствицы общественныхъ отношеній. Въ особенности заносчива и честолюбива была семья Ляпуновыхъ, въ которой выдавались два брата: Прокопій и Захаръ Петровичи. Послѣдній въ видахъ обогащенія прежде не брезгалъ посылать контрабандой запрещенное оружіе и вино на Донъ, за что и понесъ должное наказаніе отъ Бориса Годунова. Старшій братъ Захара Прокопій красиво характеризованъ В. О. Ключевскимъ, какъ «человѣкъ рѣшительный, заносчивый и порывистый; онъ раньше другихъ чуялъ, какъ поворачиваетъ вѣтеръ, но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова». Людямъ такого положенія и душевнаго склада, какъ Ляпуновъ и другіе рязанскіе честолюбцы, не могло нравиться олигархически-реакціонное правительство Шуйскаго. Оно закрывало дорогу людямъ съ его точки зрѣнія «худороднымъ»; такими въ глазахъ «княжатъ» были и Ляпуновы съ братіею. Послѣдніе же были готовы стоять за принципъ, насажденный Грознымъ и культивированный Годуновымъ и Самозванцемъ, т.-е. за ту мысль, что «и великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Благодаря такому настроенію и поднялись рязанцы съ воеводами Григоріемъ Ѳеодоровымъ Сумбуловымъ и Прокопіемъ Петровымъ Ляпуновымъ во главѣ. Овладѣвъ Коломной, рязанскія дружины на Окѣ соединились съ войсками Болотникова, и все мятежное войско подошло къ Москвѣ, укрѣпилось въ селѣ Коломенскомъ и продержало столицу въ осадѣ съ середины октября до начала декабря 1606 года. Надо принять во вниманіе, что въ связи съ движеніемъ Болотникова разыгралась смута и въ мѣстности на востокъ отъ нижней Оки, гдѣ наряду съ недовольными русскими служилыми людьми возставала и исконная насельница края «мордва», раздраженная потерей правъ на принадлежавшую ей ранѣе землю. Поднялся бунтъ и въ Астрахани. Глухое броженіе шло и среди восточныхъ инородцевъ въ Вятско-Пермскомъ краю, замѣчалось оно и на Новгородскихъ и Псковскихъ окраинахъ. Такимъ образомъ лишь Замосковныя и Поморскія области остались въ повиновеніи у Шуйскаго.

Шуйскому удалось подавить смуту на нижней Окѣ, а также сдерживать глухое броженіе на восточныхъ и сѣверо-западныхъ окраинахъ государства, но въ самой Москвѣ соціальная программа Болотникова привлекала къ нему столичную чернь, и царь Василій съ величайшимъ опасеніемъ взиралъ на будущее. Спасло Шуйскаго на этотъ разъ отсутствіе единодушія у осаждавшихъ Москву. Подъ столицей сошлись соціальные враги, и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ начала осады произошло естественное разслоеніе различныхъ общественныхъ элементовъ осаждавшаго Москву ополченія. Очутившись въ близкомъ сосѣдствѣ съ Болотниковымъ, познакомившись пристальнѣй съ его разрушительной для всего землевладѣльческаго московскаго класса программой, рязанскіе помѣщики-дворяне поняли, кто былъ для нихъ наиболѣе опаснымъ врагомъ. Поэтому 15-го ноября Прокопій Ляпуновъ и Григорій Сумбуловъ съ другими рязанцами «градомъ всѣмъ отъ тѣхъ воровъ отъѣхаша и пріѣхаша къ Москвѣ». За рязанцами, вожди которыхъ были обласканы царемъ Василіемъ, при чемъ Ляпуновъ получилъ даже званіе думнаго дворянина и должность одного изъ воеводъ Рязани, потянулись изъ ополченія Болотникова и многіе другіе дѣти боярскіе, изъ тѣхъ, которые были покрупнѣе. Мелкота, предводительствуемая Пашковымъ, заколебалась, но оставалась въ станѣ Болотникова до рѣшительной битвы послѣдняго съ царскимъ войскомъ. 2-го декабря, во время упорнаго боя, Истома Пашковъ съ нѣсколькими сотнями своихъ сторонниковъ перешелъ къ царю Василію и тѣмъ рѣшилъ исходъ битвы. Болотниковъ былъ отброшенъ отъ столицы на югъ, но продолжалъ борьбу.

Царь Шуйскій поспѣшилъ начать наступательныя дѣйствія и отправилъ войско на осаду Калуги, куда укрылся Болотниковъ. Но вялость московскаго войска и мужество «воровъ» заставили предводителя царской рати, князя Ѳ. И. Мстиславскаго, отступить къ Серпухову. Болотниковъ перешелъ тѣмъ временемъ въ Тулу, гдѣ, соединившись съ пришедшимъ сюда съ Поля Лже-Петромъ и княземъ Г. П. Шаховскимъ, сосредоточилъ свыше 30,000 войска. Но лѣтняя кампанія 1607 года была роковой для Болотникова и его союзниковъ. Царь Василій сумѣлъ собрать большую армію и съ ней одержалъ рѣшительные успѣхи надъ «воровскими» воеводами, счастливо окруживъ ихъ всѣхъ въ Тулѣ. Разославъ карательные отряды по возставшимъ противъ него мѣстностямъ, Шуйскій велъ дѣятельную осаду Тулы, которую и взялъ въ исходѣ октября, благодаря сообразительности одного изъ молодыхъ боярскихъ дѣтей Ивана Кровкова, посовѣтовавшаго запрудить рѣку Упу. Тогда городъ былъ взятъ, и главари движенія казнены или сосланы. Перебиты были или «посажены въ воду» (любимая казнь Шуйскаго) и многіе изъ рядовыхъ участниковъ мятежа.

Возстаніе казалось оконченнымъ, войска устали, и царь Василій разрѣшилъ имъ «во упокоеніе воротитися». Тщетно проницательный патріархъ Гермогенъ указывалъ Шуйскому, что сѣверскіе города очень ненадежны, тѣмъ болѣе, что тамъ появился второй Лже-Димитрій. Царь Василій счелъ движеніе покончennымъ и замѣтилъ свою ошибку слишкомъ поздно. А между тѣмъ своими указами, изданными весной 1607 года и направленными

противъ холоповъ и крестьянской массы, подвластной помѣщикамъ, Шуйскій еще болѣе возстановилъ противъ себя низы московскаго общества.

Послѣдствія политики Шуйскаго не замедлили сказаться на быстрыхъ успѣхахъ второго Лже-Димитрія, самого по себѣ совершенно ничтожнаго и безличнаго. Вообще нельзя равнять перваго Самозванца со вторымъ. Первый имѣлъ нѣкоторыя способности и умѣлъ проявлять свою индивидуальность. Онъ имѣлъ видъ законнаго царевича и не былъ чуждъ нѣкотораго пониманія государственныхъ интересовъ. Первый Самозванецъ въ значительной мѣрѣ руководилъ движеніемъ и своими пособниками. Затѣмъ войско его состояло, главнымъ образомъ, изъ русскихъ людей. Сочувствію и довѣрію къ себѣ значительной части населенія первый Лже-Димитрій былъ обязанъ Московскимъ престоломъ. Совсѣмъ не то представлялъ собой его подражатель, заслужившій мѣткое названіе «Вора», т.-е. государственнаго преступника. Неизвѣстно откуда взявшійся *) Воръ былъ игрушкой въ рукахъ своихъ сообщниковъ, которые ни во что ставили самозваннаго царя. Опирался онъ лишь на «заворовавшіе» элементы Московскаго государства, а главную силу его войска составляли поляки и литовцы со своими предводителями, появившимися весьма скоро на службѣ у Вора. Причиной подобнаго появленія польско-литовскихъ дружинъ въ рядахъ сторонниковъ второго Лже-Димитрія были, во-первыхъ, событія, происшедшія около этого время въ Рѣчи Посполитой и извѣстныя подъ именемъ «рокоша Зебжидовскаго». Неудача этого «рокоша», направленнаго противъ Сигизмунда III, заставила многихъ шляхтичей искать на чужбинѣ, въ частности въ Московской Руси, военной добычи и славы. Затѣмъ и желаніе короля вмѣшаться, хоть и негласно, въ Московскую Смуту имѣло здѣсь мѣсто. Наконецъ, нѣкоторыхъ влекла въ Москву жажда мести за избіеніе поляковъ и литовцевъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ подъ командой польско-литовскихъ вождей Сапѣги, Лисовскаго, Рожинскаго и иныхъ собралась подъ знамена Вора не одна тысяча ихъ соотечественниковъ, искателей приключеній. Присоединивъ къ нимъ отряды «русскихъ воровскихъ людей» изъ Сѣверы и Поля, Воръ двинулся къ Москвѣ. Сначала онъ потерпѣлъ нѣкоторыя неудачи, но, благодаря искусству и энергіи своихъ литовско-польскихъ вождей, скоро оправился и подошелъ къ Москвѣ. Вору удалось даже обойти Москву съ сѣвера и укрѣпиться въ Троицкомъ селѣ Тушинѣ въ то время, какъ Сапѣга съ Лисовскимъ осадили первоклассную крѣпость Московскаго государства и величайшую святыню Московской Руси, Троице-Сергіевъ монастырь.

Съ появленіемъ Вора въ Тушинѣ дѣла царя Василія приняли тревожный оборотъ. Правда, открытые натиски воровскихъ войскъ на столицу не удались, и послѣ битвы 25-го іюня 1608 года главнокомандующій Тушинской ратью Рожинскій сталъ осуществлять планъ полной блокады Москвы. Этотъ планъ не удался, но нѣсколько разъ былъ близокъ къ исполненію. Въ Москвѣ наставала тогда «хлѣбная дороговь великая» и связанныя съ ней волненія, и лишь лѣтомъ 1609 года блокада столицы была

*) По нѣкоторымъ извѣстіямъ это былъ нѣкто Матюшка Веревкинъ, поповичъ одного изъ Сѣверскихъ городовъ.

прорвана во многихъ мѣстахъ. Въ самой Москвѣ появленіе Тушинскаго Вора внесло еще большую деморализацію въ населеніе. Нечего и говорить о волненіяхъ столичной черни, къ которымъ успѣлъ уже привыкнуть Шуйскій. Теперь ему приходилось познакомиться съ гнуснымъ и болѣе опаснымъ явленіемъ, съ такъ называемыми «перелетами». Близость двухъ враждебныхъ становъ дѣлало это явленіе вполнѣ понятнымъ. Шаткіе люди изъза личныхъ выгодъ постоянно мѣняли себѣ господъ: желая личнаго возвышенія и обогащенія, такіе люди переѣзжали изъ Тушина въ Москву и обратно. Получивъ у Вора желаемыя милости, они возвращались къ царю Василію и закрѣпляли ихъ за собой. Находились искусники, которые продѣлали такіе «перелеты» до 10-ти разъ. Въ числѣ людей подобнаго сорта находились и болѣе и менѣе родовитые люди, и рядовой служилый элементъ, и представители духовенства. Есть вѣроятная догадка, принадлежащая профессору Платонову, что и самъ знаменитый обличитель такого печальнаго явленія, старецъ Авраамій Палицынъ, запасся для себя въ Тушинѣ саномъ архимандрита.

Если одни изъ москвичей занимались службой на два фронта, то другіе занялись не менѣе постыдной контрабандной торговлей съ Тушинымъ. Какъ говоритъ наблюдательный очевидецъ осады, «недостатки же въ Тушинѣ потребъ тѣлесныхъ или пищъ, и оружій бранныхъ и лекарственныхъ всякихъ зелій и соль, та вся отай, уклоняющеся кривопутствомъ, измѣнницы отъ царствующаго града Москвы наполняху измѣнничьи станища въ Тушинѣ». Не преминули воспользоваться бѣдствіями блокады и богатые «житопродавцы». Они устроили между собой такъ называемую «вязку», своего рода синдикатъ XVII вѣка, и подняли цѣну на хлѣбъ до неслыханныхъ предѣловъ. Москвѣ грозилъ голодный бунтъ, но вмѣшательство царя и патріарха, уговорившихъ Авраамія Палицына пустить въ продажу по сносной цѣнѣ московскіе хлѣбные запасы Троице-Сергіева монастыря, разстроили «вязку».

«Перелеты» все же не разрывали окончательно съ Шуйскимъ и такъ или иначе продолжали служить ему. Но цѣлый рядъ высокопоставленныхъ въ московскомъ обществѣ лицъ и сравнительно мелкихъ служилыхъ «людишекъ» потянулся въ Тушино, навсегда покинувъ царя Василія. Такъ отъѣхалъ къ Вору пресловутый впослѣдствіи князь Дмитрій Тим. Трубецкой, затѣмъ Бутурлины и кн. Засѣкины, «первый подъячій Посольскаго приказа Петръ Третьяковъ», многіе стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и др. Около Вора образовались мало-по-малу собственный дворъ и правительство. Въ этомъ правительствѣ наряду съ довольно таки родовитыми людьми, которые обыкновенно сидѣли на воеводствахъ или начальствовали войсками, былъ рядъ совсѣмъ неродовитыхъ дѣльцовъ, составлявшихъ центральную администрацію Вора. Въ числѣ ихъ замѣтны фигуры Молчанова, Грамотина, Ѳедьки Андронова. Мих. Молчановъ былъ типичнымъ авантюристомъ. Онъ началъ свою карьеру приставомъ во время «Угличскаго дѣла 1591 г.», былъ въ числѣ убійцъ семьи Годуновыхъ и послѣ смерти перваго Самозванца, у котораго былъ въ почетѣ, былъ битъ кнутомъ и бѣжалъ въ Польшу. Оттуда въ 1609 году онъ явился въ Тушино, гдѣ былъ

пожалованъ саномъ окольничаго. Въ изворотливости и политической безсовѣстности не уступалъ Молчанову и «думный дьякъ» Иванъ Грамотинъ, сумѣвшій сохранить свое значеніе и при царѣ Михаилѣ. Не такъ счастливъ былъ знаменитый «измѣнникъ» Ѳедька Андроновъ, наглый плутъ и выскочка, который изъ простыхъ кожевниковъ сталъ думнымъ дворяниномъ въ Тушинѣ и, въ званіи казначея, игралъ чуть ли не первую роль въ Москвѣ во время польской оккупаціи «въ лихолѣтье». Онъ кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

Далеко не всѣ тѣ, кого судьба такъ или иначе соединила съ Тушинымъ, добровольно отдавали себя на службу Вору или признавали его власть. Такъ, съ осени 1606 года Тушино обзавелось своимъ патріархомъ. Это былъ плѣненный отрядами Вора ростовскій и ярославскій митрополитъ Филаретъ. Нареченный въ Тушинѣ патріархомъ и поставленный во главѣ признававшаго Вора духовенства, котораго, по словамъ одного современника Смуты, было не мало, самъ Филаретъ держался очень далеко отъ «царя Дмитрія Ивановича». Онъ не могъ воспрепятствовать разсылкѣ его именемъ граматъ по разнымъ городамъ, но при первой возможности принялъ сторону королевича Владислава и, возвращенный отрядами Шуйскаго въ началѣ 1610 года въ Москву, открыто сталъ въ ряды противниковъ Вора. Вѣрнѣе всего Филаретъ былъ враждебенъ и Шуйскому и Тушинскому «царику». Въ такомъ полуневольномъ подчиненіи Тушину былъ рядъ и другихъ лицъ.

Между прочимъ дворяне и дѣти боярскіе изъ Новгорода, Пскова и сѣверныхъ «Заволжскихъ» городовъ, испугавшись за участь своихъ домашнихъ, осенью 1608 года, когда Сапѣга завладѣлъ Ярославской и Дмитровской дорогами, т.-е. сталъ на пути къ названнымъ городамъ, бѣжали изъ Москвы и готовы были предаться Вору въ цѣляхъ самозащиты. Вообще одно время и тѣ области, которыя были вѣрны Шуйскому, поколебались было и желали признать «царя Димитрія Ивановича». Но Воръ или вѣрнѣе его правительство и войска сами повредили своему дѣлу. Они смотрѣли на всю Русь, какъ на завоеванную страну, и всюду, даже въ добровольно перешедшихъ на ихъ сторону городахъ, чинили всевозможнѣйшіе грабежи и насилія. Тогда началась реакція. Убѣдившись въ «подлинномъ воровствѣ» второго Самозванца и его сообщниковъ, рядъ областей начинаетъ снова прямить царю Василію и готовится идти на помощь Москвы. Шуйскій, котораго, характеризуя его положеніе въ Московскую осаду, одинъ умный современникъ уподобилъ «орлу бесперу и не имущу клюва и ногтей», такъ какъ онъ не имѣлъ «сокровища многа и другов храбрыхъ», воспользовался указаннымъ явленіемъ и постарался направить его въ свою пользу.

Впрочемъ, царь Василій и раньше не терялъ бодрости духа. У него была надежда на успѣхъ миссіи молодого своего племянника князя Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго. Царь отправилъ своего родственника въ Новгородъ просить помощи у шведскаго короля Карла IX, или, какъ осторожно выражались тогда на официальномъ языкѣ, «послати въ нѣмцы нанимать нѣмецкихъ людей на помочь», зная, что шведы охотно вступятъ въ союзъ съ его правительствомъ. Дѣло было въ томъ, что Карлъ IX находился въ

открытой враждѣ со своимъ племянникомъ, польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, который за свою упорную приверженность къ католицизму лишился шведскаго престола. Такъ какъ Сигизмундъ несомнѣнно «доброхоталъ» разнымъ противникамъ Шуйскаго, то Карлъ IX самъ предлагалъ и союзъ и вспомогательныя войска царю Василію. Возможно, что помимо вражды къ Сигизмунду проницательнымъ политикомъ руководило желаніе вмѣшаться въ русскую распрю. Сперва Шуйскій съ ласковымъ высокомѣріемъ отклонялъ предложенія Карла, «похваляя» его за то, что онъ царю «доброхотаетъ» и его любви къ себѣ ищетъ. «Теперь»,—замѣчаетъ С. Ѳ. Платоновъ,—«въ тяжелые дни пораженій и московской осады, лѣтомъ 1608 года, пришелъ чередъ самому царю Василію «искать къ себѣ любви» шведскаго короля».

Въ то же время быстрые успѣхи Вора стали прекращаться. Правда, съ сентября 1608 года второму Лже-Димитрію поддался крѣпкій Псковъ, въ которомъ шла давняя вражда у «лучшихъ» людей съ «меньшими», взявшими, наконецъ, перевѣсъ. Но въ Поморскихъ и во многихъ Замосковныхъ *) городахъ государства стали собираться ополченія «на Вора». Въ особенности ревностно дѣйствовали «мужичьи» дружины сѣверныхъ городовъ, которыхъ выслали зажиточные самоуправлявшіеся крестьянскіе «міры». Первыя неудачи не смутили «мужиковъ» и, найдя въ Шуйскомъ-Скопинѣ, прибывшемъ въ Новгородъ, нужнаго имъ и облеченнаго правительственными полномочіями организатора, они стали стягивать къ нему людей и запасы.

Явившись въ Новгородъ, М. В. Скопинъ-Шуйскій отправилъ своего шурина С. В. Головина въ Выборгъ для переговоровъ со шведами, а самъ послѣ очень тревожныхъ для себя дней новгородскихъ волненій, отъ которыхъ онъ даже было бѣжалъ изъ города, куда вернулся лишь по просьбѣ пересилившихъ враждебную партію сторонниковъ царя Василія, занялся дѣятельнымъ собираніемъ и устроеніемъ рати. Благодаря настроенію сѣверныхъ городовъ, граматамъ, которыя разсылали царь Василій и Скопинъ, и другимъ мѣрамъ послѣдняго къ веснѣ 1609 года Московскому правительству удалось собрать въ Новгородѣ до 3000 русскаго войска. Тѣмъ временемъ Головинъ, цѣной уступки города Корѣлы, заключилъ, наконецъ, союзный договоръ со шведскими уполномоченными. Къ маю 1609 г. собралась у Новгорода «нѣмецкихъ людей кованая рать», превышавшая 15 тысячъ шведскихъ, французскихъ и другихъ иноземныхъ наемниковъ, которымъ Московское правительство обязалось платить большое жалованье. Главнымъ начальникомъ этой наемной арміи былъ Яковъ Понтусовъ Делагарди, сдѣлавшійся впослѣдствіи, благодаря своимъ талантамъ и подвигамъ, военной знаменитостью Швеціи. Какъ русскій, такъ и шведскій полководецъ были молодыми, полными силъ и отваги людьми. Делагарди шелъ всего 27 годъ, Скопину было лишь 22 года. Громаднаго роста, видный и статный собой, князь Михаилъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на войска; полки Скопина не могли на него «назрѣться, какъ на небесное солнце». Дѣй-

*) Замосковными городами въ Московской Руси назывались области, лежавшія къ сѣверу отъ Москвы. Границами этихъ областей можно считать (приблизительно) Москву на югѣ, Вологду на сѣверѣ, Ржевъ на западѣ и Нижній-Новгородъ на востокѣ.

Шереметевъ.

ПОСОЛЬСКІЙ ДВОРЪ.

Картина находится въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

ствительно, молодой вождь умѣлъ соединять нужную твердость съ обаятельной ласковостью. По крайней мѣрѣ, оплакивая смерть своего полководца, соратники Скопина такъ причитали надъ его трупомъ: «у тебя, государя нашего, въ полкахъ войска нашего и безъ казни страшно и грозно, а радостны и веселы». Въ то же время юный полководецъ умѣлъ пріобрѣсти любовь тѣхъ иностранцевъ, съ которыми ему пришлось ратоборствовать противъ враговъ. Онъ «сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужими людьми честное обхожденіе имѣть». И шведскій современный Скопину историкъ Видекиндъ замѣчаетъ, что князь Михаилъ отличался «умомъ зрѣлымъ не по лѣтамъ, силой духа, привѣтливостью и умѣньемъ обходиться съ иностранцами». Даже враги Скопина, поляки, по словамъ близко знавшаго его дьяка Тимоѳеева, изумлялись молодому вождю и его воинскимъ талантамъ.

Военныя способности русскаго полководца вполнѣ проявились во время похода соединенной шведско-русской рати къ Москвѣ. Медленно подвигаясь на югъ, успѣшно сражаясь съ войсками Вора, усиливая свои войска подходящими изъ русскихъ городовъ подкрѣпленіями и обучая эти подкрѣпленія воинскому искусству, князь Михаилъ къ марту 1610 года подошелъ къ столицѣ. Походъ Скопина привелъ къ громаднымъ послѣдствіямъ. Въ январѣ 1610 года была прекращена осада Троице-Сергіева монастыря, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Тушинскій Воръ обратился въ Калужскаго, убѣжавъ изъ Тушина и избравъ Калугу своимъ мѣстопребываніемъ. Угроза, висѣвшая надъ Москвой, исчезла. Успѣхъ Скопина обусловился, помимо удачныхъ дѣйствій русскаго и шведскаго вождей, вмѣшательствомъ въ московскія дѣла короля Сигизмунда. Послѣдній воспользовался союзомъ Карла IX и царя Василія, какъ предлогомъ для давно желаннаго вступленія въ предѣлы Московскаго государства. Польскій король осадилъ Смоленскъ и перетянулъ въ свои войска большинство польскихъ приверженцевъ Вора. Помимо дѣйствій Сигизмунда, сильно повредившихъ впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, правительству Шуйскаго, не слѣдуетъ забывать также дѣятельности боярина Ѳ. И. Шереметева, который съ успѣхомъ выполнилъ возложенную на него царемъ Василіемъ задачу очищенія отъ смуты Поволожья и соединился въ подмосковной Александровской слободѣ со Скопинымъ. Во всякомъ случаѣ, на долю князя Михаила выпала наиболѣе трудная часть дѣла и упорные бои подъ Торжкомъ, Тверью и Калязинымъ монастыремъ, не считая цѣлаго ряда мелкихъ стычекъ. Зато и слава Скопина, а также и народная любовь къ избавителю Москвы чрезвычайно возросли.

Марія Мнишекъ возбуждаетъ Калужанъ противъ поляковъ.

Въ народѣ начались толки, что любимый его герой достоинъ царскаго вѣнца. Упреждая событія, нетерпѣливый Прокопій Ляпуновъ отправилъ даже къ князю Михаилу изъ Рязани поздравительную грамату, въ которой называлъ его царемъ и ругалъ Василія Шуйскаго. Скопинъ приказалъ было арестовать посланцевъ Ляпунова и отослать ихъ въ Москву, но, тронувшись ихъ мольбами, разрѣшилъ имъ вернуться въ Рязань. Царь Василій зналъ о народныхъ толкахъ и о граматѣ Ляпунова, получивъ о послѣдней доносъ «отъ злыхъ человѣкъ клеветниковъ», обвинившихъ самого Скопина въ желаніи царства, и сталъ «держать рень» на князя Михаила. Такъ роковымъ для правительства Шуйскихъ образомъ между царемъ и главной опорой его власти возникли неудовольствія. Впрочемъ, хитрый старикъ затаилъ свои чувства и въ милостивыхъ граматахъ призывалъ племянника въ столицу праздновать побѣды. Скопинъ и Делагарди находили справедливымъ, что время пировъ еще не пришло и что надо идти подъ Смоленскъ противъ Сигизмунда. Однако пришлось повиноваться желанію царя. Торжественный пріемъ ожидалъ побѣдителей въ Москвѣ. Избавленные отъ ужасовъ блокады москвичи горячо привѣтствовали популярнаго князя Михаила. Цѣлыми толпами собирались они на улицахъ, радостными восклицаніями привѣтствуя Скопина. Но мрачно глядѣли на него завистливыми глазами родные братья царя, особенно честолюбивый и бездарный князь Димитрій. Видя враждебное отношеніе Шуйскихъ, сторонники Скопина настоятельно уговаривали его поспѣшить походомъ подъ Смоленскъ. Князь Михаилъ началъ подготовлять войска къ выступленію, но внезапно занемогъ на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, у котораго крестилъ сына; воспріемницей мальчика была жена князя Димитрія. Промучившись около 2-хъ недѣль кровотеченіемъ изъ носу и жестокой лихорадкой, Скопинъ скончался въ ночь на 24-е апрѣля 1610 года на 24-мъ году отъ рожденія.

Вся Москва приняла участіе въ похоронахъ князя Михаила. Толпы народа шли на поклоненіе любимому, безвременно угасшему герою. Въ церкви рыданія и стоны молящихся заглушили церковное пѣніе. Въ то же время обсуждались шопотомъ причины внезапной смерти Скопина, при чемъ часто поминалось имя князя Димитрія Шуйскаго и его жены, какъ виновниковъ народнаго горя. Есть слухъ, что только посланныя на выручку войска отстояли домъ царскаго брата, едва не сдѣлавшійся жертвой общаго негодованія. Конечно, трудно, сказать, насколько вѣрны были державшіеся въ свое время слухи, перешедшіе и въ народныя поэтическія преданія, о томъ, что единственная тогда надежда русскихъ людей пала жертвой отравы. Мы не имѣемъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что именно насильственная смерть постигла Скопина. Скажемъ даже такъ: неожиданность кончины князя Михаила, враждебное отношеніе къ нему Шуйскихъ, соперничество съ нимъ нелюбимаго народомъ князя Димитрія могли создать почву и для невѣрнаго обвиненія противъ родни Скопина, а въ частности противъ старшаго изъ царскихъ братьевъ. Съ другой стороны, опытность Шуйскихъ въ интригахъ, нравы того времени и личныя свойства князя Димитрія позволяютъ, дѣйствительно, съ нѣкоторой вѣроятностью допустить, что смерть князя Михаила была слѣдствіемъ отравы. Прибавимъ,

что и дьякъ Тимоѳеевъ прямо обвиняетъ, хотя тоже по слухамъ, родственниковъ Скопина въ его смерти, не выдѣляя при этомъ изъ числа причастныхъ къ злому дѣлу и царя Василія.

Были или нѣтъ виновны Шуйскіе въ смерти князя Михаила, во всякомъ случаѣ она была началомъ конца для ихъ власти. Начальство надъ войскомъ принялъ князь Димитрій Шуйскій, котораго одинъ изъ его современниковъ зло и мѣтко характеризуетъ, какъ «воеводу сердцемъ не храбраго, но женьствующими обложена вещьми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копія направляти хотящаго». Полководецъ утопалъ въ роскоши, а наемныя войска не получали жалованья. Результаты не замедлили сказаться во время боя 24-го іюня 1610 года подъ селомъ Клушинымъ (въ 20 верстахъ отъ города Гжатска), гдѣ талантливый польскій гетманъ Жолкѣвскій на-голову разбилъ оплошнаго московскаго «стратега». Шведскія и иныя вспомогательныя войска сражались вяло. Часть ихъ ушла чуть ли не во время боя отъ Шуйскаго и, двинувшись къ Новгороду, захватила для шведскаго короля этотъ городъ и прилегающую къ нему область. Часть вспомогательныхъ войскъ перешла на службу къ Сигизмунду. Самъ Шуйскій едва избѣжалъ плѣна и «со срамомъ возвратися» въ Москву. Служилые русскіе люди разбѣжались по своимъ городамъ и деревнямъ и не шли въ Москву, несмотря на посылки за ними царя Василія. «Рязанцы же—тѣ самые рязанцы,—говоритъ проф. Платоновъ,—которые высидѣли съ Шуйскимъ всю московскую осаду,—прямо «отказаша» ему въ службѣ, то есть подняли мятежъ и оказали открытое неповиновеніе».

Вскорѣ послѣдовало и сверженіе царя Василія. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ событіи, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ и познакомиться съ настроеніемъ москвичей со временъ осады ея Тушинскимъ Воромъ. Кое-что намъ уже извѣстно. Мы знаемъ и про «перелеты», и про торговлю съ Тушинымъ, и про стачку хлѣботорговцевъ. Но были и открытыя возмущенія противъ царя Василія. Эти возмущенія поднимались отдѣльными, слабыми кружками служилыхъ людей, которые опирались на возбужденность московской толпы, раздраженной неудобствами блокады и поведеніемъ своихъ своекорыстныхъ богатѣевъ. Первое изъ такихъ возмущеній, явившихся продолженіемъ сценъ подобнаго рода, разыгравшихся въ началѣ царствованія Шуйскаго, затѣяно было московскими дворянами княземъ Ром. Ив. Гагаринымъ, Тим. Вас. Грязнымъ, извѣстнымъ уже намъ рязанцемъ Гр. Ѳед. Сумбуловымъ и иными. Оно произошло въ 1609 году, февраля 25-го, въ субботу на Масляной, и началось съ рѣчей такого рода, которыя произносились на Лобномъ мѣстѣ: «Царь нашъ... согласився съ потаковники своими и сѣлъ на Московское государство силно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, піяница и блудникъ и всячествованіемъ неистовенъ, царствованіа недостоинъ». Однако изъ бояръ только князь В. И. Голицынъ, прежній союзникъ Шуйскихъ, пріѣхалъ къ мятежникамъ, которые захватили было въ Успенскомъ соборѣ патріарха и повели его къ Красной площади «и ведуще ругахуся ему всячески, біюще созади, иніи песокъ и соръ и смрадъ

въ лицо и на главу ему мещуще; а иніи, за перси емлюще, трясаху злѣ его». Патріархъ съ трудомъ вырвался отъ бунтарей. Между тѣмъ Шуйскій изъ подмосковнаго стана вызвалъ къ себѣ отряды войска и ждалъ мятежниковъ, которые встрѣтили возраженія и отъ многихъ изъ толпы, указывавшихъ на то, что Шуйскаго «выбрали» «быти царемъ большія бояре и... всѣ служивыя люди, и ііанства и всякаго неистовства» въ немъ не замѣчается. Тѣмъ не менѣе мятежная толпа хлынула ко дворцу, гдѣ царь Василій «въ лице имъ ста» и сказалъ: «Что пріидосте ко мнѣ съ шумомъ? Аще мя убити хощете, то готовъ есмь умрети. Аще ли отъ престола царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся большія боляре, да и всѣхъ чиновъ люди, да и азъ съ ними. И какъ вся земля совѣтъ положитъ, тако и азъ готовъ по тому совѣту творити». Рѣшимость царя, подкрѣпленная отрядами войска, смутила бунтарей, и вожаки ихъ бѣжали въ Тушино. Подобныя описанной сцены и движенія противъ царя Василія въ Москвѣ происходили часто. Они прекратились было съ паденіемъ Тушина, но не надолго. Вернувшійся изъ Тушина Филаретъ, который, какъ многіе изъ видныхъ вольныхъ и невольныхъ сторонниковъ Вора, заключилъ къ тому времени особый, еще подлежащій нашему ознакомленію съ нимъ, договоръ съ Сигизмундомъ относительно королевича Владислава, всталъ во главѣ вліятельной партіи недовольной Шуйскими новой дворцовой знати. Эта партія готова была воспользоваться первой неудачей Шуйскихъ, чтобы свергнуть царя Василія.

Такая неудача и неудача рѣшительная постигла Шуйскаго въ битвѣ подъ Клушинымъ. Послѣ нея у царя Василія не было ни войскъ, ни сторонниковъ. Населеніе Москвы съ ужасомъ думало о вновь надвинувшейся опасности тяжкой войны подъ стѣнами столицы. Опасность неминуемая быстро надвигалась съ двухъ сторонъ. Отъ Можайска шелъ къ Москвѣ энергичный гетманъ Жолкѣвскій. Отъ Калуги направился туда же Воръ. И тотъ, и другой имѣли въ своемъ распоряженіи сравнительно небольшія силы, но для Москвы, совсѣмъ почти лишенной защиты, и эти силы представлялись грозными. Тогда всѣ москвичи поднялись на царя Василія и свели его съ престола. Два общественныхъ центра, какъ это выяснено С. Ѳ. Платоновымъ, руководили движеніемъ. Одинъ изъ нихъ былъ подъ руководствомъ Филарета Никитича Романова, въ другомъ первенство принадлежало родовитому князю Вас. Вас. Голицыну, а дѣятельная роль—Прокопью Ляпунову, который, возмутивъ Рязань, прислалъ въ Москву къ Голицыну и своему брату Захару съ побужденіемъ «съ государства ссадить» царя Василія. Въ это время приближавшіеся отряды Вора вступили въ сношенія съ жителями столицы, говоря имъ: «Вы убо оставьте своего царя,—глаголюще Василія,—и мы такожде отставимъ своего и изберемъ вкупѣ всею землею царя и станемъ обще на Литву». Такія рѣчи, подкрѣпленныя «страшными клятвами», понравились измученнымъ москвичамъ, которые «радостны быша, дабы кровь христіанская утолити». Тогда «весь царствующій градъ» поднялся на царя Василія, имѣя во главѣ Захара Ляпунова и нѣкоего Хомутова. Къ нимъ присоединился и Ив. Никит. Салтыковъ. Народныя толпы съ Красной площади двинулись за Арбатскія ворота, гдѣ, несмотря

П. С. Афанасьевъ.

Кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ при Іоаннѣ Грозномъ.

Изъ собраній Г. В. Балицкаго.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

на уговоры Гермогена, рѣшили просить Шуйскаго, чтобы «онъ царство оставилъ». Шуйскій былъ низложенъ и перевезенъ въ старый свой домъ. Его братья были взяты «за приставы». Москвичи ликовали, ожидая, что и Воръ будетъ оставленъ своими приверженцами. Ихъ ожидало на другой день горькое разочарованіе. На свиданіи со сторонниками Вора «антихристова» «чяда» со смѣхомъ отказались: «Вы убо праведно сотвористе, неправеднаго царя изринувше; и служите царю нашему истинному, прямому вашему».

Итакъ, свергнувши царя Василія, Москва ничего не выигрывала и оставалась безъ власти передъ лицомъ двухъ враговъ. Патріархъ Гермогенъ началъ уговаривать москвичей снова признать Шуйскаго. Опасаясь возможности этого, Захаръ Ляпуновъ и другіе руководители возмущенія поспѣшили насильно постричь царя Василія и его жену. Правда, патріархъ не призналъ законности такого дѣла, но политическая карьера «самовѣнечника» была кончена.

V.

Съ паденіемъ правительства Шуйскаго и съ полнымъ крушеніемъ государственнаго порядка въ Московскомъ государствѣ кончается второй,—соціальный,—періодъ Смуты. Обстоятельства повелительно требовали возстановленія порядка во имя сохраненія государственной и народной самостоятельности, которой со всѣхъ сторонъ угрожали враги, подобравшіеся уже къ самому сердцу Московской Руси. Неминуемо на сцену выступилъ и все сильнѣе становился національный вопросъ, передъ которымъ мало-по-малу стушевывались, хотя и сохраняли довольно большое значеніе, соціальные мотивы. Поэтому во всѣхъ трехъ попыткахъ возстановленія государственнаго порядка національный интересъ играетъ очень большую роль.

Первой изъ этихъ попытокъ былъ выборъ королевича Владислава на русскій престолъ, т.-е. государственный порядокъ хотѣли возстановить путемъ династической уніи Руси съ Рѣчью Посполитой. Къ мысли о такой уніи рано пришла часть москвичей, а именно тѣ изъ родовитыхъ людей, которые находились въ станѣ Вора, но «не прямили ему». Такіе люди, виднѣйшее мѣсто среди которыхъ принадлежало Филарету Ник. Романову, еще во времена Василія Шуйскаго заключили 4-го февраля 1610 года договоръ съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи на русскій престолъ королевича Владислава. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Платоновъ, «договоръ отличается вообще національно-консервативнымъ направленіемъ. Онъ стремится охранить московскую жизнь отъ всѣхъ воздѣйствій со стороны польско-литовскаго правительства и общества, обязывая Владислава блюсти неизмѣнно православіе, административный порядокъ и сословный строй Москвы». Изъ-за этихъ стремленій власть Владислава по договору была ограничена думой и судомъ бояръ и совѣтомъ «всея земли». Соблюдая «звычаи всѣ давные добрые», новый царь обязанъ былъ «великихъ становъ невиннѣ не понижати, а меншей станъ подносити водлугъ заслугъ». Но были и нѣкоторыя либеральныя новшества въ февральскомъ договорѣ. Они ка-

сались свободнаго выѣзда русскихъ людей за границу «для науки» и пропуска русскихъ купцовъ черезъ Польшу и Литву въ чужія страны. Какъ забота о повышеніи сообразно заслугамъ, а не «породѣ» и либеральныя новшества, такъ и отсутствіе упоминанія «о княженецкихъ родахъ» пропитаны духомъ политики Грознаго и Годунова и указываютъ, что договоръ—дѣло новой дворцовой знати.

По низведеніи Шуйскаго партія новой дворцовой знати сумѣла при помощи нѣкоторыхъ родовитыхъ бояръ, какъ, напримѣръ, князя Ѳ. И. Мстиславскаго, свести на-нѣтъ попытку Зах. Ляпунова, сторонника Голицына, выкрикнуть царемъ князя Вас. Вас. Затѣмъ, не называя своего кандидата, та же партія сумѣла заставить наиболѣе видныхъ москвичей придти къ среднему рѣшенію: не выбирать въ государи никого изъ русскихъ. Послѣ этого власть перешла въ руки знаменитой «семибоярщины», т.-е. комиссіи изъ семи бояръ, въ которой первенствовалъ князь Ѳ. И. Мстиславскій, а членами были видные представители какъ «княжатъ», такъ и дворцовой знати. Новое правительство занялось помимо текущей дѣятельности вопросомъ о царскомъ избраніи. Для этой цѣли оно вызывало уполномоченныхъ изъ городовъ, но, не дождавшись ихъ, составило Земскій Соборъ изъ находившихся въ Москвѣ людей. Помимо патріарха съ освященнымъ соборомъ, боярской Думы, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ и гостей московскихъ на этомъ соборѣ присутствовали также тѣ представители провинціальнаго дворянства и купечества, которые были въ столицѣ. Спустя мѣсяцъ послѣ низверженія царя Василія, т.-е. 17-го августа 1610 г., на русскій престолъ былъ избранъ Владиславъ. Великое посольство, въ которое вошли многіе изъ членовъ избирательнаго собора во главѣ съ митрополитомъ Филаретомъ и кн. Вас. Вас. Голицынымъ, двинулись подъ осажденный королемъ Смоленскъ «прошать королевича на царство». Послы повезли съ собой и новыя условія. Они частью повторяютъ собой февральскій договоръ, частью измѣняютъ его. Измѣненія коснулись, во-первыхъ, религіи будущаго государя. Онъ долженъ былъ непремѣнно принять православіе. На этомъ настоялъ Гермогенъ. Во-вторыхъ, исчезли всѣ либеральныя новшества относительно людей «меньшого стана» и заграничныхъ поѣздокъ. Въ-третьихъ, была сдѣлана оговорка: «московскихъ княжецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». Такъ на условіяхъ избранія Владислава отразилось вліяніе старой знати, московскаго «княжья».

Лишь только отправилось изъ Москвы великое посольство съ огромной свитой, какъ въ Москвѣ стало неспокойно. Русскій гарнизонъ очень уменьшился отъ «посылокъ» въ города и отправки сильнаго отряда для охраны пословъ. Въ то же время начались отъѣзды къ Вору. Такъ убѣжали изъ Москвы ко второму Лже-Димитрію дворяне Михайло Бугучаровъ, Ѳеодоръ Чулковъ «съ товарищи» и дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы «иныхъ московскихъ молодшихъ людей на зло приводити». Тогда бояре додумались до единственнаго по ихъ мнѣнію выхода изъ затруднительнаго положенія. Этотъ выходъ привелъ ихъ къ тому, что они «точію два мѣсяца власти насладишася», и состоялъ въ допущеніи занятія Кремля польско-литовскимъ гарнизономъ. Бояре желали создать себѣ орудіе господства и сами подпали

подъ ихъ чужеземныхъ господъ. Въ столицѣ стала дѣйствовать польская диктатура, и власть въ той части страны, которая была вѣрна Москвѣ и ея правительству, стала принадлежать вождю польскаго кремлевскаго гарнизона и его русскимъ приспѣшникамъ. Изъ нихъ выдѣлялись родовитый М. Г. Салтыковъ и извѣстный намъ «худой торговый мужичишка», а со временъ Тушина думный дворянинъ «Ѳедька Андроновъ».

Обстоятельства *), при которыхъ польскія войска вступили въ Москву, были таковы. Опасаясь волненій въ простонародьѣ, среди котораго было немало лицъ, склонныхъ пристать къ Вору, бояре предложили Жолкѣвскому занять войсками Москву. Жолкѣвскій согласился и послалъ расписать квартиры въ городѣ. Тогда какой то монахъ ударилъ въ набатный колоколъ и заявилъ собравшимся о томъ, что поляки хотятъ овладѣть Москвой. Поднялось большое неудовольствіе въ народѣ; испуганные бояре предложили Жолкѣвскому обождать. Осторожный гетманъ и самъ сталъ бояться, что разсѣянныхъ по городу поляковъ и литовцевъ могутъ легко побить москвичи въ случаѣ возстанія. Онъ и самъ отказался было отъ мысли стать лагеремъ въ столицѣ, несмотря на уговоры своихъ подчиненныхъ, жаждавшихъ овладѣть Москвой. Въ то же время патріархъ Гермогенъ, собравъ многихъ москвичей, сталъ оказывать противодѣйствіе плану бояръ. Послѣдніе уговаривали патріарха положиться на гетмана и прочли ему строгій уставъ, составленный Жолкѣвскимъ для оккупаціоннаго корпуса. Гермогенъ въ свою очередь указывалъ боярамъ на то, что Жолкѣвскій въ противность условію не высылаетъ войскъ противъ Вора. Въ эту минуту явился посланецъ А. Гонсѣвскаго, второго военачальника поляковъ, съ извѣстіемъ, что гетманъ завтра же посылаетъ войска противъ Самозванца, если московскіе отряды будутъ готовы къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Тогда патріархъ уступилъ, народъ успокоился, и Жолкѣвскій ввелъ войска въ столицу. Въ ночь на 21 сентября поляки тихо заняли Кремль, Китай-городъ и Бѣлый-городъ, кромѣ того, помѣстились они въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ и заняли города Можайскъ, Борисовъ и Верею, чтобы обезпечить себѣ безопасное сообщеніе съ Сигизмундомъ.

Первое время польской оккупаціи прошло мирно, благодаря тактичнымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ Жолкѣвскаго. Правда, ловкій и вкрадчивый гетманъ устроилъ такъ, что завѣдываніе Стрѣлецкимъ Приказомъ и стрѣльцами было поручено А. Гонсѣвскому, но всѣ пункты его соглашенія съ боярами свято выполнялись. Для рѣшенія распрей между русскими и поляками было назначено по равному числу судей отъ обѣихъ сторонъ. Судьи судили безпристрастно и строго карали поляковъ за насилія и буйство. Такъ, шляхтичъ Блинскій въ пьяномъ видѣ выстрѣлилъ въ икону Божьей Матери; его приговорили къ отсѣченію рукъ, которыя были прибиты затѣмъ къ стѣнѣ, и сожженію. Другого поляка за насильственный уводъ дочери у одного москвича высѣкли кнутомъ. Привлекая къ себѣ сердца русскихъ людей ласковостью, доступностью и справедливостью, Жолкѣвскій поладилъ даже съ непримиримымъ врагомъ иноземцевъ Гермогеномъ. Но вскорѣ гетманъ

*) Обстоятельства вступленія польскихъ войскъ въ Москву и московскихъ событій 19 марта 1161 г. см. у С. М. Соловьева, ibidem стр. 938—941 и 983—985.

уѣхалъ изъ Москвы, сдавъ начальствованіе надъ оккупаціонной арміей Гонсѣвскому. Отъѣздъ Жолкѣвскаго объясняется тѣмъ пріемомъ, который встрѣтило у Сигизмунда великое посольство, пріѣхавшее подъ Смоленскъ. Принятые сначала съ честію, послы не получили прямого отвѣта на свое челобитье о томъ, чтобы король отпустилъ сына на Московскій престолъ. Затѣмъ посламъ было дано понять, что король самъ желаетъ занять Московскій престолъ. Зная приверженность Сигизмунда къ католицизму, послы заявили о невыполнимости желаній короля и прибавили, что такого дѣла ни имъ безъ патріарха, начальнаго человѣка русской земли, и Земскаго Собора нельзя рѣшать, ни патріарху и собору — безъ нихъ: въ посольствѣ было много членовъ собора. Послѣ многихъ неудачныхъ переговоровъ, во время которыхъ великіе послы, т.-е. Филаретъ и Голицынъ, а также и нѣкоторые изъ ихъ товарищей, напримѣръ, думный дьякъ Томило Луговской, обнаружили патріотическую твердость, непокорные королю члены посольства были схвачены и отправлены въ Польшу, какъ плѣнники. Большинство же пословъ, прельщенные дарами и ласками Сигизмунда, поспѣшили исполнить его желаніе и уѣхать изъ-подъ Смоленска. Къ числу ихъ принадлежалъ и пресловутый келарь Троице-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ, столь прославленный впослѣдствіи за свой яко бы самоотверженный патріотизмъ.

Жолкѣвскій вскорѣ узналъ о намѣреніяхъ Сигизмунда. Хорошо понимая положеніе дѣлъ въ Москвѣ и видя всю несбыточность затѣй короля, гетманъ не захотѣлъ служить погубленному его государемъ дѣлу. Поэтому онъ и удалился изъ Москвы, ласково провожаемый москвичами и увозя съ собой, какъ дешовый трофей, бывшаго царя Василія Шуйскаго и его братьевъ. По отъѣздѣ Жолкѣвскаго дѣло поляковъ въ Москвѣ стало принимать тревожный оборотъ. Самъ по себѣ фактъ занятія польско-литовскимъ гарнизономъ Москвы долженъ былъ волновать и возмущать москвичей, да и жителей другихъ городовъ. При томъ Гонсѣвскій былъ человѣкомъ совсѣмъ иного характера, чѣмъ его бывшій начальникъ. Онъ не стѣснялся съ жителями занятой столицы и не удерживалъ свои войска отъ частыхъ буйствъ, грабежей и насилій. Нечего и говорить, что и религіозное чувство москвичей было оскорблено тѣмъ, что поляки позволяли себѣ въ широкихъ размѣрахъ святотатства и что въ Кремлѣ отправлялась католическая служба. Жители столицы волновались все болѣе, а потому Гонсѣвскій принялъ рядъ мѣръ и оскорбительныхъ, и стѣснительныхъ для населенія. Такъ, у всѣхъ городскихъ воротъ поставили польскую стражу и сломали уличныя рѣшотки. Запретили русскимъ ношеніе сабель. Затѣмъ стали отбирать топоры; отбирали ихъ даже у плотниковъ, шедшихъ работать; наконецъ, запретили носить ножи; все еще боясь возстанія—запретили окрестнымъ крестьянамъ возить мелкія дрова на продажу, чтобы москвичи не надѣлали изъ нихъ кольевъ.

Если прибавить къ этому, что всякаго москвича, шедшаго по улицѣ поздно вечеромъ, могла постигнуть смерть отъ польскихъ патрулей и что къ заутренѣ не давали ходить даже священникамъ, станетъ яснымъ, какъ невыносимо тяжело жилось тогда въ Москвѣ.

В. ВАСНЕЦОВЪ. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

Одинъ изъ современниковъ Смуты, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, переживший времена шведской оккупаціи въ Новгородѣ, живо рисуетъ намъ чувства впечатлительныхъ людей, побывавшихъ въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ до такой степени «огорчихся и зжалихся, пребывая въ себѣ», что «по многи дни» ходилъ «яко изступивъ умомъ», все время думая о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ городъ. И дѣйствительно, тяжело было для степеннаго, привыкшаго къ порядку и строгому «чину» человѣка, любившаго родную вѣру и ея обрядъ, исключительнаго націоналиста, видѣть «Еллина» или «поганую Латыну» съ «богоборной Литвой» распорядителемъ судебъ своего родного города. А такіе Тимоѳеевы въ Москвѣ были на каждомъ шагу. Далеко не всѣ были такъ начитаны и склонны къ анализу своихъ мыслей и чувствъ, какъ дьякъ Тимоѳеевъ, но весьма многіе такъ чувствовали и мыслили. Конечно, и среди москвичей были люди, «прямившіе» и служившіе Сигизмунду. Къ такимъ принадлежалъ бояринъ Мих. Г. Салтыковъ, буйный, часто подъ хмелькомъ, дерзкій и заносчивый, и его ближайшій сподвижникъ «казначей» Ѳеодоръ Андроновъ, со всевозможнымъ усердіемъ радѣвшій королю. Были и другіе сторонники поляковъ, рангомъ пониже. Всѣхъ ихъ одинъ изъ современниковъ Смуты кн. Ив. А. Хворостининъ называетъ «козлищами», мѣшавшими доброму пастырю Гермогену. Впрочемъ, и самъ Хворостининъ врядъ ли принадлежалъ къ овцамъ. Въ юности онъ прославился позорной близостью къ первому Самозванцу и былъ «надменнымъ и много себѣ позволявшимъ мальчишкой». При Шуйскомъ Хворостининъ будировалъ противъ царя Василія, а подъ конецъ жизни уклонился было въ латынство, но подъ вліяніемъ строгихъ каръ быстро раскаялся. Вообще это былъ человѣкъ падкій на новинку, безъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, при томъ съ дерзостью соединявшій трусость. И такіе люди водились въ Москвѣ XVII вѣка.

Итакъ, патріарху Гермогену много мѣшали окружавшіе его «козлища». А ему какъ разъ нужна была поддержка. Сторонники Сигизмунда настойчиво требовали отъ него согласія на признаніе короля московскимъ царемъ. Такъ, М. Г. Салтыковъ 30 ноября 1610 г. явился къ патріарху и склонялъ его къ уступчивости. Несмотря на рѣшительный отказъ Гермогена, на другой день къ нему явились и другіе бояре съ просьбой «благословить крестъ цѣловати королю». Патріархъ рѣшительно отвергъ просьбу, и тогда Салтыковъ разразился площадной бранью по адресу первосвятителя и даже, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, бросался на него съ ножомъ. Гермогенъ былъ непреклоненъ и заявилъ, что не только Сигизмундъ не надобенъ Россіи, «но и тако его отрасль (т.-е. Владиславъ), аще не пріидетъ въ наше хотѣніе». Салтыковъ понялъ, что зашелъ далеко. Онъ явился къ патріарху съ повинной, извиняясь тѣмъ, что «шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ». Состоялось примиреніе, но Гермогенъ, хорошо зная цѣну дешеваго раскаянія Салтыкова и видя необходимость дать скорый отпоръ все болѣе назойливымъ настояніямъ клевретовъ Сигизмунда, обратился къ представителямъ московскаго посадскаго міра. Собранные патріархомъ въ Успенскій соборъ московскіе гости и торговые

люди выслушали энергичную рѣчь своего первосвятителя и по его увѣщанію «отказали, что имъ креста королю не цѣловать».

Въ это же время подъ вліяніемъ событій и нѣкоторые изъ «козлищъ» стали прозрѣвать. Такъ, въ концѣ 1610 года въ Москвѣ появилось обширное подметное письмо—прокламація XVII вѣка—одинъ изъ списковъ котораго дошелъ до насъ и сталъ извѣстенъ въ научной литературѣ подъ именемъ «Новой повѣсти». Авторъ ея былъ, по его собственнымъ словамъ, «зѣло пожалованъ» отъ поляковъ и ихъ приспѣшниковъ, къ которымъ «прилѣпился тако же, яко же и прочая братія наша, для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества». Онъ боялся явно «отъ нихъ отстати» и даже сказать кому-нибудь изъ москвичей: его могли бы казнить. А авторъ «Повѣсти» боялся смерти; въ особенности же не хотѣлъ онъ «жена и дѣти осиротити, межъ дворъ пустити, или будетъ всего того горши,—на позоръ дати». Поэтому авторъ «Повѣсти» ограничился бойко написаннымъ подметнымъ письмомъ. Въ немъ онъ увѣщевалъ православныхъ стоять за вѣру и русскую землю, указывалъ, какъ на образецъ стойкости, на Смоленскъ и поведеніе великихъ пословъ, желчно обвинялъ «землесъѣдцевъ» бояръ, нападалъ на Андронова, неприлично каламбуря его фамиліей, и громилъ поведеніе поляковъ въ занятой ими Москвѣ. Написанная живо и страстно, «Новая повѣсть» позволяетъ, какъ совершенно вѣрно отмѣчено проф. Платоновымъ въ его «Древнерусскихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ о Смутѣ», видѣть въ ея составителѣ наметаннаго въ писательствѣ приказнаго дьяка. И не въ одномъ писательствѣ былъ опытенъ авторъ «Повѣсти». Мастеръ онъ былъ и на умѣнье хоронить концы въ воду, склоненъ онъ былъ къ іезуитскимъ пріемамъ и изворотамъ. Поставивъ своей цѣлью поднять москвичей на поляковъ, составитель «Повѣсти» обѣщаетъ имъ благословеніе патріарха. Передъ послѣднимъ онъ благоговѣетъ. Составитель «Повѣсти» слагаетъ Гермогену самый восторженный и по тону искренній панегирикъ. Однако онъ не думаетъ, чтобы «великій» «столпъ» и «крѣпкій адамантъ» дерзнулъ открыто призывать народъ къ возстанію. Авторъ «Повѣсти» полагалъ, что этому помѣшаетъ санъ патріарха. Когда же дѣло будетъ сдѣлано, думалось составителю подметнаго письма, то «не будетъ отъ него» на возставшихъ «клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе».

Но Гермогенъ не сталъ прибѣгать къ іезуитскимъ уловкамъ. Онъ ясно видѣлъ, что настала минута дѣйствовать рѣшительно, и не терялъ времени. Изъ всего того, что намъ извѣстно о Гермогенѣ, можно заключить, что, при огромной начитанности въ тогдашней церковной письменности, патріархъ обладалъ выдающимся краснорѣчіемъ, которому не мѣшали и недостатки произношенія. При крутомъ и властномъ нравѣ Гермогенъ былъ добрымъ человѣкомъ, охотно помогавшимъ бѣднякамъ. Вѣрный сынъ православія и горячій націоналистъ по убѣжденіямъ, Гермогенъ стойко держался опредѣленныхъ взглядовъ. Смуту и тѣ послѣдствія, къ которымъ она приведетъ, патріархъ давно понялъ. Онъ никогда не довѣрялъ иноземцамъ и теперь видѣлъ, что его недовѣріе было законнымъ. Умѣя выбирать людей, онъ нашелъ себѣ пособниковъ, которые, не выдавая его дѣла, вѣрой и правдой служили родинѣ, разнося по городамъ горячо

написанныя граматы ея патріарха, съ призывами стоять за вѣру и русскую землю.

Началъ Гермогенъ разсылку своихъ граматъ въ концѣ декабря 1610 г., когда москвичи вздохнули свободнѣе, узнавъ о насильственной смерти Вора отъ руки одного изъ собственныхъ его приближенныхъ. Однимъ опаснымъ врагомъ стало меньше, и тѣмъ болѣе невыносимымъ сталъ населенію Москвы гнетъ другого, засѣвшаго въ городѣ и властвовавшаго въ немъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали москвичи, не прійдетъ ли освобожденіе изъ другихъ городовъ. Между тѣмъ по зову Гермогена и по обсылкамъ другъ съ другомъ многіе города поднялись на выручку столицы и ея святынь отъ иностранцевъ-иновѣрцевъ. Первой поднялась Рязань, благодаря своему воеводѣ Прокопію Петровичу Ляпунову. Къ нему то, зная его тогдашнее настроеніе и вліятельное положеніе, а также энергію и способности, и обратился прежде всего «новый Златоустъ». За Рязанью двинулись и другіе города и со всѣхъ сторонъ по зимнему пути шли освобождать Москву. Узнавъ о движеніи и развѣдавъ о роли въ немъ Гермогена, поляки въ февралѣ 1611 года поручили преданнымъ имъ русскимъ вельможамъ потребовать отъ патріарха, чтобы тотъ далъ приказъ ополченію Ляпунова и иныхъ воеводъ вернуться назадъ. На слова, сказанныя Гермогену М. Г. Салтыковымъ, послѣдовалъ твердый отвѣтъ: «Азъ къ нимъ стану писать: ежели ты измѣнникъ, Михайло Салтыковъ, съ литовскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы, и я имъ не велю ходити, а буде вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю помереть за православную христіанскую вѣру». Послѣ такого отвѣта патріархъ былъ взятъ за приставы, и къ нему было запрещено пускать кого-либо.

Къ марту ополченія изъ городовъ приблизились къ Москвѣ. Въ угрожаемомъ осадой городѣ взаимная боязнь и вражда двухъ сторонъ—русской и польской—достигли апогея, и нужно было опасаться взрыва. Въ Вербное воскресенье, 17-го марта 1611 г., освобожденный для этого случая патріархъ совершалъ обычное шествіе на ослятѣ. Народъ не пошелъ на эту церемонію, повѣривъ слухамъ, что готовится со стороны поляковъ грандіозное избіеніе безоружныхъ массъ. Нѣкоторые поляки въ самомъ дѣлѣ передаютъ, что Салтыковъ сказалъ имъ: «Нынче былъ случай, и вы Москву не били,—ну такъ они васъ во вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду, возьму жену и поѣду къ королю». Услыхавъ такія рѣчи, поляки стали готовиться отражать возстаніе и втаскивать пушки на кремлевскія и китайгородскія стѣны. Въ Москву тѣмъ временемъ пробрались ратные люди изъ ополченій; пробрались и нѣкоторые начальные люди, между прочимъ зарайскій воевода, знаменитый впослѣдствіи князь Д. М. Пожарскій. Вторникъ 19-го марта начался спокойно: москвичи не начинали нападеній; надо думать, что они въ свою очередь собирались лишь обороняться. При напряженномъ состояніи обѣихъ сторонъ достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ разразилась катастрофа. И дѣйствительно, ссора одного изъ поляковъ съ русскими извозчиками, перешедшая въ крики и крупную брань, заставила нѣмецкій отрядъ, бывшій на польской службѣ, вообразить, что началось возстаніе. Нѣмцы ринулись на безоружныхъ москвичей и пере-

били ихъ до 7,000 въ Китай-городѣ. Въ Бѣломъ городѣ было иначе: русскіе ударили въ набатъ и вооружились, кто чѣмъ могъ. На улицахъ устроили загражденія изъ столовъ, скамеекъ и бревенъ (русскія баррикады XVII вѣка) и изъ нихъ сражались съ поляками. Ратные люди, пробравшіеся ранѣе въ Москву, дѣятельно помогали москвичамъ. Особенно отличился князь Пожарскій. Доведенные до отчаянія поляки и вѣрные имъ русскіе рѣшили тогда выжечь Москву и Замоскворѣчье. Говорятъ, что М. Г. Салтыковъ подалъ этому примѣръ поджогомъ собственнаго дома. Москвичи оказали упорнѣйшее сопротивленіе, но были побѣждены и принуждены, несмотря на жестокій морозъ, ютиться въ полѣ. Раненый Пожарскій былъ съ поля битвы отвезенъ въ Троицкій монастырь. Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ жителей столицы били челомъ Гонсѣвскому, изъявляя покорность. Они должны были снова цѣловать крестъ королевичу. Покорнымъ москвичамъ велѣно было подпоясываться полотенцемъ, какъ особымъ знакомъ.

Кн. Пожарскій передъ битвой.

Тѣмъ временемъ, послѣ удачныхъ авангардныхъ боевъ, ополченія изъ городовъ подошли къ Бѣлому городу. Осада пошла успѣшно, но вскорѣ у осаждающихъ вспыхнулъ гибельный раздоръ. Причины этого раздора коренились въ составѣ ополченія. Дѣло въ томъ, что «на очищенье» Москвы отъ поляковъ сошлись два враждебныхъ по существу элемента. Наряду съ земщиной, т.-е. съ ополченіемъ служилыхъ и посадскихъ людей, настроенныхъ консервативно, въ пользу строя отношеній, установившихся при Грозномъ и Годуновѣ, подъ Москву явились многочисленные отряды бывшихъ тушинцевъ. Это были казаки — враждебная прежнему строю среда. Они не выработали себѣ какого-нибудь опредѣленнаго идеала, но были озлоблены на земщину и не упускали случая побить и пограбить ея представителей, хотя были готовы примириться съ ней подъ условіемъ принятія ихъ въ среду служилыхъ по отечеству людей. Одного только не хотѣли тѣ весьма многочисленные изъ казаковъ, которые недавно ушли изъ крестьянства и холопства: возвращенія къ старымъ своимъ господамъ на прежнихъ основаніяхъ. До поры до времени, однако, и тушинцы, во главѣ которыхъ стояли «бояре» Д. Т. Трубецкой и И. И. Заруцкій, и земщина съ своимъ вождемъ П. П. Ляпуновымъ дѣйствовали дружно.

В. ВАСНЕЦОВЪ—ПОБОИЩЕ.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

Имъ удалось даже сорганизовать временное правительство и создать законодательный органъ—«Земскій Соборъ» при подмосковной рати. 30-го іюня 1611 года этому собору удалось провести рядъ важныхъ постановленій. Ихъ можно разсматривать, какъ результатъ компромисса между двумя частями ополченія, при чемъ явный перевѣсъ былъ на сторонѣ земщины. Казакамъ была сдѣлана та уступка, что «старо» служившіе изъ нихъ могли верстаться «съ городы», т.-е. служить наряду съ дѣтьми боярскихъ и на равныхъ съ тѣми правахъ. За то «новые» казаки должны были вернуться въ холопство и крестьянство, изъ котораго не задолго передъ этимъ вышли на волю. Такого успѣха земщины казаки и ихъ предводители не могли простить земщинѣ и Ляпунову. Послѣдній былъ обвиненъ въ измѣнѣ. 22-го іюня 1611 года его вызвали въ казацкій кругъ для объясненій. Начался споръ, пылкій Ляпуновъ не сдержался и палъ мертвымъ подъ ударами казачьихъ сабель. Испуганная земщина разошлась по домамъ, и подъ Москвой остались лишь казаки, сами по себѣ безсильные одолѣть поляковъ и освободить отъ нихъ Москву.

Неудача Ляпуновскаго ополченія была тяжелымъ испытаніемъ для русскихъ людей. Казалось, нѣтъ просвѣта, и оставалась лишь молитва, къ которой и обратились тогда многіе. Но живъ былъ патріархъ Гермогенъ, правильно понявшій, что надо сдѣлать для спасенія Москвы и для возстановленія государственнаго порядка. Несмотря на крѣпкую стражу, къ «новому исповѣднику» проникали преданные люди, какъ, напримѣръ, нижегородецъ Романъ Пахомовъ и свіяженинъ Родя Мосѣевъ. Черезъ нихъ то и сносился патріархъ съ русскими людьми. Родя Мосѣевъ и принесъ 25-го августа 1611 г. въ Нижній-Новгородъ грамату Гермогена съ совѣтами и наставленіями патріарха. Съ момента полученія этой граматы и ведетъ свое начало нижегородское ополченіе. Выясненіе обстоятельствъ его возникновенія составляетъ неоспоримую и крупную заслугу въ русской исторической незабвеннаго И. Е. Забѣлина литературѣ. До появленія его замѣчательнаго изслѣдованія «Мининъ и Пожарскій» всецѣло придерживались взгляда, что Троице-Сергіевъ монастырь своими граматами возбудилъ нижегородцевъ. И. Е. Забѣлину удалось доказать, что движеніе въ Нижнемъ началось до появленія тамъ граматъ изъ монастыря. Да и вся исторія нижегородскаго ополченія доказываетъ, что движеніе шло помимо Троицкихъ граматъ. Знаменитый монастырь оказалъ большія услуги Руси въ Смуту своей стойкостью во время осады его тушинцами и широкой благотворительностью, развитой имъ по почину и подъ руководствомъ архимандрита Діонисія въ междуцарствіе. Но вызвать къ жизни нижегородское ополченіе не могли троицкія граматы. Они звали подъ Москву на соединеніе съ казаками, а земщина разувѣрилась въ казакахъ. Гермогенъ призывалъ земщину сплотиться и идти подъ Москву, не вѣря казакамъ и опасаясь ихъ. Такая разница во взглядахъ мѣтко разъяснена проф. Платоновымъ, какъ слѣдствіе того, что «сидя въ тюрьмѣ на Кирилловскомъ подворьѣ, Гермогенъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ партій и вліяній, дѣйствовавшихъ въ московскомъ обществѣ; а монастырскія власти, трудясь на

просторѣ, были связаны по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ возобладавшей временно казаческой власти».

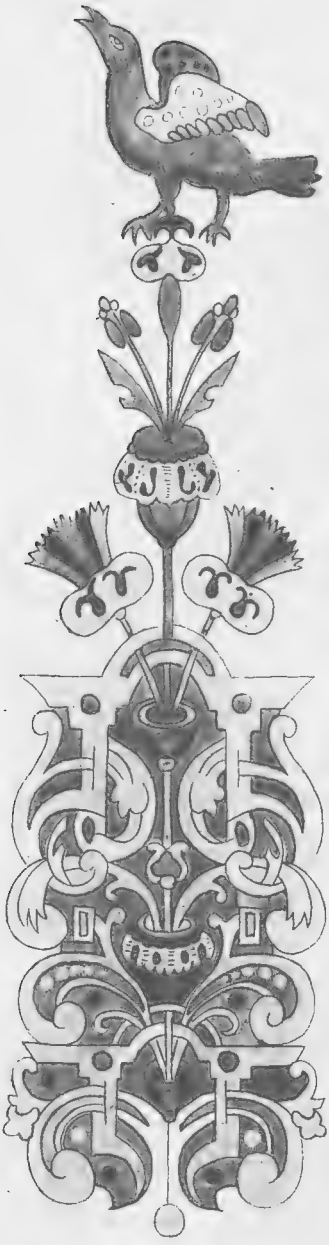
Нижегородскій «міръ» не могъ пойти послѣ смерти Ляпунова на соединеніе съ казаками. Онъ естественно принялъ программу Гермогена, послѣ граматы котораго началось движеніе. Иниціаторами его явились посадскій торговый человѣкъ Кузьма Мининъ и протопопъ Савва Ефимьевъ. Первый былъ геніальнымъ самородкомъ. Онъ имѣлъ огромныя организаторскія и административныя способности, а однажды выказалъ себя и умѣлымъ воиномъ. Умѣнье говорить соединялось у него съ твердостью характера и дѣловитостью. Служба по «мірскимъ» выборамъ дала Кузьмѣ Минину необходимый опытъ. Такой то человѣкъ «поболѣ Зоровавельски за люди Господня: Всемогущаго Бога на помощь призва и молвъ безчисленныхъ печалей на ся пріятъ». Онъ, посовѣтовавшись съ другими вліятельными нижегородскими людьми и будучи самъ замѣтнымъ въ своей средѣ, какъ «начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ въ братіи своей», началъ говорить о необходимости всѣмъ соединиться и идти на Москву, не жалѣя никакихъ жертвъ и усилій. На рѣчи Минина горячо отозвался посадскій и служилый элементъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, и стало собираться ополченіе. Благодаря обсылкамъ съ другими городами и сочувствію ихъ, движеніе изъ городского скоро стало областнымъ, а изъ областного обратилось въ общеземское. Въ нижегородскомъ движеніи замѣтна большая сплоченность среднихъ классовъ московскаго общества, наученныхъ горькимъ опытомъ прежней Смуты и «разрухи». Сплоченность эта проявилась и въ выборѣ вождей. Военачальникомъ еще въ Нижнемъ былъ избранъ по совѣту Минина князь Д. М. Пожарскій, а распорядителемъ по хозяйственной части Мининъ. Родовитый человѣкъ, князь Пожарскій, какъ это прекрасно выяснилъ покойный И. Е. Забѣлинъ, вовсе не былъ такой тусклой фигурой, какимъ изображалъ его Н. И. Костомаровъ.—Это былъ опытный полководецъ, проявившій себя и мужествомъ и искусствомъ и политической честностью. Онъ вѣрно служилъ царю Василію Шуйскому, а затѣмъ заявилъ себя въ прискорбный день 19-го марта 1611 года. Во время начала нижегородскаго движенія Пожарскій оправлялся отъ раны въ одномъ изъ своихъ нижегородскихъ владѣній. Какъ остроумно выяснено С. Ѳ. Платоновымъ, выборъ князя Пожарскаго въ вожди ополченія и объясняется помимо его личныхъ качествъ близкимъ отношеніямъ его къ Нижегородскому краю.

Патріархъ Гермогенъ отказывается подписать грамоту о распущеніи войска.

Организовавшись въ Нижнемъ-Новгородѣ, ополченіе двинулось въ Ярославль, гдѣ со всѣхъ сторонъ стягивались къ нему люди и запасы. Умѣнье хорошо поставить свою армію и удовлетворять ея нужды составляетъ несомнѣнную заслугу вождей ополченія, т.-е. Минина и Пожарскаго. Они не спѣшили къ Москвѣ, желая придти туда грозной и сплоченной силой, которой не страшны были бы ни поляки, ни казаки. Послѣдніе долго злобились на земскую рать и даже, какъ носились слухи, подсылали убійцъ къ Пожарскому. Наконецъ, они принуждены были смириться и соединиться съ земщиной, подчинившись ея условіямъ. Лишь Заруцкій со своими сторонниками и Воренкомъ, маленькимъ сыномъ Марины Мнишекъ, ушелъ изъ-подъ Москвы на верховья Дона и затѣмъ очутился въ Астрахани.

При такихъ обстоятельствахъ началась въ 1612 году осада Китая-города и Кремля. Тамъ не было уже Гермогена. Заключенный послѣ 19-го марта 1611 г. подъ еще болѣе чѣмъ прежде строгую стражу, патріархъ сумѣлъ все-таки вызвать къ жизни нижегородское ополченіе. Обезпокоенные новымъ движеніемъ поляки сдѣлали послѣднюю попытку повліять на крѣпкаго умомъ и духомъ старца и черезъ своихъ русскихъ сторонниковъ потребовали отъ Гермогена запрещенія нижегородцамъ идти подъ Москву. «Онъ же великій государь исповѣдникъ рече имъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, и вы окаянные, московскіе измѣнники, будете прокляты». Мужественный отказъ патріарха былъ его послѣднимъ подвигомъ. Въ февралѣ 1612 года Гермогенъ умеръ, уморенный голодомъ или, по другимъ извѣстіямъ, удавленный. Ему не удалось дожить до сдачи поляками Кремля русскому ополченію. Она произошла 26-го октября 1612 года послѣ того, какъ 22-го октября русскіе штурмомъ взяли стѣны Китай-города. Тяжелую картину увидали вступившіе въ Кремль русскія войска: церкви были поруганы, иконы разсѣчены, престолы ободраны, въ чанахъ была приготовлена ужасная пища—людскіе трупы.

Очистивъ Москву, вожди ополченія рѣшили заняться царскимъ избраніемъ. Для этой цѣли недостаточно было того «земскаго совѣта», который дѣйствовалъ при подмосковской рати, а сорганизовался еще въ Ярославлѣ. Рѣшено было произвести по городамъ выборы представителей, которые должны были съѣхаться къ Москвѣ. Въ послѣдней далеко не было спокойно; большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ разъѣхалось по домамъ, и казаки стали сильны. Одно время многіе изъ нихъ мечтали о кандидатурѣ Воренка; но эта мысль была ими оставлена. Наконецъ, съѣхались выборные, и начался соборъ. Прежде всего былъ выдвинутъ и принятъ принципъ: выбрать на престолъ природнаго русскаго человѣка. Когда затѣмъ стали выбирать изъ своихъ, дѣло дошло до крупныхъ размолвокъ. Наконецъ, было названо имя, примирившее всѣхъ. Была выставлена кандидатура Михаила Ѳеодоровича Романова, юнаго сына Филарета Никитича. На ней сошлись и земщина, и казачество. Есть даже возможность предположить, что именно съ казачьей стороны была выдвинута кандидатура царя Михаила. Отсюда, конечно, далеко до вывода, который сдѣлали въ свое время поляки, съ презрительной насмѣшкой называвшіе перваго



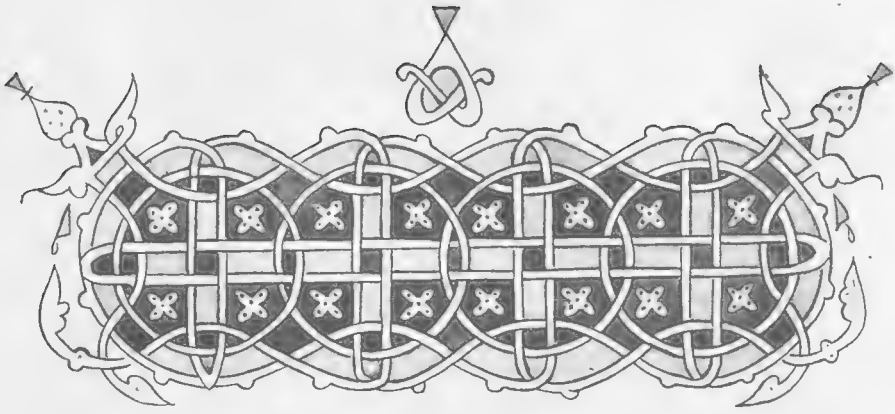
государя изъ династіи Романовыхъ казачьимъ царемъ. Но въ настоящее время установленъ фактъ, что во время царствованія Михаила Ѳеодоровича бо́льшое вліяніе на дѣла принадлежало «тушинскимъ» дѣльцамъ*).

Съ избраніемъ 21-го февраля 1613 года на Московскій престолъ Михаилъ Ѳеодоровича Романова Смуту, на ликвидированье слѣдовъ которой пошло и потомъ не мало времени, можно бы́ло счесть оконченной. Эта смута имѣла рядъ важныхъ послѣдствій. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ бы́ло торжество среднихъ классовъ населенія и сорганизованность ихъ, приведшая къ бо́льшой роли земскихъ собо́ровъ въ первую полови́ну XVII вѣка.

*) См. С. Ѳ. Платоновъ, «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ», Ж. М. Н. Пр. январь 1906 года и отдѣльно.

А. ВАСНЕЦОВЪ—НА КРЕСТЦѢ.

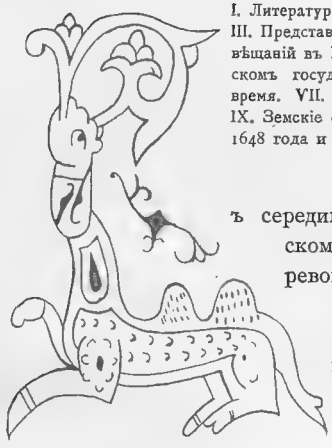
Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ



Изъ Псалтыря, писан. около 1500 г.

Московскіе земскіе соборы.

Проф. *С. Ѳ. Платонова.*



I. Литература о земскихъ соборахъ. II. Происхожденіе земскихъ соборовъ. III. Представительство на первомъ земскомъ соборѣ. IV. Другія формы совѣщаній въ XVI вѣкѣ. V. Начало выборнаго представительства въ Московскомъ государствѣ. VI. Роль выборнаго представительства въ Смутное время. VII. Земскіе соборы Смутнаго времени. VIII. Соборъ 1613 года. IX. Земскіе соборы времени царя Михаила Ѳеодоровича. X. Земскій соборъ 1648 года и Уложеніе. XI. Конецъ земскихъ соборовъ и ихъ замѣстители.

I.

Съ середины XVI до середины XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ рядомъ съ постоянною государевою думою дѣйствуетъ другой совѣщательный органъ, называемый въ наукѣ «земскимъ соборомъ», а въ памятникахъ того времени «совѣтомъ всея земли», «всею землею», или просто «соборомъ». Очень давно этотъ «совѣтъ всея земли» сталъ интересовать ученыхъ изслѣдователей, и они пытались дать ему научное опредѣленіе. Нашъ извѣстный юристъ, недавно умершій Б. Н. Чичеринъ отнесъ соборы къ тому типу сословныхъ представительныхъ собраній, который развился въ средневѣковыхъ европейскихъ государствахъ и исчезъ съ усиленіемъ монархическаго начала въ концѣ среднихъ вѣковъ*). Полную параллель нашихъ соборовъ съ западно-европейскими сословными собраніями старался установить В. И. Сергѣевичъ, полагавшій, что и причины возникновенія соборовъ на Руси были одинаковы съ причинами, породившими сословныя собранія на Западѣ: и тамъ, и здѣсь народное представительство служило

*) *Б. Н. Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ. М. 1866. (Второе изданіе: М. 1899).

орудіемъ государственнаго объединенія. Монархическая власть въ своей объединительной дѣятельности искала опоры себѣ въ сословіяхъ и созывала на совѣтъ ихъ представителей; когда же объединеніе достигалось, тогда необходимость въ такой опорѣ упразднялась, и сословныя собранія исчезали изъ практики *). Но въ то время, какъ Чичеринъ смотрѣлъ отрицательно на политическое значеніе московскихъ соборовъ и думалъ, что они исчезли «просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества», проф. Сергѣевичъ наблюдалъ въ соборахъ «условія жизненности». По его словамъ, «въ патріотической дѣятельности ихъ (т. е. соборовъ) Московскіе государи всегда находили поддержку всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Соборы всегда стояли на стражѣ закона и безопасности государства. Если государи перестали созывать соборы, то причину этого надо искать въ сторонніхъ вліяніяхъ». Самъ г. Сергѣевичъ это стороннее вліяніе приписывалъ московскимъ боярамъ. Взглядъ г. Сергѣевича былъ принятъ послѣдующими изслѣдователями соборовъ, и среди нихъ стало господствовать желаніе возможно полнѣе представить дѣятельность соборовъ и возможно яснѣе доказать ихъ жизнеспособность. Первой цѣли думали достигнуть тѣмъ, что въ изложеніе исторіи соборовъ включали не только дѣйствительные соборы, но и всѣ тѣ явленія московской жизни, въ которыхъ желали видѣть ту или иную форму «обращенія къ народу», или же проявленіе «соборнаго начала». Такимъ способомъ создано было понятіе о соборахъ «неполныхъ» и «фиктивныхъ», иначе говоря, о соборахъ, которые вовсе не были соборами. Внѣшняя исторія соборовъ, благодаря этому, стала запутанной и сбивчивой и не давала (напримѣръ, въ наиболѣе «полномъ» изложеніи г. Латкина **) никакого понятія о внутреннемъ развитіи изучаемаго учрежденія. Второй цѣли думали достигнуть тѣмъ, что доказывали активную роль соборовъ въ строеніи государственнаго порядка и не считали возможнымъ представлять ихъ «чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ» при монархѣ. Но такъ какъ ограничительнаго значенія соборы явно не имѣли, то оставалось утверждать, что ихъ роль была велика, но точно не опредѣлима, и что въ основѣ соборовъ «лежалъ фактъ, а не право». Это утвержденіе редактировалось иногда и иначе, словами извѣстнаго славянофила К. С. Аксакова, говорившаго, что на соборахъ «отношенія царя и народа опредѣляются: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія» ***). Подобными формулами правовое значеніе соборовъ, конечно, не могло быть точно выяснено; но существенно важная роль соборовъ въ жизни государства все-таки была показана.

Новый періодъ въ изученіи нашихъ соборовъ насталъ тогда, когда появились труды М. Ф. Владимірскаго-Буданова («Обзоръ исторіи русскаго права») и В. О. Ключевскаго («Составъ представительства на земскихъ

---

*) *В. И. Сергѣевичъ.* Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ («Сборникъ Государственныхъ Знаній», т. II, Спб. 1875).

**) Земскіе соборы древней Руси *В. Латкина* (Спб. 1885).

***) Исторія права Московскаго государства. *Н. П. Загоскина.* Томъ I, Казань, 1877, стр. 336 и слѣд. Полное собраніе сочиненій *К. С. Аксакова.* Т. I, М. 1861, стр. 150, 296 (по второму изданію: М. 1889, стр. 147, 283).

соборахъ древней Руси»)*). Первый изъ этихъ ученыхъ съ чрезвычайною точностью и ясностью мысли подвергъ критикѣ выводы своихъ предшественниковъ въ изученіи соборовъ, далъ правильное опредѣленіе самаго понятія о земскомъ соборѣ, бросилъ новый свѣтъ на обстоятельства происхожденія и прекращенія соборной практики, представилъ впервые строго научный обзоръ дѣятельности соборовъ и ихъ компетенціи,—словомъ, далъ прекрасный очеркъ изучаемаго учрежденія, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ ученой критики. Немногимъ позже В. О. Ключевскій поставилъ заново вопросъ о составѣ представительства на земскихъ соборахъ и пришелъ къ выводу, что въ XVI вѣкѣ московская жизнь не знала еще выборнаго представительства въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его себѣ теперь представляемъ. На соборахъ XVI вѣка «изъ городовъ выборъ» могъ и не означать выбранныхъ мѣстными обществами представителей; составъ представителей опредѣлялся самимъ московскимъ правительствомъ, которое звало на совѣщаніе тѣхъ провинціальныхъ людей, которыхъ оно само знало и считало способными судить о мѣстныхъ нуждахъ и взглядахъ, хотя никто ихъ къ тому и не выбиралъ и не уполномочивалъ. Мысль о выборномъ сословномъ представителѣ, уполномоченномъ представлять на соборѣ нужды и желанія своихъ избирателей, выработалась среди смуты, въ началѣ XVII в., и соборы при государяхъ новой династіи сложились уже по иному типу. Этотъ выводъ В. О. Ключевскаго, принятый затѣмъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ, открылъ смыслъ внутренняго развитія въ жизни соборовъ. Въ исторіи соборовъ обнаружено было извѣстное движеніе, и старый взглядъ, что соборы не пережили своей зачаточной фазы, былъ окончательно осужденъ.

Предлагаемая статья имѣетъ своею цѣлью, воспользовавшись накопившимся въ нашей наукѣ матеріаломъ, представить въ возможно краткомъ очеркѣ изложеніе того, какъ возникли соборы, какія внутреннія перемѣны въ нихъ произошли за время ихъ столѣтняго существованія и какія причины повели къ прекращенію соборовъ. Краткій очеркъ внутренней исторіи соборовъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ самымъ существеннымъ и любопытнымъ въ жизни изучаемаго учрежденія—съ внутреннимъ ростомъ соборной практики и съ обстоятельствами ея паденія.

II.

Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ «совѣта всея земли» входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ

*) Первыя два изданія «Обзора» проф. Владимірскаго-Буданова появились въ 80-хъ годахъ, третье — въ 1900 году. Статьи проф. Ключевскаго напечатаны въ «Русской Мысли» 1890 года (январь), 1891 г. (январь) и 1892 г. (январь). Онѣ, къ сожалѣнію, не окончены; нѣкоторымъ продолженіемъ ихъ могутъ служить страницы 377—379 третьяго изданія книги г-на Ключевскаго «Боярская дума древней Руси» (М. 1902).

группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *боярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свою «старину и пошлину». Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ «совѣтъ всея земли». Безъ земскихъ людей «соборъ» изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою «всю землю» и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ-либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это—не «земскій соборъ», а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора; «отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ» (слова проф. Владимірскаго-Буданова).

Соединеніе въ одномъ совѣщаніи думы и духовнаго собора было исконнымъ древнерусскимъ обычаемъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной практики и церковной жизни государь съ своимъ «синклитомъ» и митрополитъ (позже — патріархъ) «со властями» (такъ назывались іерархи) сходились вмѣстѣ и сообща обсуждали предлежащее дѣло. Вопросъ о времени происхожденія земскихъ соборовъ есть въ сущности вопросъ о томъ, когда именно къ экстреннымъ совѣщаніямъ «властей» и бояръ стали призываться новые совѣтники — «всякихъ чиновъ люди», взятые изъ среды управляемаго общества. Такъ поставленный вопросъ избавляетъ насъ отъ необходимости разсуждать о томъ, были ли земскіе соборы продолженіемъ и замѣною вѣча, или не были. Всѣ серьезнѣйшіе изслѣдователи сошлись на одномъ мнѣніи, что между вѣчемъ и соборомъ нѣтъ непосредственнаго реальнаго преемства. Шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, котораго плодомъ и выраженіемъ были земскіе соборы. Вмѣсто того, чтобы выслѣживать пережитки вѣчевыхъ традицій въ позднѣйшую пору московскихъ порядковъ, основательнѣе будетъ посмотрѣть, не было ли въ древнѣйшія времена чего-либо, напоминающаго земскій соборъ, т. е. совѣщаній княжескихъ бояръ и церковныхъ властей съ представителями земщины. Еслибы мы нашли такія совѣщанія, то для насъ были бы обнаружены родоначальники изучаемыхъ нами соборовъ, и намъ стало бы понятно, что соборы идутъ не отъ вѣчевыхъ традицій, а отъ иной формы княжескаго народосовѣтія.

Мы не будемъ долго останавливаться на извѣстіи лѣтописи подъ 1096 годомъ о томъ, что князья, враждовавшіе съ Олегомъ Святославичемъ, звали его на миръ такими словами: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ и предъ людьми градьскыми». Въ этомъ перечнѣ нельзя, конечно,

Серебряная золоченая
кружка,
украшенная эмалью.

Кубокъ раковинный царя Алексѣя Михайловича

Чаша 1630 года.

Серебряная братина В. К. Іоанна III.

видѣть ни вѣча, ни земскаго собора. Ученые согласны въ томъ, что это—совѣщаніе «властей» и думы, къ которому предполагалось привлечь «градскихъ людей», т. е. тѣхъ «старѣйшинъ», которые тогда постоянно призывались въ княжескія совѣщанія. Интересно здѣсь, однако, установить, что и въ эпоху вѣчевыхъ собраній существовали такія независимыя отъ вѣча формы совѣщаній, въ которыхъ правительственный элементъ сходился съ земскимъ. Для насъ гораздо важнѣе извѣстіе московскихъ лѣтописныхъ сводовъ подъ 1211 г. о томъ, какъ великій князь Всеволодъ укрѣпилъ за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ, мимо старшаго сына Константина, городъ Владиміръ. «Князь великій Всеволодъ», говоритъ лѣтописецъ, «созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ». На первый взглядъ, здѣсь дѣйствуетъ прямой земскій соборъ: и бояре, и «власти», и «вси люди», при чемъ на совѣтѣ созваны даже лица «съ городовъ и волостей». И. Е. Забѣлинъ, поддаваясь первому впечатлѣнію, написалъ прямо: «былъ созванъ земскій соборъ, первый по времени (1211 г.)»*). Но свойства приведеннаго извѣстія таковы, что заставляютъ быть осторожными въ выводѣ. Прежде всего, не во всѣхъ лѣтописяхъ дѣло изложено одинаково: есть разсказъ о данномъ дѣлѣ, по которому передача Владиміра Юрію была рѣшена по совѣту однихъ бояръ и епископа. На основаніи этого послѣдняго разсказа проф. Ключевскій склоненъ думать, что при Всеволодѣ не было «всесословнаго собора или земскаго вѣча, ни законодательнаго, ни совѣщательнаго»**). На это можно было бы замѣтить, что въ двухъ лѣтописныхъ разсказахъ переданы два разныхъ момента дѣла: сначала съ епископомъ и боярами князь выработалъ рѣшеніе («много совѣтоваша о семъ»); затѣмъ на общемъ соборѣ это рѣшеніе получило окончательную санкцію («*да* сыну своему Юрью»). Но въ извѣстіи о соборѣ все-таки есть нѣчто сомнительное. Оно слишкомъ исключительно для данной эпохи, слишкомъ одиноко: въ лѣтописномъ матеріалѣ удѣльнаго періода не встрѣчается извѣстій, съ нимъ однородныхъ. Невольно является мысль, не перенесъ ли редакторъ даннаго лѣтописнаго свода въ изображаемую эпоху чертъ своего времени? Онъ работалъ въ началѣ XVI вѣка, если не въ концѣ XV: въ его пору скорѣе, чѣмъ въ XIII вѣкѣ, могли существовать совѣщанія, подобныя тому, какое онъ изобразилъ въ 1211 году***). Мы знаемъ, что въ 1471 году, предъ походомъ на Новгородъ, Иванъ III «разосла по всю братію свою и по *всѣ* епископы земли своея, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по *вся воя* своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И *мысливше* о томъ *не мало* и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій пріемъ благословеніе отъ

*) *И. Е. Забѣлинъ.* Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія («Историч. Вѣстникъ», 1881, февраль, стр. 256—257).

**) *В. О. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси. Изд. 3-е. М. 1902, стр. 46.

***) Въ этомъ извѣстіи Воскресенскаго и лицевого Никоновскаго сводовъ сомнительно для XIII вѣка упоминаніе «дворянъ» послѣ «купцовъ». Терминъ «дворяне», обычный въ московское время, рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ болѣе ранихъ эпохъ; но и въ нихъ онъ означаетъ княжескихъ слугъ, упоминанія о которыхъ мы ждали бы прежде упоминанія о купцахъ.

митрополита... и отъ *всего священнаго собора* и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и *вся воя* его». Въ этихъ словахъ предъ нами рисуется картина многолюднаго совѣщанія. Въ немъ участвуетъ «весь священный соборъ», затѣмъ дума («князи и бояря») и сверхъ того «воеводы и вся воя», т. е., та служилая среда, которая не входила въ составъ постояннаго государева совѣта. Если даже не вѣрить разсказу о соборѣ 1211 г. и считать, что онъ редактированъ лѣтописцемъ позднѣйшимъ, то разсказъ о 1471 годѣ заставляетъ насъ повѣрить тому, что въ XV вѣкѣ Московская Русь знала уже форму народосовѣтія, близкую къ нашему опредѣленію земскаго собора. Правда, земскіе люди на совѣтѣ 1471 года представлены только воеводами и «воями», т. е. одними служилыми людьми; но мы увидимъ, что таково или почти таково были представительство и на первыхъ точно намъ извѣстныхъ земскихъ соборахъ XVI столѣтія. Таковъ былъ земскій элементъ и на знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ 1551 года, гдѣ вмѣстѣ съ духовными отцами сидѣли «князи и боляре и воини». Царь Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ участникамъ этого собора, взывалъ не къ одному духовенству: «весь священный соборъ (говоритъ онъ) и иноцы и прочіи вси Божіи молебницы, такоже и братія моя вси любиміи мои князи, и боляре и воини, и все православное христіанство, помогайте ми и пособствуйте вси единодушно вкупѣ!» Присутствіе на Стоглавомъ соборѣ свѣтскихъ чиновъ, и, повидимому, не однихъ думныхъ, заставило такого осторожнаго изслѣдователя, каковъ былъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, признать этотъ соборъ «церковно-земскимъ» *). Къ тому же заключенію ведетъ и программа занятій Стоглаваго собора, выходившая изъ сферы собственно церковныхъ вопросовъ въ область государственно-земскую.

Представленные здѣсь примѣры правительственныхъ собраній, въ составъ которыхъ входили, сверхъ обычныхъ освященнаго собора и боярской думы, еще совѣтники изъ управляемаго общества, показываютъ намъ, гдѣ намъ надобно искать предшественниковъ земскихъ соборовъ. Ими были не вѣча, а соединенныя собранія «властей» и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ. Еслибы удалось показать, что эти посторонніе лица были изъ разныхъ общественныхъ классовъ и почитались за представителей «всея земли», можно было бы говорить, что мы знаемъ земскіе соборы еще въ XV вѣкѣ и что ихъ возникновеніе, пожалуй, позволительно возводить и на два вѣка далѣе, въ самое начало удѣльной поры. Но въ томъ то и дѣло, что представительный элементъ въ разсмотрѣнныхъ собраніяхъ слишкомъ неопредѣленъ и случаенъ. Поэтому никто изъ ученыхъ и не рѣшается начать исторію земскихъ соборовъ ранѣе XVI столѣтія. Разсматривая же болѣе ранніе примѣры совѣщаній широкаго состава, ученые (И. Н. Ждановъ и В. О. Ключевскій) подмѣчаютъ, что доминирующее въ нихъ положеніе занимаетъ освященный

*) Объ излагаемыхъ извѣстіяхъ см.: *М. А. Дьяконовъ.* Нѣсколько словъ по поводу новаго историко-юридическаго изслѣдованія (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1885 г. № 3, стр. 173—185) и *И. Н. Ждановъ.* Церковно-земскій соборъ 1551 года (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 г., февраль; перепечатано въ «Сочиненіяхъ И. Н. Жданова», томъ I, Спб. 1904).

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Шварцъ.

Вешній выѣздъ Царицы на богомолье.

Третьяковская галлерея.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

соборъ, и потому ставятъ вопросъ: «Не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ?» «Это вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно (говоритъ В. О. Ключевскій), только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды». «Земскій соборъ (говоритъ И. Н. Ждановъ) появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно; учрежденіе это вырастаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ» *). Ходъ мысли нашихъ изслѣдователей, очевидно, таковъ. Освященный соборъ у насъ съ глубокой древности былъ благоустроеннымъ, канонически опредѣленнымъ, учрежденіемъ. Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе. Сходясь въ такихъ случаяхъ съ «властями» въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали «властямъ» первое мѣсто и подпадали дѣйствію тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ «властей». Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній «властей» и думы— подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ.

Таковъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникли внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изо «всѣхъ людей».

III.

Поэтому то земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ и появились «какъ будто незамѣтно» (по выраженію проф. Жданова). Первый земскій соборъ, отъ котораго дошелъ до насъ документъ съ точными свѣдѣніями о составѣ собора и его предметѣ, былъ соборъ 1566 года. Составъ его, какъ увидимъ, весьма близокъ къ составу тѣхъ совѣщаній, которыя мы только что наблюдали, и весьма мало походитъ на позднѣйшіе, болѣе благоустроенные земскіе соборы XVII столѣтія. По типу своему этотъ земскій соборъ есть нѣчто промежуточное между старымъ совѣщаніемъ широкаго состава и представительнымъ собраніемъ позднѣйшимъ.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, начиная нашу рѣчь о соборахъ соборомъ 1566 года, мы забываемъ знаменитый «соборъ» 1550 года, на которомъ Грозный искалъ примиренія между «землей» и боярами, собравъ «свое государство изъ городовъ всякого чину» и лично обѣщавъ народу правый судъ и оборону. Именно этимъ соборомъ прежде и начинали исторію земскихъ соборовъ на Руси. Въ особыхъ обстоятельствахъ созванія этого собора искали объясненія причинъ возникновенія соборовъ вообще. Верховная власть искала будто бы въ земскомъ представительствѣ опоры противъ боярства съ его бюрократическими злоупотребленіями. Приведен-

*) *В. О. Ключевскій* въ «Русской Мысли» 1892, I, стр. 143; *И. П. Ждановъ* въ «Истор. Вѣстникѣ», 1880, II, стр. 302, и въ «Сочиненіяхъ» т. I, стр. 368.

ная Карамзинымъ рѣчь Грознаго, произнесенная земскому собору на Красной площади съ Лобнаго мѣста, въ сѣни хоругвей, въ окруженіи духовенства и бояръ, легла въ основаніе яркой психологической характеристики Грознаго, данной славянофилами. Вообще моментъ перваго обращенія царя къ народу въ 1550 году признавался столь важнымъ и знаменательнымъ, что даже попалъ въ учебники. Тѣмъ досаднѣе необходимость разоблачить истину. Разсказъ объ обращеніи царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ находится всего въ одной лишь рукописи, въ такъ называемой Степенной книгѣ Андрея Хрущова, и составляетъ въ ней позднѣйшую вставку, сочиненную въ концѣ XVII вѣка или началѣ XVIII на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ пособій. Это—вымыселъ, которому нельзя вѣрить, потому что онъ произволенъ и даже не всегда искусенъ. Если тщательно разобраться въ обстоятельствахъ дѣла *), то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что въ 1550 году не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ «землей» и никакой рѣчи на Красной площади къ людямъ «изъ городовъ всякого чину». Гражданскія реформы, которыми былъ занятъ тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому собору, были обсуждаемы и рѣшаемы на совѣщаніяхъ стараго порядка съ «властями», боярами и «воинами». Дѣятельность этихъ совѣщаній хорошо освѣщена въ талантливыхъ статьяхъ покойнаго проф. Жданова, который, не зная еще о подложности разсказа Хрущовской книги, тѣмъ не менѣе ставилъ знаменитую рѣчь Грознаго народу въ рядъ второстепенныхъ и несущественныхъ эпизодовъ преобразовательной дѣятельности Грознаго, и писалъ еще четверть вѣка назадъ: «До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора».

Итакъ, первый достовѣрный земскій соборъ—это соборъ 1566 года. Отъ него до насъ дошли «приговорный списокъ» съ именами участниковъ собора и съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній и, кромѣ того, лѣтописная запись о соборномъ приговорѣ. Сопоставленіе обоихъ документовъ ведетъ къ точнымъ заключеніямъ о составѣ собора и его дѣятельности **). Созванъ былъ соборъ для того, чтобы обсудить желательныя и возможныя условія мира съ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Въ составъ собора вошелъ освященный соборъ безъ митрополита («а митрополита у того приговора не было, что Ѳеонасей митрополитъ въ то время митрополію оставилъ»); духовные отцы этого собора подали особое отъ другихъ чиновъ мнѣніе «всѣ соборнѣ» и подписали соборный приговоръ, архіереи же сверхъ того приложили свои печати къ приговору. Затѣмъ въ составъ собора вошла государева дума («всѣ бояре»), въ коей сверхъ боярскихъ чиновъ поименованы государевы казначеи и дьяки. Отъ бояръ послѣдовало также особое по дѣлу мнѣніе. Далѣе въ составѣ собора поименованы: «дворяне первая статья» (97 человѣкъ), «дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи» (99 человѣкъ), «Торопецкіе и Луцкіе помѣщики» (9 человѣкъ служилыхъ

*) Это сдѣлано въ статьѣ *П. Г. Васенка* «Хрущовскій списокъ Степенной книги» (въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1903, апрѣль).

**) Собраніе государств. граматъ и договоровъ, I, № 192; Русская Историческая Библіотека, III, стр 277–278.

людей изъ Торопца и Великихъ Лукъ), «діаки и приказные люди» (33 человѣка). Всѣ эти группы можно разсматривать, какъ представителей служилаго класса. Наконецъ, на соборѣ были «гости и купцы и Смолняне» (всего 75 человѣкъ), о которыхъ лѣтопись дважды выражается: «гости и купцы и *вся торговые* люди». Въ этой группѣ надлежитъ видѣть представителей торгово-промышленнаго класса, ставшаго наверху «тяглыхъ», то есть податныхъ слоевъ московскаго населенія. Еслибы этой послѣдней группы не значилось въ числѣ участниковъ собора, мы имѣли бы полное основаніе отнести соборъ къ числу совѣщаній стараго типа, въ которыхъ къ «властямъ» и думѣ присоединялись одни «воины», то есть служилые люди. Только участіе въ совѣтѣ новаго элемента, «всѣхъ торговыхъ людей», выдѣляетъ этотъ совѣтъ изъ ряда предшествующихъ совѣщаній XV—XVI вѣковъ. Тѣмъ болѣе близокъ соборъ 1566 года къ старымъ соборамъ, что на немъ мы не видимъ *выборнаго* представительства; нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что земскіе представители явились на соборъ въ силу общественнаго выбора. Самыя обстоятельства той минуты, когда былъ созванъ соборъ, косвенно указываютъ на то, что какъ будто и не было времени требовать и ждать выборныхъ отъ провинцій. Соборъ собрался для обсужденія обстоятельствъ, которыя выяснились въ переговорахъ съ литовскими послами, прибывшими въ Москву. Переговоры происходили 17—25 іюня; соборъ состоялся 28 іюня; его приговоръ былъ составленъ 2 іюля; переговоры съ послами продолжались съ 5 іюля *). Въ такіе промежутки времени нельзя было и думать о созывѣ выборныхъ изъ разныхъ мѣстъ государства. Очевидно, на соборъ были призваны, въ качествѣ земскихъ представителей, только тѣ дворяне и торговые люди, которые были, такъ сказать, подъ рукою, въ самой Москвѣ.

Однако, если на соборѣ не было выборнаго представительства, все-таки нельзя считать составъ собора случайнымъ. Вѣдь было же какое-нибудь основаніе, по которому изо всей массы служилаго люда, бывшаго въ Москвѣ, на соборъ позвали съ небольшимъ двѣсти человѣкъ, а изъ торгово-промышленнаго населенія Москвы всего 75 человѣкъ. Такое основаніе обнаружено и указано проф. Ключевскимъ. Не прибѣгая къ выборному началу въ устройствѣ представительства, московское правительство все же желало слышать голосъ «всея земли», и само позвало на соборъ совѣтниковъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы они могли представлять собою различныя мѣстности страны и разные слои населенія. В. О. Ключевскій приходитъ къ догадкѣ, что «дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и

*) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества, т. 71, стр. 336 и слѣд. (Посольство пановъ Хоткевича и Тышкевича). Послы пріѣхали въ Москву 30 мая (стр. 316); переговоры начались 9-го іюня (стр. 353), но получили дѣловой характеръ не ранѣе 17-го іюня, когда бояре съ государемъ приговорили вести дѣло не къ вѣчному миру, а къ перемирію (стр. 377 и 380). Именно о возможныхъ условіяхъ этого перемирія и шла рѣчь на земскомъ соборѣ, какъ это видно изъ боярскаго отвѣта на соборѣ. См. *М. Клочкова* «Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г.» (въ «Вѣстникѣ Права», 1904, ноябрь); авторъ не совсѣмъ точно указываетъ на перерывъ переговоровъ до 12-го іюля.

къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ (ранѣе перевода на службу въ самую Москву)». Иначе говоря, человѣка, служившаго въ Москвѣ, звали на соборъ не спроста, а потому, что онъ имѣлъ ту или иную связь съ какою-либо областью и могъ за нее представительствовать на соборѣ. Равнымъ образомъ изъ торгово-промышленнаго класса были позваны на соборъ, по словамъ В. О. Ключевскаго, «сосредоточенные въ столицѣ мѣстные капиталисты»; но это высшее столичное купечество, собранное въ Москву со всей страны, представляло на соборѣ всѣ низшіе слои своего класса, и московскіе и провинціальные, почему лѣтопись и называетъ его «*всѣми* торговыми людьми». Мы не будемъ останавливаться на изложеніи того метода, которымъ проф. Ключевскій пришелъ къ своему цѣнному выводу, но отмѣтимъ, что этотъ выводъ даетъ намъ новую точку зрѣнія на соборъ 1566 года. Прежде этотъ соборъ считался неполнымъ въ томъ смыслѣ, что на немъ была представлена не вся земля, а столица да два-три провинціальныхъ города; зато бывшіе на соборѣ представители считались выборными, каждый отъ своего чина и мѣста. Теперь мы отрицаемъ присутствіе выборнаго начала на этомъ соборѣ, но признаемъ, что призванные на соборъ общественные представители были подобраны такъ, что представляли собою въ глазахъ правительства цѣлые десятки уѣздовъ и городовъ и всѣ важнѣйшіе «чины» свободнаго населенія государства. Поэтому соборъ и можетъ почитаться «земскимъ», представляющимъ собою «всю землю». Только въ соборномъ представителѣ надлежитъ видѣть, по выраженію г. Ключевскаго, «не столько *уполномоченнаго* какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько *призваннаго* правительствомъ отъ такой корпораціи». «Соборъ 1566 года (продолжаетъ г. Ключевскій) былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства со своими собственными агентами». Въ этомъ отношеніи, прибавимъ мы, соборъ 1566 года совершенно походилъ на старыя совѣщанія XV—XVI вв., на которыхъ являлись въ качествѣ экстренныхъ совѣтниковъ представители мѣстной администраціи. Отличался же соборъ 1566 года отъ старыхъ совѣщаній тѣмъ, что имѣлъ общеземскій характеръ. Впервые мы видимъ на немъ опытъ представительства—хотя бы и своеобразный опытъ — за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ то и заключается важное значеніе собора 1566 г. въ исторіи земскихъ соборовъ.

IV.

Другихъ соборовъ такого же состава, какъ соборъ 1566 года, мы въ царствованіе Грознаго болѣе не видимъ. Зато можемъ указать, что старая форма совѣщаній «властей» съ «синклитомъ» не была забыта. Соборъ о церковныхъ и монастырскихъ вотчинахъ 1580 года имѣлъ именно такую форму. Съ царемъ Иваномъ и съ царевичемъ Иваномъ митрополитъ Антоній «со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ» уложили свой приговоръ по дѣлу. Такое же соединеніе высшихъ учрежденій, собора и синклита, произошло тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда его преемникъ, царь Ѳеодоръ и митрополитъ Діонисій 28 іюля 1584 г.

уложили, «чтобъ впередъ тарханомъ не быти»*). Для насъ важно отмѣтить, что вѣковой обычай «смѣстныхъ» засѣданій «властей» и бояръ по важнѣйшимъ государственнымъ и церковнымъ дѣламъ не былъ вытѣсненъ изъ жизни новою формою земскаго собора. Мы увидимъ, что въ XVII вѣкѣ значеніе этого вѣкового обычая какъ бы воскресло съ новою силою, и послѣ 1653 г. соборы «властей» и бояръ замѣнили собою вышедшіе изъ обычая земскіе соборы.

Съ другой стороны, намъ важно отмѣтить въ эпоху Грознаго существованіе еще одного типа совѣщаній, примѣненнаго при обсужденіи вопроса о лучшемъ способѣ обороны южной границы государства отъ набѣговъ татаръ. Извѣстно, что все лѣто 1570 года татары безпокоили южную Московскую украйну, и отношенія Москвы и Крыма испортились. Подъ вліяніемъ татарскихъ угрозъ Московское правительство поставило себѣ задачею «поустроити станицы и сторожи», то есть привести въ порядокъ и улучшить ту сѣть сторожевыхъ разъѣздовъ и неподвижныхъ наблюдательныхъ постовъ, которая давно была раскинута на южной украйнѣ государства и оказывалась теперь не вполнѣ состоятельной. Дѣло было поручено боярину князю М. И. Воротынскому. Въ началѣ января 1571 года онъ потребовалъ себѣ «прежніе списки» сторожевыхъ постовъ и разъѣздовъ и распорядился вызвать изъ южныхъ городовъ въ Москву опытныхъ въ сторожевой службѣ лицъ, «которые прежъ сего ѣзживали (сторожить по украйнѣ) лѣтъ за десять или за пятнадцать». Эти лица, «изъ всѣхъ украинныхъ городовъ дѣти боярскіе, станичники и сторожи и вожи, въ генварѣ, а иные въ февралѣ къ Москвѣ всѣ съѣхались». О нихъ было доложено государю, и онъ велѣлъ Воротынскому ихъ «распросити» и съ ними составить новый планъ сторожевой охраны границъ. Въ исполненіе этого приказа Воротынскій «съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и съ станичники и съ вожи (то есть съ проводниками)» въ февралѣ 1571 года постановилъ рядъ «приговоровъ», опредѣлявшихъ новый порядокъ сторожевой службы, мѣста расположенія наблюдательныхъ пунктовъ («сторожъ») и маршруты сторожевыхъ разъѣздовъ («станицъ»). Возникавшіе при этой технической работѣ административные вопросы передавались боярской думѣ, которая и разрѣшала ихъ своими «приговорами»**). Такимъ порядкомъ выработанъ былъ цѣлый сводъ правилъ украинной службы, цѣлесообразность которыхъ была оправдана дальнѣйшимъ ходомъ событій на украйнѣ. Въ этой любопытной комиссіи знатоковъ пограничныхъ мѣстъ и сторожевой службы мы имѣемъ примѣръ обращенія правительства къ свѣдущимъ людямъ за техническими свѣдѣніями и совѣтомъ въ дѣлѣ ихъ спеціальности. Свѣдущіе люди, призванные въ Москву, дѣйствуютъ подъ руководствомъ боярина и находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи боярской думы. Попадаютъ они въ составъ комиссіи по выбору и указанію правительства, а не вслѣдствіе полномочій отъ мѣстныхъ корпорацій.

---

*) Собраніе Госуд. Граматъ и Договоровъ, I, № 200 и № 202. «Тарханы»—льготы, принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ въ сферѣ податей и повинностей.

**) Документы, относящіеся къ этому дѣлу изданы въ «Актахъ Московскаго Государства» т. I, (Спб. 1890), №№ 1—14.

Итакъ, рядомъ съ новою формою народосовѣтія, земскимъ соборомъ, въ XVI вѣкѣ существовали старые «соборы» духовныхъ властей съ боярами и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ. Всѣ эти три вида совѣщаній перешли и въ XVII вѣкъ. Ни въ одномъ изъ нихъ практика XVI столѣтія не выработала выборнаго представительства, и участники этихъ совѣщаній приходили на совѣтъ не уполномоченные тѣми земскими мірами, которые они иногда представляли въ глазахъ призвавшаго ихъ правительства.

Начало выборнаго представительства стало примѣняться въ московскомъ обществѣ только на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, а первые его твердые опыты заставило произвести Смутное время.

V.

Первыхъ представителей по выбору мѣстныхъ обществъ проф. Ключевскій видитъ на земскомъ соборѣ 1598 года, избравшемъ въ цари Бориса Годунова. Составъ этого собора г. Ключевскій признаетъ однороднымъ съ составомъ собора 1566 года по основанію представительства и значенію представителей, въ огромномъ большинствѣ призванныхъ, а не избранныхъ на соборъ. Но въ массѣ представителей, явившихся на соборъ въ силу своего должностного положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій, г. Ключевскій различаетъ группу дворянъ, названныхъ въ перечнѣ соборныхъ участниковъ общимъ наименованіемъ «изъ городовъ выборъ». Ихъ всего 34. Слово «выборъ» въ приложеніи къ служилымъ людямъ тогда могло значить не «выборные отъ городского дворянства», а «отборные изъ состава городскихъ дворянъ». Нѣкоторое число такихъ «отборныхъ» дворянъ призывалось въ то время изъ городовъ на постоянную столичную службу на срокъ до трехъ лѣтъ. Именно такіе «отборные», а не выборные, и могли разумѣться въ соборномъ спискѣ. Однако, проф. Ключевскій рядомъ соображеній приводитъ читателя къ выводу, что эти 34 человѣка «были выборные депутаты провинціальнаго дворянства, а не провинціальные дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва». Можно признать этотъ выводъ за правильный, и тогда можно повторить за г. Ключевскимъ, что «присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI вѣка и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство». Но можно и усомниться въ томъ, что въ Москвѣ въ 1598 году, составляя соборъ изъ 500 человѣкъ по старому принципу должностного представительства, предоставили новое право быть выборными представителями всего тремъ десяткамъ провинціальныхъ дворянъ. Въ случаѣ такого сомнѣнія, придется отодвинуть возникновеніе выборнаго представительства у дворянъ всего на семь лѣтъ позднѣе. Интересъ, какой для насъ представляетъ въ настоящую минуту соборъ 1598 года, заключается не въ этомъ вопросѣ о порядкѣ представительства, а въ томъ, что изслѣдованіе В. О. Ключевскаго окончательно установило правильность органи-

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Шварцъ.

Іоаннъ Грозный на соколиной охотѣ.

Картина находится въ Третьяковской галлереѣ.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

заціи земскаго собора 1598 года. Въ прежнее время историки (И. Д. Бѣляевъ, Н. И. Костомаровъ) съ легкимъ сердцемъ объявляли этотъ соборъ игрушкою въ рукахъ Бориса и недостойною комедіей; теперь г. Ключевскій доказалъ, что «въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ». Если вѣрить современнымъ сообщеніямъ о такой агитаціи, то надо, вмѣстѣ съ г. Ключевскимъ, сказать, что «подстроенъ былъ ходъ дѣла, а не составъ собора». Изъ недавно обнародованныхъ матеріаловъ, польскихъ и нѣмецкихъ по преимуществу, относящихся къ избранію Бориса, стало хорошо видно, кто и какъ хотѣлъ вліять на ходъ дѣла въ 1598 году. Борьба за престолъ шла тогда главнымъ образомъ между Борисомъ Годуновымъ и Ѳеодоромъ Никитичемъ Романовымъ, и обѣ стороны одинаково упорно стремились къ власти и побѣдѣ; однако, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пытался нарушить законную форму собора*). Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, и съ значительной полнотою представительства, при чемъ на соборъ прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая и враждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ та общественная среда, въ которой Борисъ имѣлъ популярность и которую поляки означали однимъ словомъ «поспольство» (простонародье) въ противоположность панству (боярству). Соборъ по характеру представительства былъ аристократическимъ и столичнымъ; такой его составъ, судя отвлеченно, слѣдуетъ признать мало благопріятнымъ для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ для него, чѣмъ для Романовыхъ. Правильно составленный земскій соборъ съ формальной стороны совершенно правильно отдалъ вѣнецъ Борису не потому, чтобы былъ подтасованъ въ своемъ составѣ, а потому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости такъ поступить. Возможна различная оцѣнка политики собора, но невозможно сомнѣніе въ ея правомѣрности и въ правильности самого собора. А это очень важно для моральной оцѣнки изучаемаго нами учрежденія.

Кончая свою рѣчь о соборахъ XVII вѣка, В. О. Ключевскій осторожно замѣчаетъ, что «въ составѣ соборовъ XVI вѣка мало замѣтенъ выборный элементъ, *если* только онъ присутствовалъ». Первое прямое указаніе на его присутствіе, по мнѣнію г. Ключевскаго, относится къ 1605 году и читается у иностранцевъ, наблюдавшихъ московскіе порядки при Самозванцѣ. Здѣсь мы разойдемся съ г. Ключевскимъ въ томъ, что предпочтемъ неопредѣленнымъ указаніямъ иноземцевъ русское, и при томъ оффиціальное свидѣтельство 1606 года. Оно таково. При Самозванцѣ, какъ извѣстно, были оказаны большія милости помѣстному дворянству: дворянъ по городамъ верстали землями и одѣляли деньгами «для его государева царскаго вѣнца (коронаціи) и многолѣтняго здоровья». Въ связи, очевидно, съ этимъ верстаньемъ весною 1606 года было послано изъ Москвы въ Деревскую пятину распоряженіе: «Велѣно дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ изъ

*) Обстоятельства избирательнаго періода 1598 г. изложены въ моей книгѣ «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ» (глава III, § 3).

Деревскіе пятины выбрати дворянъ и дѣтей боярскихъ къ Москвѣ съ челобитными о помѣстномъ верстаньи и о денежномъ жалованьи, и бити челомъ государю царю и великому князю Дмитрію Ивановичу». Мы не знаемъ, состоялись ли выборы и ѣздили ли выборные въ Москву отъ Деревской пятины; не знаемъ и того, были ли вызываемы выборные изъ другихъ областей и предполагалось ли ихъ соединеніе въ Москвѣ въ одну коллегію. Но передъ нами безспорный фактъ: Москва требуетъ представителей отъ мѣстнаго дворянскаго общества и указываетъ порядокъ ихъ назначенія — общественный выборъ; для чего бы ни требовались эти лица въ Москву, они—выборные представители своего класса *). Вполнѣ возможно предположеніе, что такое требованіе выборныхъ отъ помѣстнаго дворянства случилось именно при Самозванцѣ по той причинѣ, что дворъ Самозванца былъ подъ сильнымъ вліяніемъ литовско-польскимъ. Какъ самъ Самозванецъ, такъ и его друзья, получившіе вліяніе въ Москвѣ, легко переносили на московскую почву литовско-польскія понятія. Какъ «дума» превратилась на ихъ языкѣ въ «раду», а «бояре»—въ «сенаторовъ» («ordo senatorum»), такъ дворянскій представитель получилъ въ ихъ глазахъ видъ земскаго посла, избираемаго шляхтою въ повѣтахъ и воеводствахъ для посылки отъ мѣстнаго сеймика на государственный сеймъ. Какъ шляхта изъ своей среды *выбирала* «людей бачныхъ и росторопныхъ» (разсудительныхъ и благоразумныхъ), такъ и дворяне должны были *выбрать* своихъ представителей для посылки въ Москву. Разумѣется, это лишь догадка; но она позволительна потому, что освѣщаетъ намъ нѣсколько тотъ кругъ понятій и идей, въ которомъ легче всего могла оформиться мысль о выборномъ порядкѣ служилаго представительства въ Московскомъ государствѣ **). Что касается до выборнаго представительства московскихъ тяглыхъ классовъ, то врядъ ли оно нуждалось въ примѣрѣ Рѣчи Посполитой. Выборное начало издавна процвѣтало въ общественной жизни московскихъ податныхъ общинъ. Можно не сомнѣваться, что присутствовавшіе на соборѣ 1598 года старосты и сотскіе купеческихъ и черныхъ сотенъ были мірскіе выборные люди; но они были избраны не для собора, а для веденія хозяйственно-податныхъ дѣлъ своихъ сотенъ; на соборъ же они попали, вѣроятно, по своимъ должностямъ, а не по особому мірскому полномочію. Въ Смутное время, вынужденныя къ самодѣятельности политическою безурядицею, тяглыя общины сами перенесли выборное начало изъ хозяйственной въ политическую сферу и создали представительство, которымъ и воспользовалась позднѣе государственная власть.

VI.

Переходимъ къ поворотному моменту въ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ—къ Смутному времени.

---

*) Акты юридическіе, Спб. 1838, № 365. *С. Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, глава IV § 2 и примѣч. 101.

**) Выбираемые въ XVI вѣкѣ дворянами въ уѣздахъ «окладчики» не кажутся намъ представителями корпораціи: это эксперты, необходимые администраціи для точнаго учета служебныхъ силъ уѣзда, и только.

Въ Смутное время мы видимъ слѣдующіе земскіе соборы: соборъ стараго типа, созванный въ іюнѣ 1605 года для суда надъ Шуйскими, и намъ очень мало извѣстный; избирательный соборъ 1610 года, важный потому, что его хотѣли образовать по новому началу выборнаго представительства, «сослався съ городы»; собраніе ратныхъ уполномоченныхъ въ подмосковномъ лагерѣ 1611 года, почитавшее само себя за «совѣтъ всея земли»; соборъ въ нижегородскомъ ополченіи 1612 года и, наконецъ, избирательный соборъ 1613 года. Изъ этихъ пяти соборовъ нѣтъ нужды говорить о первомъ, повторившемъ, повидимому, образцы XVI вѣка; бесѣдѣ же объ остальныхъ необходимо предпослать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія. Они помогутъ намъ уяснить себѣ, какимъ образомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ практика представительства въ странѣ могла сдѣлать столь значительные шаги впередъ и на соборѣ 1613 г. явилась уже съ большимъ развитіемъ.

Податное самоуправленіе «тяглыхъ» общинъ въ Московской Руси было «исконивѣчнымъ» явленіемъ. Князь налагалъ на общину общую сумму податныхъ платежей; разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣло самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірского устройства, такого, которое бы позволило распредѣлить податное бремя равномѣрно на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податные взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣлалось это посредствомъ выборныхъ «земскихъ старостъ», ведшихъ мірское хозяйство. Въ серединѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ всѣ функціи мѣстнаго управленія: и полицію, и судъ, и финансы; если община просила о дарованіи ей самоуправленія, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать какъ податныя дѣла, такъ и судъ и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская «земля», или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправленія, охватывалъ бассейнъ р. Ваги, большого притока Сѣв. Двины. Этотъ старый «уѣздъ» соотвѣтствовалъ двумъ нынѣшнимъ—Шенкурскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Дѣлаясь въ такомъ составѣ округомъ самоуправленія, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномоченныхъ «о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить»—одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каждый членъ такой коллегіи являлся въ ней какъ бы представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и «излюбленныя головы», «судейки» и «старосты» иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ намъ извѣстенъ случай, когда въ городѣ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы отдѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга. Ихъ челобитье было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ.

Если мы будемъ помнить, что такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ,—то мы поймемъ, что выборное начало было хорошо извѣстно московскому обществу. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую стали себѣ усваивать земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, растерявъ въ борьбѣ съ Тушинскимъ воромъ свои обычныя воинскія средства, сталъ искать экстренныхъ и, между прочимъ, сталъ возбуждать къ дѣятельности сѣверное населеніе, прося его своими силами отстаивать свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то идти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Здѣсь ясенъ разсчетъ на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказался этотъ разсчетъ въ мѣропріятіяхъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго царемъ Василіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода, черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловковъ, посылалъ туда своихъ агентовъ, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ «головъ», служилыхъ людей и неслужилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ «воровъ». За ними оставались въ тылу, руководя походомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты или обычнаго состава, изъ старостъ и «лучшихъ людей», или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ получила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совсѣмъ особенный совѣтъ. Зимою 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и «всѣ лучшіе люди, московскіе гости»; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не попавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ иноземцевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями «съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ».

Въ одной «думѣ», стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни тяглые люди мѣстной податной общины. Двумя годами позднѣе, когда правительственный порядокъ въ странѣ исчезъ вовсе и области были предоставлены самимъ себѣ, такіе общесословные совѣты образовались по всѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Они не только вѣдали оборону своего города, но стремились къ освобожденію Москвы отъ враговъ и вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами съ цѣлью достичь общеземскаго согласія и устройства. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался ярославскій совѣтъ, граматы котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій «міръ» считалъ себя въ ту минуту (1611 г.) средоточіемъ всѣхъ сѣверныхъ областей. Изъ этихъ гра-

Gravüre Mezzotinto Brückmann München.

Тайницкая башня и видъ на замоскворѣчье.

Современная фотографія.

Домъ бояръ Романовыхъ.

Современная фотографія.

матъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ, что въ ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ было и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, всѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ «совѣтными челобитными». Отъ всесословныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать «для добраго совѣта» въ другіе города своихъ представителей. Такъ, знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послалъ въ Нижній «для договора» дворянина Биркина съ дьякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, а въ Калугу—своего племянника съ дворянами. Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человѣкъ. Пермь отправила двухъ «посыльщиковъ» въ Устюгъ «для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ и о вѣстехъ». Изъ Галича на Кострому «для добраго совѣта» прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человѣка. Изъ Ярославля «отъ всего города» дворянинъ да посадскій человѣкъ посланы были въ Вологду. Изъ Владиміра въ Суздаль отправили «на совѣтъ» дворянъ и посадскихъ «лучшихъ» людей. Словомъ, посылка представителей, выбранныхъ мѣстными обществами, изъ одного города въ другой стала обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всесословномъ «совѣтѣ» представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно вслѣдствіе исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣстная самоуправляющаяся община съ своей выборной «земской избою» служила какъ бы основою, на которой возникалъ сначала всесословный совѣтъ «всего города», а затѣмъ совѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемый выборными всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, именно: духовенства, дворянства и тяглыхъ людей. На этой же основѣ возникъ и выборный «совѣтъ всея земли» — въ тотъ моментъ, когда совѣтные люди изъ городовъ соединились впервые въ общеземскомъ соборѣ. Произошло это не сразу, но очень скоро, въ 1610—1612 г.

VII.

Лѣтомъ 1610 года царю Василію Шуйскому, по старому выраженію, былъ «обрядъ»: его лишили власти и постригли въ монахи. На его мѣсто московскіе бояре желали избрать государя «всѣмъ за одинъ, всею землею, сослався со всѣми городы». Изъ Москвы въ іюлѣ 1610 г. пошли въ города, даже самые дальніе, граматы съ приглашеніемъ прислать къ Москвѣ «изо всѣхъ чиновъ выбравъ по человѣку» для избранія царя. Въ первый разъ мы видимъ такія призывныя грамоты, которыя требуютъ *выборныхъ* представителей отъ *всѣхъ* чиновъ для участія въ соборѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда, помимо всякихъ отвлеченныхъ соображеній о выборномъ принципѣ представительства (если только они были), на выборное начало указывала вся практика сѣверныхъ городовъ за послѣдніе годы, содѣйствовавшая освобожденію Москвы отъ Тушина. Но исключительныя обстоятельства той минуты помѣшали земщинѣ воспользоваться московскимъ

приглашеніемъ, и Москва, осажденная и поляками и Воромъ, не получила областныхъ представителей. Черезъ мѣсяцъ послѣ приглашенія выборныхъ, въ августѣ 1610 года, боярская дума свидѣтельствовала сама, что въ Москву «изъ городовъ посямѣста никакіе люди не бывали». Между тѣмъ земскій соборъ былъ необходимъ боярамъ для того, чтобы утвердить избраніе предположеннаго «царя» Владислава Сигизмундовича. Тогда, повидимому, въ Москвѣ составили земскій соборъ старымъ порядкомъ: къ «властямъ» и думѣ присоединили московскихъ дворянъ и людей придворныхъ чиновъ, затѣмъ человѣкъ около 40 «дворянъ съ городовъ, которые служатъ по выбору» (какъ было на соборѣ 1598 года), и, наконецъ, выборныхъ отъ московскаго торговаго и тяглаго населенія. Соборъ оказался, по старымъ понятіямъ, правильнымъ и правомочнымъ. Поэтому московскіе послы къ Сигизмунду объ избраніи Владислава говорили, что Владиславъ избранъ не одними боярами, а «всѣми людьми». Они отказывались повиноваться приказамъ боярской думы, потому что бояре, по словамъ пословъ, «пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха и всего освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства». Послы же считали себя уполномоченными именно отъ всего земскаго собора: «а отъ однихъ бы бояръ (говорилъ кн. Голицынъ) я, князь Василій, и не поѣхалъ». Считая себя послами собора, старшіе послы, правя свое посольство подъ Смоленскомъ, собирали на совѣтъ къ себѣ прочихъ членовъ соборнаго посольства и во вражескомъ лагерѣ устраивали нѣчто въ родѣ маленькаго «совѣта всея земли», говоря литовско-польскимъ дипломатамъ, что они безъ общаго совѣта ничего не предпринимаютъ и не рѣшаютъ. Въ словахъ и поступкахъ соборнаго посольства мы впервые слышимъ отъ московскихъ людей признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не бояре и даже не патріархъ, а лишь «вся земля» и «совѣтъ всѣхъ людей» имѣетъ значеніе верховной власти. Съ тѣхъ поръ, говоря словами В. О. Ключевскаго, «о земскомъ соборѣ думаетъ каждое возникающее правительство, каждая новая политическая комбинація цѣпляется за него, какъ за источникъ власти и необходимую опору порядка; среди общаго броженія образъ земскаго собора все явственнѣе очерчивается въ смущенныхъ умахъ, и этотъ образъ не похожъ на земскій соборъ прежняго времени». Въ 1610 г. въ Москвѣ хотѣли, но не могли создать выборное представительство, «сослався съ городы». Въ 1611—1612 г. г. сами «городы» успѣли изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создать выборный «совѣтъ всея земли» и передать въ его руки верховное руководительство дѣлами страны.

Кандидатура королевича Владислава на московскій престолъ не удалась. Сигизмундъ не принялъ московскихъ условій, а московскіе люди не приняли его власти на иныхъ условіяхъ. Занятая польскимъ гарнизономъ Москва подверглась осадѣ со стороны земскихъ ополченій, желавшихъ изгнать «литву» и выбрать всею землею новаго государя. Со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ подходили отряды народныхъ войскъ, въ которыхъ группировались три общественныхъ слоя: во-первыхъ, московскіе люди стараго порядка, ранѣе державшіеся Шуйскаго, во-вторыхъ, ратные люди, тушинцы,

со смертью Тушинскаго вора потерявшіе предводителя и программу дѣйствій и, въ-третьихъ, казачьи скопища. Изъ многихъ вождей перваго слоя выдѣлялся Прокопій Ляпуновъ, второго—князь Дм. Т. Трубецкой, а третьяго—Заруцкій. Когда всѣ отряды московскаго войска установились подъ Москвою въ постоянныхъ лагеряхъ, «таборахъ», обжились и осмотрѣлись въ исключительной обстановкѣ осадной войны, то московскіе люди поняли, что имъ необходима какая-либо прочная организація. За осадною ратью была вся Русь, которая потеряла обычное свое правительство, плѣненное въ Москвѣ поляками, и которой надо было дать новые органы управленія. Ратнымъ людямъ мало было устроиться самимъ, но надо было «строить» и самую землю. Послѣ нѣкоторыхъ разрозненныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, названные воеводы рѣшили общимъ совѣтомъ обдумать ратный и земскій порядокъ и собрали 29—30 іюня 1611 года въ своемъ ратномъ станѣ «всю землю». Приговоръ всей земли 30-го іюня и даетъ нѣкоторую возможность судить о томъ, что это былъ за ратный совѣтъ. Судя по тексту приговора, въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовалъ за все государство, называя себя совѣтомъ всея земли и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, «приказы», административные, финансовые и судебные, и сдѣлалъ рядъ распоряженій по служилому землевладѣнію и мѣстному управленію. Эти учрежденія и распоряженія упразднили прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣняли всѣ признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Словомъ, «совѣтъ всея земли» считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли.

Однако, намъ нельзя видѣть въ этомъ совѣтѣ нормальнаго земскаго собора. Онъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большинство которыхъ принадлежало къ служилому классу, и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податного класса, пославшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и «мужиками», а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только «излюбленными», то есть выбранными въ «головы» къ тяглымъ ратямъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это даетъ намъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ лѣтопись, такъ и самый приговоръ 30 іюня выражаются такъ: «всякіе служилые люди и дворовые и казаки»; о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составъ «совѣта всея земли» не вошли ни патріархъ съ властями, ни

боярская дума: патріархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей теоріи, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именовать себя «всею землею» и почитаться за земскій соборъ. Если ратное совѣщаніе и усвоило себѣ право думать за всю землю и заботиться о всей землѣ, то, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскимъ соборомъ нормальнаго состава, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всесословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подъ Москву городскія и волостныя рати. Односословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ собою *всесословные городскіе міры*, дѣйствовалъ по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу—освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою общенародную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ правотѣ называлъ себя «всею землею» и законодательствовалъ за всю землю.

Судьба этой первой попытки всеземскаго единенія была, однако, очень печальна. Внутренняя рознь казачества и консервативныхъ слоевъ населенія погубила ляпуновское ополченіе. Служилые люди побѣжали изъ ополченія послѣ того, какъ Ляпуновъ былъ убитъ казаками, и казаки остались одни въ своихъ таборахъ подъ Москвою. Въ ихъ рукахъ оставалась правительственная организація, созданная приговоромъ 30-го іюня 1611 года; но казачьему правительству не желали повиноваться городскіе міры, хорошо узнавшіе разрушительность казачьихъ инстинктовъ и тенденцій. Въ городахъ искали новаго центра и новыхъ вождей, и когда изъ Нижняго Новгорода послышался призывъ къ новому единенію, онъ вызвалъ быстрое сочувствіе земщины. Въ Нижнемъ дѣло пошло обычнымъ въ то время порядкомъ. Воззванія патріарха Гермогена возбудили прежде всего городскую тяглую общину Нижняго съ ея выборнымъ старостою Козьмою Мининымъ во главѣ. Рѣшивъ собирать средства и людей «для московскаго очищенія», посадскіе люди передали дѣло въ прочіе слои нижегородскаго населенія. Въ городскомъ соборѣ протопопъ Савва и Мининъ объявили дѣло всему городу, и нижегородцы всѣмъ городомъ поручили устройство рати и организацію похода князю Пожарскому съ «товарищемъ» Биркинымъ (рязанскимъ посломъ въ Нижній) и дьякомъ Юдинымъ. Этотъ «приказъ» отъ имени всего Нижняго тотчасъ же, въ концѣ 1611 года, вступилъ въ сношенія съ окрестными городами и объявилъ имъ свою программу, состоявшую въ томъ, чтобы идти одинаково противъ поляковъ и противъ казаковъ и не повторять роковой ошибки Ляпунова, считавшаго возможнымъ союзъ съ казачествомъ. Отъ городовъ Пожарскій просилъ присылки средствъ и людей въ помощь нижегородцамъ. Люди требовались не только ратные: «для справки» (то есть, для соглашенія и устройства) и «для земскаго совѣта» Пожарскій просилъ города и волости прислать въ Нижній «дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изо всѣхъ чиновъ по человѣку». Съ самаго начала дѣла нижегородцы желали имѣть у себя всесословный «земскій совѣтъ», и мы знаемъ, что онъ образовался и началъ дѣйствовать, распространяя свое вліяніе и

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Крестовая палата въ теремахъ.

Стр. 121-138.
Д630
М82
Инв. 457983

власть на весь тотъ районъ, который присоединялся къ нижегородскому движенію.

Такъ было въ началѣ дѣла. Когда же, весною 1612 года, Пожарскій отбилъ отъ казаковъ Ярославль и распространилъ вліяніе Нижняго на весь сѣверъ и Поволжье, то онъ сдѣлалъ центромъ своей рати именно Ярославль, какъ крупнѣйшій городъ всего средняго Поволжья, а въ Ярославлѣ собралъ уже не мѣстный «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій соборъ. Въ началѣ апрѣля 1612 года изъ Ярославля пошла по городамъ грамата Пожарскаго и того «общаго совѣта», который при немъ находился. Въ граматѣ, послѣ изложенія происшедшихъ событій и усвоенной ярославскимъ ополченіемъ программы, было приглашеніе поскорѣе прислать въ Ярославль «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Все государство приглашалось прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, «какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударными». Пожарскій, видимо, не спѣшилъ идти подъ Москву и думалъ въ Ярославлѣ создать общеземское правительство и избрать государя, предоставляя своимъ врагамъ подъ Москвою, полякамъ и казакамъ, истощать свои силы въ долгой борьбѣ. Призывъ Пожарскаго не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ, на самомъ дѣлѣ, сформировался соборъ правильнаго состава. Интересны свѣдѣнія объ этомъ соборѣ, къ сожалѣнію, только косвенныя и приблизительныя: точныхъ данныхъ нѣтъ, потому что документовъ отъ практики собора 1612 г. не сохранилось. Разумѣется, освященнаго собора въ его правильномъ и полномъ составѣ тогда собрать было нельзя: патріархъ Гермогенъ уже умеръ, а старшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій—у шведовъ, а ростовскій—у поляковъ. Однако, въ Ярославлѣ непремѣнно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покоѣ стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ. Сносясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ казанскимъ митрополитомъ Ефремомъ, этотъ духовный совѣтъ вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя «священнымъ соборомъ». Въ этомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, не было узурпаціи: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго, бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли «освященнымъ соборомъ». Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярской думы, «всѣхъ бояръ», такъ какъ «всѣ бояре» сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не считались законнымъ «синклитомъ». Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ высшемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ «синклитъ», который называли тогда опредѣленными терминами: «бояре и воеводы», «начальники». Начальники и замѣняли собою «бояръ всѣхъ». Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то есть къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками

(синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія,—и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя «совѣтомъ всея земли»; на его «приговоры» опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, шедшіе за земскимъ ополченіемъ, но и иностранцы, именно шведы, начавшіе изъ занятаго ими Новгорода переговоры съ Пожарскимъ и «московскими чинами» (die Musscowitischen Stände).

Такъ впервые въ Московскомъ государствѣ былъ осуществленъ земскій соборъ на началѣ выборнаго представительства. Это начало было воспитано Смутнымъ временемъ, тою самодѣятельностью мѣстныхъ міровъ, которая развилась вслѣдствіе паденія государственнаго порядка. Съ уничтоженіемъ привычнаго правительственнаго строя, самою силою вещей въ важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлахъ на замѣну приказной власти являлось мірское полномочіе и довѣріе, и вмѣсто приказнаго человѣка дѣйствовалъ мірской выборный человѣкъ. Когда мѣстные міры успѣли соединить свои силы въ одномъ общемъ порывѣ къ возстановленію народной независимости и государственнаго порядка, ихъ выборные люди соединились въ «общій совѣтъ», дѣйствовавшій уже за «всю землю». Вверху этого совѣта былъ, «по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства», стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій, съ нимъ рядомъ «выборный человѣкъ всею землею» Козьма Мининъ, а внизу—простые «изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ» выборные люди. Эти излюбленные люди и государя желали избрать всею землею, «кого намъ Богъ дастъ».

VIII.

Однако, Ярославскому собору не пришлось избрать государя, и «царское обиранье» совершено было уже другимъ земскимъ соборомъ послѣ «московскаго очищенья». Освободивъ Москву, отогнавъ далеко одну часть казаковъ и добившись подчиненія другой, временное правительство распустило выборныхъ ярославской сессіи и граматами (до 15 ноября 1612 г.) созывало въ Москву «изо всякихъ чиновъ», «изо всѣхъ городовъ», «по десяти человѣкъ отъ городовъ» для «государственныхъ и земскихъ дѣлъ», а главнымъ образомъ для избранія государя, которое должно было совершиться «всякими людьми отъ мала и до велика». Выборное начало въ представительствѣ выступаетъ на соборѣ 1613 года уже въ полной силѣ, какъ общепринятая и вполнѣ выработанная норма. Составъ земскаго собора 1613 года, судя по подписямъ его участниковъ на соборной граматѣ, опредѣляется такъ. Священный соборъ включалъ въ себѣ трехъ митрополитовъ (Ефрема, Кирилла и Іону), архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Священники давали свои подписи вмѣстѣ съ городскими представителями и иногда называли себя «выборными»,—знакъ, что они являлись на соборъ мірскими уполномоченными на основаніи тѣхъ порядковъ, которые укрѣпились въ городахъ въ Смутное время и которые втягивали духовенство въ мірскія дѣла, вплоть до ратнаго дѣла. Поэтому то бѣлое духовенство и слѣдуетъ считать не въ освященномъ соборѣ, а въ рядахъ

земскихъ представителей. Боярская дума на соборѣ 1613 года играла особую роль. «Начальники» изъ Ярославля пришли съ Пожарскимъ подъ Москву и продолжали здѣсь быть правительственнымъ совѣтомъ. Когда бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, были освобождены, они по сану своему должны были занять первыя мѣста въ синклитѣ у Пожарскаго. Но «начальники», очевидно, относились къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ, и подняли вопросъ о нихъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что въ Москвѣ бояръ, которые въ осадѣ сидѣли, «въ думу не припускаютъ, а писали о нихъ въ городы ко всякимъ людямъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ?» И вопросъ, повидимому, былъ рѣшенъ отрицательно: бояре разъѣхались изъ Москвы по селамъ и не были на самомъ избраніи царя. Ихъ возвратили въ Москву, когда Михаилъ былъ уже избранъ, для участія въ окончательномъ провозглашеніи новаго царя въ засѣданіи 21 февраля. Соборною же дѣятельностью руководили не эти старые бояре, а «начальники», которые, по свидѣтельству современника, снова восхотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ» и въ этомъ разошлись съ земскими людьми, хотѣвшими избирать царя изъ своихъ. Такъ устроены были высшіе органы управленія, церковнаго и государственнаго, вошедшіе въ соборъ. Земскіе представители на соборѣ 1613 года были, по основанію представительства, двухъ категорій. Одни явились на соборъ по старому порядку, въ силу своего служебнаго положенія; это — придворные чины, «большіе дворяне» и приказные люди. Другіе были посланы на соборъ по избранію и явились туда съ «договорами», то есть съ инструкціями избирателей и «съ выборами за всякихъ людей руками», то есть съ документами, удостовѣряющими правильность ихъ избранія. Это были, по старому опредѣленію, «изо всѣхъ городовъ лучшіе и разумные постоятельные люди». Москва не опредѣляла ихъ числа точнымъ и обязательнымъ для городовъ порядкомъ. Въ одной граматѣ Пожарскій просилъ, какъ мы видѣли, по десяти человѣкъ отъ города; по другому свидѣтельству, изъ Москвы просили прислать «изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ и изъ уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже». Нельзя поэтому сказать, сколько всего выборныхъ ожидалось въ Москву. Нельзя опредѣлить и того, сколько ихъ дѣйствительно туда пріѣхало, такъ какъ у насъ нѣтъ точнаго списка участниковъ собора. Подъ однимъ экземпляромъ избирательной граматы ими сдѣлано 235 подписей, подъ другимъ — 238 подписей, а въ нихъ упомянуто около 277 именъ соборныхъ участниковъ *). Но это не есть точное число. Выборные подписывали грамату одинъ за многихъ товарищей, не называя ихъ поименно; такъ, выборныхъ нижегородцевъ было на соборѣ, какъ мы случайно знаемъ, не менѣе 19-ти, а подписали грамату всего 5 человѣкъ на одномъ экземплярѣ и 6 на другомъ. Можно поэтому думать, что число участниковъ собора, и въ частности выборныхъ изъ городовъ, было гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ по ихъ подписямъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что всего собор-

*) «Утвержденная грамата объ избраніи М. Ѳ. Романова», изданная въ Москвѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (М. 1904).

ныхъ людей могло быть до 700. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, какія представляютъ намъ подписи соборныхъ выборныхъ, мы видимъ, что на призывъ Москвы откликнулось много городовъ и уѣздовъ. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 г. Для того времени это очень большое число, тѣмъ болѣе внушительное, что въ него вошли города самыхъ различныхъ областей государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца. Такимъ образомъ въ территоріальномъ отношеніи составъ представительства надобно признать достаточно полнымъ. Въ сословномъ же отношеніи принято считать соборъ 1613 года самымъ полнымъ, потому что на немъ, кромѣ служилыхъ людей и тяглыхъ горожанъ, были еще «уѣздные люди». За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной граматы есть 12 подписей, на другомъ — 11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ уѣздныхъ людей обыкновенно разумѣютъ представителей крестьянства. Для Двинскаго уѣзда это и вѣроятно, потому что на Московскомъ сѣверѣ, какъ мы уже видѣли, процвѣтало крестьянское самоуправленіе въ свободныхъ крестьянскихъ общинахъ. Но для остальныхъ мѣстъ, отъ которыхъ явились представители «уѣздныхъ людей», это сомнительно. За исключеніемъ Устюжны «Желѣзныя», во всѣхъ прочихъ десяти уѣздахъ нельзя предполагать существованія свободныхъ отъ вотчинной власти крестьянскихъ міровъ. Эти мѣста Московскаго юга (Тула, Брянскъ, Новосиль, Курскъ и др.) извѣстны господствомъ служилаго землевладѣнія въ его мелкихъ формахъ, исключавшихъ въ то время возможность развитія свободнаго крестьянскаго владѣнія и самостоятельныхъ тяглыхъ организацій. Въ этихъ уѣздахъ подъ «уѣздными людьми» надлежитъ разумѣть скорѣе всего низшіе разряды служилыхъ людей, приписанныхъ по службѣ къ городамъ, а обезпеченныхъ участками пахотной земли и угодьями внѣ городовъ. Осторожнѣе будетъ не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 года сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII вѣка. На всѣхъ соборахъ одинаково крестьяне не пользовались правомъ отдѣльнаго представительства и на всѣхъ соборахъ одинаково были представлены уѣздные люди. Представительство сѣверныхъ областей сливало въ одно уѣздныхъ крестьянъ съ посадскими людьми, съ которыми они иногда сливались и въ отношеніи податного самоуправленія, а представительство южной половины государства соединяло уѣздныхъ людей низшихъ служилыхъ званій вмѣстѣ съ помѣстнымъ дворянствомъ въ одну среду «всякихъ служилыхъ людей». Такое пониманіе дѣла кажется намъ единственнымъ возможнымъ.

Такъ опредѣлился составъ собора, избравшаго новую московскую династію. «Власти» и дума вошли въ соборъ цѣликомъ, какъ въ XVI вѣкѣ. Высшіе слои служилаго московскаго люда были допущены безъ избирательныхъ полномочій и, если не поголовно, то по старому порядку — на основаніи ихъ служебнаго положенія и значенія. Рядовое провинціальное дворянство (съ низшими слоями служилаго люда) и городское податное населеніе (съ близкими къ нему слоями свободнаго сѣвернаго крестьянства) были привлечены къ участію въ соборѣ на основѣ выборнаго представительства, въ которомъ приняло участіе и городское духовенство, избирав-

шее и избираемое въ городскихъ избирательныхъ округахъ. Въ такомъ приблизительно видѣ земскіе соборы сложились и дѣйствовали въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича. Въ новой своей фазѣ они были продуктомъ тѣхъ условій, которыя образовались въ московскомъ обществѣ благодаря бурямъ Смутнаго времени и которыя измѣнили не только составъ соборовъ, но и ихъ политическое значеніе.

IX.

Политическое значеніе собора 1613 года заключалось не въ томъ одномъ, что онъ избралъ новаго государя, но и въ томъ, что онъ образовалъ новый порядокъ въ странѣ. На основаніи всего сказаннаго выше не трудно понять, что земскіе соборы 1612 года и 1613 года, Ярославскій и Московскій, были органами той общественной среды, которая сплотилась для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ, но и съ казаками, желавшими радикальнаго общественнаго переворота. Въ противоположность аристократическому слою боярства и демократическому слою казачества общественные слои, соединившіеся въ ярославскомъ ополченіи, представляли собою общественную середину, средніе классы, совершенно равнодушные къ кружковымъ стремленіямъ боярства и враждебные казачьему радикализму. Органомъ этихъ среднихъ классовъ и стали какъ Ярославскій соборъ въ ополченіи Пожарскаго, такъ и избирательный Московскій соборъ 1613 года. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвою и въ Москвѣ, освободивъ столицу и ставъ распорядителями дѣлъ въ государствѣ, средніе слои населенія стремились закрѣпить побѣду избраніемъ царя, который могъ бы стать внѣшнимъ символомъ ихъ единенія и торжества. Выразитель этихъ стремленій, земскій соборъ, въ отсутствіе большихъ бояръ успѣлъ отстранить кандидатуру иноземныхъ принцевъ на московскій престолъ, хотя «начальники» и хотѣли себѣ царя «отъ иновѣрныхъ». Равнымъ образомъ покончено было и съ самозванщиной, которая служила для казаковъ средствомъ узаконивать разрушительныя вожделѣнія. Соборъ избралъ *своего* царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями назывался иногда «рабскимъ», но который въ то же время почитался стариннымъ «великимъ» московскимъ родомъ. Избравъ царя не отъ королей и князей, а отъ бояръ, соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, готовый въ немъ защищать свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны, избранный соборомъ, государь не видѣлъ возможности безъ содѣйствія собора править страною и унять «всемірный мятежъ» и даже не желалъ принимать власти и «идти къ Москвѣ», пока соборъ не достигнетъ прочнаго успокоенія государства. Выходило такъ, что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего авторитета, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшей солидарности, обращало государя и соборъ въ одну политическую силу,

боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Соборъ не стремился раздѣлить съ верховною властью ея прерогативы, потому что сама власть ими тогда не дорожила; напротивъ, государь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи. Такимъ образомъ, вопросъ о формальномъ опредѣленіи отношеній царя и собора не имѣлъ тогда поводовъ возникнуть, и мы лично совершенно не вѣримъ въ существованіе такъ называемой ограничительной записи, будто бы данной Михаиломъ боярству.

Правительственное значеніе земскаго собора было основаніемъ новаго порядка, возникшаго въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты. Первые шаги новой власти дѣлались не иначе, какъ «по совѣту всея земли», и офиціально и гласно признавалось, что важныхъ дѣлъ вообще нельзя было рѣшать «безъ совѣту всего государства». Вопросы о войнѣ и мирѣ и вообще дѣла внѣшней политики; вопросы финансовые и податные, въ особенности назначеніе новыхъ экстренныхъ сборовъ; вопросы сословнаго устройства и отношенія сословныхъ группъ къ государственнымъ повинностямъ; вопросы административнаго благоустройства и, наконецъ, вопросы законодательные— вотъ сфера дѣйствія «совѣта всея земли» при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Въ первое десятилѣтіе его царствованія соборъ, повидимому, существовалъ непрерывно. Избравъ царя, соборъ 1613 года оставался при немъ до 1615 г. Въ концѣ 1615 г. была призвана новая сессія выборныхъ, дѣйствовавшая до 1619 г. Въ серединѣ 1619 г. самъ соборъ рѣшилъ созваніе новой сессіи представителей ему на смѣну, и эта новая сессія существовала въ Москвѣ до 1622 г. Повидимому, какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, «изъ городовъ выборъ» (намъ уже извѣстный) командировался въ Москву на трехлѣтній срокъ, такъ въ первые годы царя Михаила выборные представители мѣстныхъ обществъ, замѣнившіе на соборахъ старый «выборъ», призывались въ Москву тоже на трехлѣтіе. Въ послѣдующее время, позднѣе 1622 года, непрерывности соборныхъ сессій не наблюдается, но соборы все-таки остаются весьма частымъ явленіемъ правительственной практики. У правительства какъ будто всегда находится подъ рукою контингентъ представителей «городовъ», и оно имѣетъ возможность въ короткій срокъ созвать ихъ на совѣщаніе хотя бы и по частному вопросу, случайно возникшему въ сферѣ внѣшнихъ сношеній или во внутренней жизни государства. При этомъ прежнее стремленіе возможно полнѣе устроить представительство областей къ концу царствованія Михаила какъ будто слабѣетъ. Такъ, въ началѣ 1642 г., при осложненіи отношеній съ турками и татарами, по вопросу о крѣпости Азовѣ земскій соборъ созвали менѣе, чѣмъ въ недѣлю, и при этомъ обошлись безъ епархіальныхъ архіереевъ въ освященномъ соборѣ и безъ выборныхъ отъ провинціальныхъ посадовъ. Мало того, къ избранію представителей были призваны не мѣстныя общества въ ихъ полномъ составѣ, а лишь тѣ провинціальные дворяне, которые находились въ ту минуту въ Москвѣ. Правда, въ январѣ 1642 года въ Москвѣ по нѣкоторымъ причинамъ былъ значительный съѣздъ провинціальныхъ дворянъ; вѣроятно, этотъ съѣздъ и послужилъ основаніемъ для того, чтобы организовать выборы на соборъ въ самой Москвѣ. Меньшее напряженіе соборной дѣятельности къ

концу правленія Михаила Ѳедоровича и меньшая забота о полнотѣ представительства объясняются, конечно, общимъ успокоеніемъ государства. Внѣшнія войны были кончены, казачество перестало грозить государству, общественное благоустройство сдѣлало нѣкоторые успѣхи, и вмѣсто непрерывнаго ряда экстренныхъ усилій и тревогъ для правительства наступила будничная рутина, при которой не было уже побужденій непрерывно обращаться къ совѣту всея земли. Въ началѣ царствованія Михаила, въ періодъ наибольшей энергіи земскихъ соборовъ, они ни разу не пытались взять на себя иниціативу въ законодательствѣ или политикѣ и всегда лишь отвѣчали на обращенный къ нимъ запросъ государя. Даже соборъ 1619 года, выработавшій замѣчательно стройную программу внутренней политики, дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ подъ вліяніемъ и руководствомъ государева отца, патріарха Филарета и въ сущности лишь давалъ отвѣты на вопросы, поставленные «владительнымъ» патріархомъ. Этой неизмѣнною пассивностью соборовъ достаточно уясняется то обстоятельство, почему соборы, насколько мы знаемъ, не заявляли сами о желательности урегулировать сроки ихъ созыва тогда, когда власть перестала ихъ регулярно созывать, и дѣятельность соборовъ ослабѣла. Однако, предлагая правительству свой совѣтъ и свою помощь въ той мѣрѣ, въ какой оно ихъ желало, соборы всегда пользовались правомъ челобитій въ той мѣрѣ, въ какой они сами считали это нужнымъ для себя. Рутинная обстановка послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Михаила вела къ нѣкоторому забвенію тѣхъ повседневныхъ тяготъ и нуждъ, которыя угнетали сословную жизнь. На соборѣ 1642 г. сословные представители обнаружили эти тяготы и нужды съ полною откровенностью и указывали безъ обиняковъ на недостатки административнаго строя, отъ которыхъ терпѣло московское общество. Такимъ образомъ, не стремясь къ сохраненію исключительной роли постояннаго правительственнаго органа — роли, усвоенной имъ Смутою,—соборы не потеряли съ теченіемъ времени своего значенія «совѣта всея земли», служащаго точнымъ отзвукомъ дѣйствительнаго настроенія этой земли.

X.

Итакъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ земскій соборъ былъ выразителемъ среднихъ слоевъ московскаго общества, а самъ Михаилъ былъ царемъ этихъ же среднихъ слоевъ, которые противопоставили его боярскому царю «иновѣрному» (Владиславу) и казачьему царенку самозванному («Маринкину сыну»). Служа выразителями одного и того же общественнаго элемента, царь и соборъ были въ неразрывномъ союзѣ противъ общихъ враговъ, пока эти враги имѣли силу и были опасны. Замиреніе государства дѣлало этотъ союзъ менѣе напряженнымъ и сознательнымъ. Въ правительствѣ, вокругъ государя, заново сформировался разбитый Смутою «приказный», бюрократическій классъ; получивъ силу, онъ пользовался возможностью обходиться въ управленіи безъ «совѣта всея земли», злоупотреблялъ своимъ дѣловымъ вліяніемъ и незаконно обогащался. Недовольный администраціей, земскій людъ на соборахъ обличалъ ее, противополагая свой земскій интересъ «московской волокитѣ». На счетъ администраціи относили земскіе люди мно-

гія существенныя нестроенія своей сословной жизни и били челомъ государю объ искорененіи безпорядковъ и насильствъ со стороны «сильныхъ людей», т.-есть самоуправцевъ изъ дворцовой знати и приказныхъ дьяковъ. Жизнь разводила такимъ образомъ старыхъ союзниковъ, власть и земство, и иногда вела къ столкновеніямъ довольно остраго свойства.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ эти столкновенія были словесными: (земщина посредствомъ заявленій («сказокъ») на соборахъ и подачи коллективныхъ челобитій просила охраны своихъ правъ и интересовъ. Со вступленіемъ на престолъ царя Алексѣя дѣло стало серьезнѣе.

Царь Алексѣй былъ очень молодъ, неопытенъ и мягокъ для того, чтобы понимать дѣла и руководить ими. Около него образовалась такая клика дѣльцовъ, которая своимъ произволомъ и наглостью превзошла всѣхъ «сильныхъ людей» времени царя Михаила. Держась за сильнаго покровителя, «дядьку» царя, боярина Б. И. Морозова, эти приказные люди хвалились, что у нихъ вся Москва «въ рукѣ,»—и довели Москву до открытаго бунта. Морозовъ едва уцѣлѣлъ, остальные насильники погибли. За Москвою толпа и въ другихъ городахъ произвела безпорядки. Предъ царемъ Алексѣемъ стала задача—найти средство умиротворить общество и примирить его съ правительственною средою, съ которою оно разошлось. Трудно сказать, по чьей мысли было указано хорошее средство, состоявшее въ томъ, чтобы собрать, привести въ порядокъ и пересмотрѣть дѣйствовавшіе тогда законы.

Не распространяясь объ этомъ сложномъ сюжетѣ, можно опредѣлить значеніе намѣченнаго предпріятія такъ. Страна не имѣла тогда не только печатнаго текста законовъ, но и рукописнаго ихъ сборника. Сборникъ XVI вѣка, такъ называемый Судебникъ, устарѣлъ. Дополненія къ нему записывались по вѣдомствамъ («указныя книги» приказовъ) не въ системѣ, а въ хронологическомъ порядкѣ, и составляли достояніе однѣхъ канцелярій. Пробѣлы въ законахъ пополнялись не всегда правильнымъ порядкомъ, чрезъ указъ государевъ, а произвольнымъ примѣненіемъ подходящихъ статей Литовскаго статута, Кормчей или же приказнаго обычая. Эти источники права, можетъ быть, и доброкачественные, были такъ же невѣдомы населенію, какъ и указъ государевъ, сказанный въ думѣ и записанный для себя дьякомъ. Поэтому была настоятельная нужда дать законъ въ руки населенію, составивъ кодексъ и опубликовавъ его посредствомъ печати. Но одною кодификаціей дѣйствовавшаго права нельзя было тогда обойтись. Недовольное своей обстановкою, общество въ челобитіяхъ просило улучшеній своего быта. Именно средніе классы населенія, на которыхъ тогда покоился государственный порядокъ, съ особенною настоятельностью указывали на желательныя имъ перемѣны. Служилый людъ желалъ равномѣрнаго распредѣленія служебныхъ тяготъ и укрѣпленія своего имущественнаго положенія. Онъ жаловался на духовенство и знать, которыя отбирали у рядовыхъ служилыхъ людей ихъ земли и крестьянъ; онъ жаловался на администрацію, вносившую своимъ произволомъ безпорядокъ въ отправленіе службъ дворянами; онъ жаловался, наконецъ, на крестьянъ, не сидѣвшихъ на мѣстахъ и подрывавшихъ своимъ уходомъ помѣщичье хозяйство. Сокращеніе землевладѣльческихъ правъ духовенства и его исключительной подсудности; обу-

зданіе произвола «сильныхъ» людей, льготныхъ землевладѣльцевъ бояръ и безконтрольной администраціи, наконецъ, прикрѣпленіе крестьянъ — вотъ къ чему стремился служилый людъ. Тяглые черные люди, свободные обыватели посадовъ, желали того же въ своемъ быту, чего желали дворяне въ своемъ: равномѣрнаго распредѣленія платежей и повинностей и укрѣпленія имущественнаго положенія. Они жаловались на духовенство и знать, которыя вторгались съ своими торгово-промышленными операціями въ посады и увлекали къ себѣ изъ тягла городскихъ людей и земли; они жаловались на администрацію, угнетавшую своимъ произволомъ общину; они жаловались, наконецъ, на свою же братью, недобросовѣстныхъ или малодушныхъ тяглецовъ, не сидѣвшихъ на своихъ тяглыхъ участкахъ и подрывавшихъ незаконнымъ уходомъ общинное хозяйство. Сокращеніе судебныхъ льготъ духовенства и земельныхъ захватовъ на посадахъ духовенства и знати, обузданіе произвола и злоупотребленій «сильныхъ людей», наконецъ, прикрѣпленіе тяглыхъ людей къ посадамъ и недопущеніе на посады крестьянъ и вообще постороннихъ тяглой общинѣ элементовъ,— вотъ къ чему стремились тяглые люди. Къ этимъ пожеланіямъ торговый классъ присоединилъ еще одно—уничтоженіе на русскихъ рынкахъ торговой конкуренціи иноземныхъ купцовъ. Полное соотвѣтствіе стремленій служилыхъ людей и тяглыхъ придавало имъ особую силу и заставляло серьезно подумать о созданіи въ законѣ такихъ нормъ, которыя могли бы на дѣлѣ обезпечить интересы средняго московскаго люда. Не трудно замѣтить, что эти новыя нормы, удовлетворяя общественную середину, должны были неизбѣжно направиться противъ общественныхъ вершинъ (духовенства и знати) и противъ общественныхъ низовъ (крестьянства и частновладѣльческихъ людей, боярскихъ и иныхъ «закладчиковъ»).

Такимъ образомъ правительству царя Алексѣя Михайловича предстояла не только кодификація, но и реформа. Ходъ ея былъ опредѣленъ такъ. 16-го іюля 1648 года государь съ освященнымъ соборомъ и думными людьми рѣшилъ вопросъ о кодексѣ: боярину князя Н. И. Одоевскому съ четырьмя помощниками было поручено собрать старый законодательный матеріалъ, тѣ «статьи», которыя «пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ», т. есть еще не утратили практической приложимости. Обнаруженные же въ старомъ законѣ пробѣлы предположено было пополнить «общимъ совѣтомъ», съ помощью земскаго собора, составъ котораго былъ тщательно обдуманъ. На соборъ къ 1 сентября 1648 года призывались выборные люди: отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей «изъ чину по два человѣка»; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку. Въ такомъ видѣ составъ земскаго собора нѣсколько отличался отъ соборовъ болѣе раннихъ. Раньше придворные и столичные чины являлись на соборы въ большомъ числѣ и, повидимому, не по выбору. Въ 1642 г. впервые мы видимъ указаніе, что эта среда приглашалась выбрать своихъ представителей наравнѣ съ низшими

служилыми чинами; но желательное количество выборныхъ изъ этихъ «большихъ статей» указано было тогда значительно большее, чѣмъ отъ прочихъ. На соборѣ 1642 года и было выборныхъ отъ стольниковъ 10, отъ жильцовъ 12, отъ московскихъ дворянъ 22; провинціальные же дворяне выбрали всего по 3—4 человѣка отъ города. Въ 1648 г. было рѣшено уравнять московскіе чины съ провинціальными дворянами въ отношеніи количества представителей, чѣмъ достигался, конечно, полный перевѣсъ провинцій надъ Москвою и рядового дворянства надъ высшими служилыми чинами. Въ то же время провинціальные посады, не всегда представляемые на соборахъ, призывались всѣ къ участію въ «общемъ совѣтѣ», что также усиливало провинцію на соборѣ. Краснорѣчивы цифры, установленныя изслѣдователями: на 6 московскихъ выборныхъ дворянъ на соборѣ 1648 года было болѣе 150 провинціальныхъ и на 15 московскихъ гостей и тяглыхъ людей было не менѣе 80 посадскихъ изъ городовъ. Такое большое число мѣстныхъ представителей получилось потому, что къ представительству было приглашено и приглашеніемъ воспользовалось очень много городовъ и уѣздовъ: число представленныхъ городовъ на соборѣ 1648 года доходитъ до 120, если не болѣе.

Итакъ, подготовительная работа собиранія законодательныхъ матеріаловъ была въ 1648 г. возложена на «приказъ» князя Н. И. Одоевскаго и велась канцелярскимъ порядкомъ; обсужденіе же новыхъ «статей» будущаго кодекса предоставлено было «общему совѣту», который созывался на 1 сентября 1648 года въ Москву. Приблизительно съ 1 сентября и началась дѣятельность земскаго собора. Соборъ былъ раздѣленъ на двѣ палаты. Одну составляли дума и освященный соборъ, съ которыми царь и патріархъ «слушали» законопроектъ Одоевскаго. Другую составляли всѣ выборные люди, сидѣвшіе въ Отвѣтной палатѣ дворца подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. При чтеніи сдѣланнаго Одоевскимъ «собранія» выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіи дѣйствующаго закона и заявляли о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Заявленія выборныхъ, въ формѣ челобитій «всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли», восходили въ верхнюю палату, къ государю, а тамъ обыкновенно получали санкцію, послѣ чего и обращались въ новыя «статьи» закона, находившія себѣ мѣсто въ кодексѣ. Эти новыя статьи, ранѣе обнародованія ихъ въ составѣ законодательнаго сборника, публиковались въ видѣ особыхъ государевыхъ указовъ и обращались къ немедленному исполненію, такъ что земщина могла по нимъ слѣдить за ходомъ и направленіемъ законодательныхъ работъ. Къ 29 января 1649 года дѣло было окончено, и «Уложенная книга» была готова. Она получила названіе «Соборнаго уложенія», потому что была совершена соборомъ и скрѣплена подписями соборныхъ людей.

Нетрудно, конечно, догадаться, о чемъ просили выборные люди въ своихъ соборныхъ челобитныхъ. Мы видѣли, что главнымъ ихъ желаніемъ было упорядоченіе ихъ службъ, повинностей и платежей и укрѣпленіе ихъ имущественнаго положенія. Стремясь къ этому, они били челомъ: объ уничтоженіи исключительной подсудности духовенства; о воспрещеніи ду-

ховенству пріобрѣтать служилыя вотчины и объ отобраніи въ казну вотчинъ, пріобрѣтенныхъ имъ съ 1584 года; о воспрещеніи духовенству и боярству (вообще льготнымъ землевладѣльцамъ) принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей (закладчиковъ); о воспрещеніи духовенству и боярамъ селить на посадскихъ «выгонныхъ» земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ подгородныя слободы; о прикрѣпленіи къ тяглымъ участкамъ посадскихъ людей и о запрещеніи имъ выхода изъ посадовъ въ другія сословныя группы; объ уничтоженіи срока давности для исковъ; о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, иначе говоря, о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, и наконецъ, объ уничтоженіи даннаго при царѣ Михаилѣ иноземнымъ купцамъ права льготнаго торга на внутреннихъ рынкахъ государства. Большая часть этихъ ходатайствъ имѣла значеніе для одного какого-либо сословія: для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ; но обыкновенно «вся земля» поддерживала односословное ходатайство, и челобитье являлось отъ имени всѣхъ сословій. Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, «за себя стала» и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія «статьи», которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ. За исключеніемъ одного пункта (отобраніе земель, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг.), всѣ остальныя челобитья были удовлетворены государемъ и обратились въ статьи Уложенія. Такихъ новыхъ статей на 1000 приблизительно статей Уложенія насчитывается около 80; это можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе о напряженности законодательной энергіи соборныхъ людей.

Такова была побѣда среднихъ классовъ на соборѣ 1648 года. Отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы. Какъ въ 1612—1613 г. средніе слои общества возобладали благодаря своей внутренней солидарности и превосходству силъ, такъ и въ 1648 г. они достигли успѣха, благодаря единству настроенія и дѣйствія и численному преобладанію на соборѣ. И всѣ участники «великаго земскаго дѣла», какимъ было составленіе Уложенія, понимали важность минуты. Однихъ она радовала: тѣ, въ чью пользу совершалась реформа, находили, что наступаетъ торжество справедливости: «Нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ», писалъ одинъ дворянинъ другому: «и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ!» Нѣкоторые даже находили, что слѣдуетъ идти далѣе по намѣченному пути перемѣнъ. Такъ, курскіе служилые люди были недовольны своимъ выборнымъ на соборѣ Малышевымъ и «шумѣли» на него, по одному выраженію, за то, что «у государева у Соборнаго уложенья по челобитью земскихъ людей не противъ всѣхъ статей государевъ указъ учиненъ», а по другому выраженію, за то, что «онъ на Москвѣ розныхъ ихъ прихотей въ Уложеньѣ не исполнилъ». Но если одни

хотѣли еще больше, чѣмъ получили, то другимъ и то, что было сдѣлано, казалось дурнымъ и зловѣщимъ. Закладчики, взятые изъ льготной частной зависимости въ тяжелое государево тягло, мрачно говорили, что «ходить намъ по колѣно въ крови». По ихъ мнѣнію, общество переживало прямую смуту («міръ весь качается»), и обездоленной Уложеніемъ массѣ можно было покуситься на открытое насиліе противъ угнетателей, потому что этой массы будто бы всѣ боялись. Не одно простонародье думало такимъ образомъ. Патріархъ Никонъ подвергалъ рѣзкой критикѣ Уложеніе, называя его «проклятою» и беззаконною книгою. По его взгляду, оно составлено «человѣкомъ прегордымъ», княземъ Одоевскимъ, несоотвѣтственно царскому указанію и передано земскому собору изъ боязни предъ мятежнымъ «міромъ». Онъ писалъ: «и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ (т. е. соборъ) былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради». Разумѣется, Никона волновали иныя чувства, чѣмъ боярскихъ закладчиковъ. Въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы «ни въ чемъ же отмѣнно» и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же «ложнаго законодавца» Одоевскаго и междоусобіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ «указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ» и были допущены вопіющія нарушенія имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми. Поэтому Никонъ не признавалъ законности Уложенія и не разъ просилъ государя Уложеніе «отставить», т. е. отмѣнить. Таково было отношеніе къ собору и его Уложенной книгѣ у самаго яркаго представителя тогдашней іерархіи. Можемъ быть увѣрены, что ему сочувствовали и прочіе: реформа Уложенія колебала самый принципъ независимости и особности церковнаго строя и подчиняла церковныя лица и владѣнія общегосударственному суду; мало того, она больно затрогивала хозяйственные интересы церковныхъ землевладѣльцевъ. Сочувствія къ ней въ духовенствѣ быть не могло, какъ не могло быть и сочувствія къ самому земскому собору, который провелъ реформу. Боярство также не имѣло основаній одобрять соборную практику 1648 года. Къ серединѣ XVI столѣтія изъ развѣянныхъ Смутою остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ «отечествомъ», успѣла сложиться новая аристократія придворно-бюрократическаго характера. Не питая никакихъ политическихъ притязаній, это боярство приняло «приказный» характеръ, обратилось въ чиновничество и, какъ мы видѣли, повело управленіе мимо соборовъ. Хотя новые бояре и ихъ помощники, дьяки, сами происходили изъ рядового дворянства, а иногда и ниже, тѣмъ не менѣе у нихъ былъ свой гоноръ и большое стремленіе наслѣдовать не только земли стараго боярства, но и земледѣльческія льготы стараго типа, когда то характеризовавшія собою удѣльно-княжескія владѣнія. Обработанные И. Е. Забѣлинымъ документы вотчинъ знаменитаго Б. И. Морозова*) вводятъ насъ въ точное разумѣніе

*) *И. Е. Забѣлинъ.* «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г.).

тѣхъ чисто государственныхъ пріемовъ управленія, какіе существовали во «дворѣ» и въ «приказахъ» Морозова. Вотъ эта то широта хозяйственнаго размаха, поддерживаемая льготами и фактическою безотвѣтственностью во всемъ, и послужила предметомъ жалобъ со стороны мелкопомѣстнаго служилаго люда и горожанъ. Уложеніе проводило начало общаго равенства предъ закономъ и властью («чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна») и этимъ становилось противъ московскаго боярства и дьячества за мелкую сошку провинціальныхъ міровъ. Притязанія этой сошки охранить себя посредствомъ соборныхъ челобитій отъ обидъ насильниковъ московская администрація свысока называла «шумомъ» и «разными прихотьми», а шумѣвшихъ—«озорниками». Тенденція Уложенія и челобитья соборныхъ людей никакъ не могли нравиться московской боярской и дьяческой бюрократіи.

Такъ, съ ясностью обнаруживается, что, созванный для умиренія страны, соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли, соборные представители провинціальнаго общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протествовать «гилемъ» (т. е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, подготовляя тамъ Разиновщину,—то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ.

XI.

Земскій соборъ 1648 года былъ самымъ полнымъ, самымъ дѣятельнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ соборовъ при новой династіи. Почетно поставленные и обезпеченные казною на все время работъ въ Москвѣ, выборные люди привлекались иногда въ ряды московской администраціи не только для отдѣльныхъ порученій, но и на должности по мѣстному и центральному управленію. Имъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ почетомъ, оказывалось и довѣріе. Но въ то же время въ обстоятельствахъ собора 1648 года крылись уже причины быстрой развязки, конца соборовъ. Конецъ этотъ пришелъ такъ нежданно, что позднѣйшему наблюдателю онъ можетъ показаться какъ бы переворотомъ въ правительственной системѣ.

Послѣ собора объ Уложеніи въ Москвѣ были еще соборы въ 1650, 1651 и 1653 годахъ. Первый изъ нихъ занимался вопросомъ объ умиротвореніи Пскова, гдѣ тогда шло очень острое броженіе. Два послѣднихъ были посвящены вопросу о присоединеніи Малороссіи. Послѣднее засѣданіе собора 1653 года происходило 1 октября,—и болѣе соборы въ Москвѣ не созывались. Можно думать, что отъ нихъ московское правительство отказалось сознательно. Послѣ 1653 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ обратиться къ мнѣніямъ свѣдущихъ людей, въ Москвѣ созывали на совѣтъ уже не «всѣхъ чиновъ выборныхъ людей» а представителей только того сословія, которое было всего ближе къ данному дѣлу. Такъ, въ 1660, 1662—1663 годахъ шли совѣщанія бояръ съ

гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и экономическаго кризиса. Въ 1672 году въ Посольскомъ приказѣ высшее московское купечество было привлечено къ обсужденію армянскаго торга шелкомъ; въ 1676 году тотъ же вопросъ былъ предложенъ гостямъ въ Отвѣтной палатѣ. Въ 1681—1682 годахъ въ Москвѣ были двѣ односословныя комиссіи: одна, служилая, занималась вопросами военной организаціи; другая, тяглая,—вопросами податного обложенія; обѣ были подъ руководствомъ одного предсѣдателя, князя В. В. Голицына, но ни разу не соединились въ одну палату выборныхъ. Только однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ и думою составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны мѣстничества; но это, конечно, не былъ земскій соборъ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать этотъ терминъ. Прибѣгая къ совѣту съ экспертами въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ требовались спеціальныя свѣдѣнія, московская власть въ общихъ дѣлахъ, хотя бы и большой государственной важности, довольствовалась «соборомъ» властей и бояръ. Такъ, въ 1673 и 1679 годахъ экстренные денежные сборы въ виду войны съ турками были назначены приговорами освященнаго собора и думы. Ранѣе же такіе сборы назначались неизмѣнно земскими соборами. Словомъ, послѣ 1653 г. московское правительство систематически стало замѣнять соборы другими видами совѣщаній, на которые ему указывала традиція. Мы видѣли, что и комиссіи свѣдущихъ людей при боярской думѣ и «соборы» властей и бояръ существовали ещо до Смутнаго времени и были освящены еще большею давностью, чѣмъ выборные «совѣты всея земли». Признавъ послѣдніе нежелательными, легко обратились къ первымъ, видя въ нихъ не меньше смысла, но больше удобствъ и безопасности.

Однако, земскіе люди, замѣтивъ перемѣну въ отношеніи власти къ земскимъ соборамъ, не скрыли при случаѣ, что съ своей стороны они дорожатъ опальнымъ учрежденіемъ. Когда въ 1662 году, въ смутную пору тяжелаго денежнаго кризиса, московское правительство неоднократно звало на совѣтъ московскихъ гостей, людей гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ и слободъ, то всѣ эти люди въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса предлагали созвать соборъ. «То дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ», говорили гости и торговые люди: «и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно». Черные люди просили того же: «О томъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лучшихъ людей; а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей». Но судьба соборовъ была уже рѣшена, и великій государь соборовъ болѣе не созывалъ.

Послѣ сказаннаго нами нѣтъ надобности много говорить о причинахъ прекращенія соборовъ. Служа въ XVII вѣкѣ политическимъ органомъ среднихъ классовъ московскаго общества, соборы были сначала въ тѣсномъ единеніи съ монархомъ, который въ моментъ избранія своего самъ былъ

излюбленнымъ вождемъ тѣхъ же среднихъ классовъ. Дружное соправительство двухъ родственныхъ политическихъ авторитетовъ, царя и собора, продолжалось до того времени, пока верховная власть не эмансипировалась отъ сословныхъ вліяній и пока вокругъ нея не сложилась придворно-аристократическая бюрократія. При первыхъ же признакахъ разлада между земскимъ представительствомъ и «сильными людьми», между нижнею и верхнею палатами земскаго собора 1648 года, правительственная среда перестаетъ пользоваться помощью собора и прибѣгаетъ къ другимъ видамъ совѣщаній, существовавшимъ издавна въ московскомъ обиходѣ. Земскому собору перестаютъ довѣрять, потому что связываютъ его дѣятельность съ тѣмъ «въ міру великимъ смятеніемъ», которое колебало государство въ 1648—1650 годахъ. Власть ищетъ дальнѣйшей опоры уже не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: начинается бюрократизація управленія, торжествуетъ «приказное» начало, которому Петръ Великій далъ такое полное выраженіе въ своихъ учрежденіяхъ.

Такова была внутренняя причина паденія соборовъ. Не сомнѣваемся, что главнымъ виновникомъ перемѣны правительственнаго взгляда на соборы былъ патріархъ Никонъ. Присутствуя на соборѣ 1648 года въ санѣ архимандрита, онъ самъ видѣлъ знаменитый соборъ; много позднѣе онъ выразилъ свое отрицательное къ нему отношеніе въ очень рѣзкой запискѣ. Во второй половинѣ 1652 года сталъ Никонъ патріархомъ. Въ это время малороссійскій вопросъ былъ уже переданъ на сужденіе соборовъ. Когда же въ 1653 году соборъ покончилъ съ этимъ вопросомъ, новыя дѣла уже соборамъ не передавались. Временщикъ и іерархъ въ одно и то же время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ.

Очеркъ исторіи земскихъ соборовъ показываетъ намъ, что вопреки старымъ утвержденіямъ, будто бы соборы не пережили своей зачаточной формы, можно наблюдать въ жизни этого учрежденія извѣстное движеніе, ростъ и совершенствованіе. Въ первое время нашего знакомства съ соборами, въ 1566 году, соборъ является предъ нами какъ бы чрезвычайнымъ засѣданіемъ боярской думы, въ которое приглашены свѣдущіе люди, выбранные самимъ правительствомъ изъ лицъ, находившихся въ ту минуту въ столицѣ и принадлежавшихъ къ верхамъ двухъ основныхъ сословій страны, служилаго и тяглаго. Представительства, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, еще не существуетъ; его замѣняетъ правительственное приглашеніе. Провинціальное общество, если не считать дворянъ изъ Торопца и В. Лукъ, вовсе не представлено прямыми представителями. Изслѣдователямъ приходится пускать въ ходъ все свое остроуміе для того, чтобы объяснить, почему подобнаго рода собраніе могло почитаться въ XVI вѣкѣ за совѣтъ всея земли. Прошло столѣтіе, и на своемъ закатѣ земскій соборъ предстаетъ предъ нами совсѣмъ въ иной формѣ. Въ составѣ собора 1648 г. столица побѣждена провинціей и общественные верхи побѣждены общественною серединою. Прежде составъ собора опредѣлялся приглашеніемъ правительства, имѣвшимъ въ виду лишь столичныхъ обывателей, постоянныхъ и временныхъ. Позднѣе мы видимъ, что дворянскія уѣздныя общества и тяглыя

городскія общины путемъ правильныхъ выборовъ посылаютъ на соборъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ; и городъ Москва наряду съ провинціей посылаетъ отъ себя тѣмъ же порядкомъ избранныхъ въ его сословныхъ организаціяхъ представителей. Раньше на соборахъ бывали сотни москвичей и десятки «городовыхъ» людей; въ 1648 году мы видимъ на соборѣ сотни городовыхъ людей и десятки москвичей. Начало выборнаго представительства, выработанное въ буряхъ Смутнаго времени, привело къ тому, что соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство. Съ нашей точки зрѣнія, устройство представительства было въ 1648 г. мало совершенно; сравнительно же съ XVI вѣкомъ оно сдѣлало громадные успѣхи. Оно превратило земскіе соборы изъ вспомогательнаго правительственнаго совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества. Собственно говоря, одно учрежденіе какъ бы смѣнилось другимъ, хотя оба они и носили одно и то же имя «совѣта всея земли».

Въ томъ и въ другомъ своемъ видѣ, то есть и тогда, когда соборъ былъ правительственною комиссіей свѣдущихъ людей, и тогда, когда соборъ сталъ собраніемъ земскихъ уполномоченныхъ,—онъ игралъ роль по преимуществу совѣщательную. Руководство московскою правительственною практикою сосредоточивалось въ боярской думѣ. Одинаково при государяхъ и въ безгосударное время дума стояла во главѣ текущаго управленія; совѣтъ же всея земли былъ совѣщаніемъ экстреннаго порядка, въ которое обращались только дѣла чрезвычайной важности. Изъ своей пассивной роли совѣтника соборъ выходилъ лишь въ исключительныя минуты государственной жизни, когда ему усваивалась, можно сказать, верховная власть. Мы видѣли, что въ эпохи междуцарствія она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династіи, въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 года, Соборное уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.), сами государи сливали свой авторитетъ съ авторитетомъ «всея земли». Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье,—и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника, ожидающаго призыва со стороны власти. Мы видѣли, чѣмъ объяснялась эта пассивность земскихъ соборовъ въ пору ихъ наибольшаго процвѣтанія и значенія. Соборы были органомъ тѣхъ же среднихъ общественныхъ классовъ, представительницею и выразительницею которыхъ была сама новая династія. Въ общей «разрухѣ» царь и соборъ представляли одну политическую сторону, были одною политическою силою, имѣли однихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Это были не противники, готовые спорить между собою за власть, а союзники, готовые дружно защищать общее добро. Не ревнивый контроль, а спокойное довѣріе характеризовало ихъ взаимныя отношенія, и не желаніе верховодить, а стремленіе «заложиться» другъ за друга господствовало въ нихъ. Таковъ былъ историческій моментъ, длившійся, прибавимъ, недолго. Въ серединѣ XVII вѣка жизнь стала разводить друзей. Власть постепенно освобождалась отъ вліянія среднихъ слоевъ населенія, бывшихъ ранѣе ея поддержкою. Она видѣла въ себѣ руководительницу всего замиреннаго послѣ Смуты московскаго общества, представительницу всего государства. Задачи ея, естественно, становились болѣе ши-

рокими и шли далѣе односторонней защиты интересовъ того или иного сословія. А соборы продолжали быть органомъ общественной середины и выразителями интересовъ именно среднихъ классовъ. Съ другой стороны, вокругъ государя постепенно образовалась «приказная», бюрократическая среда, своего рода «средостѣніе» между властью и обществомъ. Раздражаемая злоупотребленіями приказныхъ людей, земщина стала мѣнять тонъ на соборахъ; въ 1648—1649 гг. она явно стала противъ «сильныхъ людей», и въ борьбѣ съ ними инстинктивно потянулась къ тому, что называется законодательною иниціативой. Пассивный прежде совѣтникъ теперь становился неудобнымъ для приказно-бюрократическихъ круговъ и потому былъ очень скоро устраненъ. Стало быть, какъ въ отношеніи состава, такъ и въ отношеніи политической роли, исторія соборовъ представляетъ картину быстрыхъ перемѣнъ. Будучи собраніемъ чиновниковъ (правительственныхъ агентовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій) въ началѣ своей дѣятельности, соборъ затѣмъ является собраніемъ земцевъ правительственной партіи, а въ концѣ показываетъ возможность обратиться и въ оппозиціонную организацію.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни быстро мѣнялась физіономія изучаемаго нами учрежденія, оно во всѣхъ фазахъ своихъ признавалось всѣми цѣннымъ и полезнымъ участникомъ московской государственной работы. Мы видѣли, какъ часто и охотно прибѣгала власть къ созыву соборовъ и какъ высоко ставился «совѣтъ всея земли» всѣми временными правительствами Смутной эпохи. Соборы давали возможность власти точно узнать мнѣніе и настроеніе общества и достичь увѣренности, что принятое на соборѣ рѣшеніе будетъ принято и исполнено всѣмъ обществомъ. Для земщины соборъ былъ средствомъ довести до власти свои жалобы, нужды и желанія, «разсказать про неправды и разоренія», достичь справедливости и порядка въ своей жизни. На соборъ населеніе смотрѣло, какъ на лучшій свой органъ, безъ котораго нельзя было рѣшать важныхъ дѣлъ, «великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно», какъ выражались наши предки. Какъ средство общенія власти съ управляемымъ обществомъ, соборы сослужили Москвѣ большую службу. Московскій государственный порядокъ, изъ котораго ведетъ свое начало новая Россія, былъ созданъ и укрѣпленъ, послѣ ужасающей смуты начала XVII вѣка, болѣе всего авторитетомъ земскаго собора.

Таково значеніе и заслуги московскаго «совѣта всея земли». Отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, этотъ совѣтъ былъ движущимъ началомъ московской исторіи. Для насъ, съ нашими злобами дня, онъ только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старый «совѣтъ всея земли» намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ даетъ наблюдателю цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы «общаго совѣта» и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности.

№ 45783

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ВЫПУСКА.

Стр.

В. И. Пичета. Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ 5

Проф. В. М. Довнаръ-Запольскій. Московскіе гуманисты и обскуранты 22

П. Г. Васенко. Смута начала XVII вѣка и ея Московскія отраженія 58

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Московскіе земскіе соборы . . . 101